

№ 1 (50)
2020

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А. В. Рябцев,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А. Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь

Е. Ю. Колобанова

Члены редколлегии:

Е. Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;
А. М. Баранов,
д-р юрид. наук, профессор;
А. С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор;
С. С. Безруков,
д-р юрид. наук, доцент;
В. А. Болдырев,
д-р юрид. наук, доцент;
С. И. Давыдов,
д-р юрид. наук, доцент;
В. В. Денисенко,
д-р юрид. наук, профессор;
А. Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;
Н. Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор;
В. П. Камышанский,
д-р юрид. наук, профессор;
С. М. Кузнецова,
канд. юрид. наук, доцент;
Ю. И. Кулешов,
д-р юрид. наук, профессор;
В. Н. Лисица,
д-р юрид. наук, доцент;
Н. Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовный процесс

Егоров Н. Н. Собираение и представление доказательств защитником / 5

Мамошин М. А., Мамошин А. А. Проблемы законодательного регулирования участия специалиста в следственном эксперименте / 10

Попова Е. И. Алгоритмы разрешения государственным обвинителем типичных ситуаций, возникающих при заявлении потерпевшим гражданского иска по уголовным делам, рассматриваемым судом в особом порядке (гл. 40 УПК РФ) / 15

Карданов Р. Р., Отаров А. А. Еще раз к вопросу о понятии освидетельствования в уголовном процессе / 24

Уголовное право и криминология.

Уголовно-исполнительное право

Антонова Е. Ю. Меры уголовно-правового воздействия, применяемые к несовершеннолетним лицам, совершившим преступление: анализ эффективности / 31

Борков В. Н. Ответственность за халатность в структуре уголовно-правовой охраны функционирования государства / 39

Кобец П. Н., Никитенко И. В. Противодействие коррупции в современной Бразилии: криминологический обзор / 44

Данилов Т. Р., Шабалин Л. И. Мошенничество в сфере страхования: анализ норм с точки зрения теорий криминализации и дифференциации уголовной ответственности / 51

Соловьева М. Н. Общественная опасность действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267¹ УК РФ) / 58

Сливко Н. К. Об опыте возмещения вреда потерпевшим от преступлений в Канаде и Австралии / 63

Сафронов А. П. Преступления коррупционной направленности, связанные с нарушением установленного законом порядка образования и функционирования юридических лиц / 69

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.

Оперативно-розыскная деятельность

Шурухнов Н. Г., Мерецкий Н. Е. Возможности онлайн-семинаров в повышении эффективности борьбы с преступностью в сфере высоких технологий (обзор) / 74

Максимов Н. В. О результативности методов определения вероятного роста человека по следам ног / 82

И. В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
Н. А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор;
В. Н. Шамаков,
канд. юрид. наук, доцент;
Н. Г. Шурухнов,
д-р юрид. наук, профессор

Редактор
Е. Ю. Колобанова

**Компьютерная верстка
и дизайн**
А. В. Ковалев

Корректор
Н. Б. Хохлова

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-77679
от 10 февраля 2020 г.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 27.03.2020.
Дата выхода в свет 31.03.2020.
Бум. офис. Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 16,5.
Тираж 300 экз. (1-й завод – 1–90 экз.)
Заказ № 15.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46–52–17
Тел./факс: (4212) 46–52–06
© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2020

Щербаченко А. К. Первоначальный этап расследования мошенничеств, совершенных группой лиц: теоретические и прикладные вопросы изучения / 88

Ильин Н. Н. Собираание исходных данных в ходе осмотра места происшествия при назначении транспортно-технической судебной экспертизы / 94

Ефремов Д. В., Карпенко Н. А. Тактика производства следственного осмотра при расследовании незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке / 101

Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф. Проблемы экспертного исследования фотоизображений, изготавливаемых на документы, удостоверяющие личность / 109

Моляров Е. А. Использование систем видеонаблюдения оперативными подразделениями органов внутренних дел в непроцессуальном отождествлении личности / 114

Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право

Бодырев В. А. Правовая природа требования о признании вещного права или обременения отсутствующим / 123

Богуславская Н. А. О финансовой поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства: некоторые аспекты правового регулирования / 129

Зыкова О. А. Оффшорная зона как один из видов территории со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности / 135

Информация для авторов / 141

№ 1 (50)
2020

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief
A. V. Ryabtsev,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

Deputy Editor-in-Chief
A. N. Deryuga,
Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary
E. Yu. Kolobanova

Editorial staff:
E. Yu. Antonova,
Doctor of Law, Associate Professor;
A. M. Baranov,
Doctor of Law, Professor;
A. S. Bakhta,
Doctor of Law, Professor;
S. S. Bezrukov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. A. Boldyrev,
Doctor of Law, Associate Professor;
S. I. Davydov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. V. Denisenko,
Doctor of Law, Professor;
L. N. Dreval,
Doctor of Law, Professor;
N. N. Egorov,
Doctor of Law, Professor;
V. P. Kamyshanskii,
Doctor of Law, Professor;
S. M. Kuznetsova,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
Yu. I. Kuleshov,
Doctor of Law, Professor;
V. N. Lisitsa,
Doctor of Law, Associate Professor;
N. E. Meretskiy,
Doctor of Law, Professor;

CONTENTS

Criminal procedure

Egorov N. N. On the collection and presentation of evidence by the defence counsel / **5**

Mamoshin M. A., Mamoshin A. A. Problems of legislative regulation of the specialist`s participation in the investigation experiment / **10**

Popova E. I. Algorithms the permission of the public prosecutor of the typical situations occurring in the statement of the victim of a civil lawsuit in criminal cases before the court in a special order (chapter 40 code of criminal procedure) / **15**

Kardanov R. R., Otarov A. A. Once again to the question of the concept of examination in criminal proceedings / **24**

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Antonova E. Yu. Criminal law measures applied to juvenile offenders: analysis of effectiveness / **31**

Borkov V. N. Responsibility for negligence in the structure of the criminal legal protection of the functioning of the state / **39**

Kobets P. N., Nikitenko I. V. Of the fight against corruption in Brazil: criminological analysis / **44**

Danilov T. R., Shabalin L. I. Fraud in the sphere of insurance: legal analysis in terms of theories of criminalization and differentiation of criminal liability / **51**

Solovyova M. N. Public hazard of action, threatening safe operation vehicles (art. 267¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) / **58**

Slivko N. K. About the experience of the compensation of damage to victims of crimes in Canada and Australia / **63**

Safronov A. P. Corruption-related crimes that violate the legal procedure for the formation and functioning of legal entities / **69**

Criminalistics. Forensic expertise activity. Operative search activity

Shurukhnov N. G., Meretskiy N. E. Opportunities for online seminars to improve the effectiveness of the fight against crime in the field of high technology (overview) / **74**

Maksimov N. V. About efficiency of methods of determination of probable growth of the person on footprints studied on a course of criminalistics / **82**

Scherbachenko A. K. Initial stage of investigation of frauds committed by a group of persons: theoretical and applied research issues / **88**

Ilyin N. N. Collecting of basic data during inspection of the scene at purpose of transport and technical judicial examination / **94**

УДК 343.14

СОБИРАНИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАЩИТНИКОМ

Николай Николаевич Егоров, профессор кафедры Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

E-mail: egorovnn@yandex.ru

В статье анализируются установленная Конституцией РФ гарантия осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон и закрепленное УПК РФ право защитника на сбор доказательств. Обосновывается вывод, что самостоятельно реализовать это право защитник в рамках действующего УПК РФ не в состоянии, поскольку оно фактически возложено на сторону обвинения и суд.

Ключевые слова: состязательность и равноправие сторон; сбор и представление доказательств защитником; получение предметов, документов и иных сведений; опрос лиц с их согласия; истребование справок, характеристик, иных документов; адвокатский запрос; ходатайство стороны защиты.

ON THE COLLECTION AND PRESENTATION OF EVIDENCE BY THE DEFENCE COUNSEL

Nikolay Nikolaevich Egorov, professor of the Department of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor

The article analyzes established by the Constitution of the Russian Federation guarantee that proceedings on the basis of competitiveness and equality of the parties, and fixed the code of criminal procedure the right of the defender on collecting of proofs. It is concluded that to implement this human rights activist under the current CPC, because it is actually conferred on the prosecution and the court.

Keywords: competition and equality of the parties; collection and presentation of evidence by the defense lawyer; obtaining items, documents and other information; interviewing persons with their consent; requesting certificates, characteristics, and other documents; lawyer's request; request from the defense.

Конституцией Российской Федерации провозглашена гарантия осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123), нашедшая отражение в отраслевом процессуальном законодательстве, в частности в ст. 15 УПК РФ.

В целях реализации вышеуказанной конституционной гарантии при обсуждении ныне действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации вносились предложения о возможности ведения стороной защиты самостоятельного, «параллельного» рассле-

дования с возможностью производства следственных и иных процессуальных действий [5, с. 5]. Однако эти предложения не были приняты.

Вместе с тем, в ныне действующем уголовно-процессуальном законодательстве все-таки предусмотрено право защитника обвиняемого (подозреваемого) по собиранию доказательств. Так, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 57 УПК РФ защитник вправе собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи. Сам же этот порядок, в настоящее время достаточно широко используемый на практике, исчерпывающе изложен в ч. 3 ст. 86 УПК РФ.

Предоставив указанное право стороне защиты и обозначив его средства (пути), законодатель, например, в отличие от следственной деятельности, по существу, не определил процессуальный порядок реализации прав защитника по собиранию доказательств.

Поскольку УПК РФ формы процессуальных документов собирания доказательств защитником не установлены, то для реализации положений ч. 3 ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Минюст России разработал приказ, утвердивший форму адвокатского запроса [3], а Совет Федеральной палаты адвокатов России в целях недопущения ошибок и установления единообразной практики собирания и представления доказательств защитником подготовил соответствующие методические рекомендации [4].

В указанных методических рекомендациях отмечено, что по форме и содержанию процессуальные документы собирания доказательств защитником должны соответствовать требованиям ст. 74, 75 и 84 УПК РФ [4]. Поэтому следует отметить, что атрибуты процессуальных документов, предложенные в данных методических рекомендациях, являются неполными и явно нуждаются в некоторых дополнениях и уточнениях с учетом норм уголовно-процессуального законодательства (ст. 164, 166, 168–170 УПК РФ и др.) и криминалистических рекомендаций, что нами и реализовано в данной статье.

Первый предусмотренный законом способ собирания доказательств – получение предметов, документов и иных сведений (п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ) – предполагает только сугубо добровольную передачу вышеуказанных объектов защитнику. Для подтверждения добровольности передачи предметов и документов в методических рекомендациях Совета Федеральной палаты адвокатов России предлагается составлять письменное заявление от владельца данного предмета (документа) по форме, в которой отражается:

- обозначение названия документа – заявление о добровольной передаче защитнику предмета или документа;
- место и дата составления заявления;
- сведения о владельце предмета (документа): фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, адрес проживания, информация о документе, удостоверяющем личность, номер мобильного телефона и род занятий;
- наименование и назначение передаваемого предмета или документа, его краткая характеристика, например, идентификационный номер (при наличии);
- происхождение передаваемого предмета или документа, когда и при каких обстоятельствах он был получен (приобретен). При наличии подтверждающих это документов они могут быть приложены к заявлению;
- с какой целью, для подтверждения каких обстоятельств он передается адвокату;
- отметка о добровольности передачи предмета (документа) и об отсутствии каких-либо мер принуждения при его получении.

Заявление заверяется подписью владельца предмета или документа с указанием фамилии и инициалов.

Возможно подтверждение добровольности передачи предмета или документа присутствием при нем двух граждан, которые заверяют этот факт своими подписями в вышеуказанном

заявлении. При невозможности или нежелательности привлечения третьих лиц, допустимо нотариальное удостоверение подписи лица, написавшего заявление.

После фактического получения предмета или документа защитник при участии его владельца и граждан (в случае их присутствия при передаче), заверивших факт добровольной его передачи своими подписями в заявлении, производит осмотр этого предмета (документа) для выявления его особенностей и имеющихся на нем следов. При необходимости к осмотру предмета (документа) может привлекаться специалист (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Порядок и результаты осмотра отражаются в протоколе (акте) получения предмета или документа. В нем указываются:

- наименование данного документа – протокол или акт получения предмета (документа);
- место и дата его получения;
- сведения об адвокате, осуществляющем получение и осмотр: фамилия, имя и отчество, наименование его адвокатского образования, его номер в соответствующем реестре и номер ордера, на основании которого он выполняет поручение по данному делу;
- ссылка на заявление владельца предмета (документа) о его добровольной передаче;
- сведения о лицах, участвовавших в его получении и осмотре;
- общие признаки предмета или документа (его назначение, наименование, форма, размеры, цвет, материал, состояние поверхности);
- его индивидуализирующие признаки (дефекты изготовления и особенности, возникшие в результате эксплуатации, в чем они заключаются, где расположены, при наличии – идентификационный номер). При описании предметов (документов), их частей, признаков и следов на них рекомендуется использовать общепринятую в криминалистической литературе терминологию;
- методы, приемы и средства обнаружения и изъятия невидимых следов, их внешний вид и взаиморасположение;
- перечень применявшихся при осмотре технических средств с обозначением режимов их работы. Описание носителей, на которые записывалась информация о ходе и результатах осмотра, указание на их прослушивание и просмотр;
- способ упаковки осматриваемых предметов (документов), следов на них и носителях информации (при наличии); какими надписями заверена упаковка и какой печатью опечатана.

Протокол (акт) получения и осмотра предмета (документа) зачитывается защитником для ознакомления участников, им разъясняется право делать в нем замечания или дополнения. Поступившие замечания и дополнения или их отсутствие заверяются подписями участников. К протоколу (акту) прилагаются полученный и осмотренный предмет (документ) и изъятые на нем следы; если производилась аудио-, фото- и видеофиксация хода и результатов получения и осмотра, то прилагаются и соответствующие носители информации, о чем в протоколе (акте) делается отметка.

При вторичной роли защитника при получении предмета (документа), который только принимает добровольно передаваемый объект, может возникнуть достаточно парадоксальная ситуация. Обвиняемый (подозреваемый), находящийся под домашним арестом или заключенный под стражу, сообщает защитнику о предположительном месте нахождения предметов или документов, которые еще предстоит отыскать. Выполнить же поисковые мероприятия по обнаружению объектов в местах, указанных подозреваемым (обвиняемым), защитник не может, т. к. это не регламентировано ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Он может только обратиться к следователю с ходатайством о производстве поисковых мероприятий в указанных местах, что требует времени, за которое искомые объекты могут быть утрачены. Следователь может и отказать в удовлетворении ходатайства о производстве поисковых мероприятий, что также поставит под угрозу сохранность предмета или документа.

Представляется, что в случаях, не терпящих отлагательства, когда под угрозу поставлена сохранность предмета или документа, защитнику следует предоставить право, возможно с предварительным уведомлением следователя, выполнять действия, направленные на поиск и обнаружение предметов и документов, на которые ему укажут его подзащитный или иные участники уголовного процесса, о чем в ст. 86 УПК РФ должно быть внесено соответствующее дополнение.

Опрос, согласно предписанию п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, возможен только с согласия на него опрашиваемого лица. При необходимости, если опрашиваемый не владеет языком судопроизводства, для участия в опросе может привлекаться специалист-переводчик (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Результаты опроса фиксируются в акте с отражением следующих данных:

- наименование данного документа – акт опроса;
- место, дата, время начала и окончания (продолжительность) опроса;
- сведения об адвокате, проводящем опрос: его фамилия, имя и отчество, адвокатское образование, в котором он осуществляет свою деятельность, его номер в реестре;
- номер ордера, на основании которого он выполняет поручение по данному делу;
- фамилия, имя, отчество, дата и место рождения опрашиваемого лица, адрес проживания, сведения о документе, подтверждающем эти данные, род занятий и номер телефона (при наличии);
- сведения о переводчике (при его участии);
- взаимоотношения опрашиваемого с лицами, проходящими по делу;
- расписка о добровольном согласии лица на участие в опросе.

Содержательная часть акта опроса может быть оформлена либо в виде свободного рассказа с постановкой в конце дополняющих, уточняющих, конкретизирующих или детализирующих вопросов и ответов на них, либо содержать конкретные вопросы и развернутые ответы на них.

С актом опроса опрашиваемый может знакомиться самостоятельно, либо по его просьбе он зачитывается защитником, о чем в акте делается соответствующая отметка. ходатайство опрашиваемого о дополнении и об уточнении сведений в акте опроса подлежит обязательному удовлетворению. Факт ознакомления с актом опроса и правильность записи опрашиваемое лицо и переводчик (при участии) удостоверяют своими подписями. Они также подписывают каждую страницу акта.

Адвокат вправе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций (п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

Право на адвокатский запрос в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» было внесено не так уж и давно (ст. 6.1) [1]. В соответствии с ч. 3 ст. 6.1 указанного федерального закона требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса определяются федеральным органом юстиции. В развитие данного положения закона форма адвокатского запроса была достаточно подробно регламентирована приказом Минюста РФ от 14 декабря 2016 г. № 288 «Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса» [3], поэтому приводить ее нет необходимости.

Порядок, форма и сроки ответа от органов, организаций и объединений, которым адресован запрос, установлены ч. 2 ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: письменная форма ответа; тридцатидневный срок ответа со дня получения запроса; в случаях, требующих времени на собирание запрашиваемых сведений, указанный срок может быть продлен, но не более чем на тридцать дней, при этом адвокат уведомляется о продлении срока рассмотрения его запроса.

Тем же федеральным законом, которым было введено право на адвокатский запрос, была введена и административная ответственность (ст. 5.39 КоАП РФ) [1] за неправомерный отказ

Мы уверены, что сложившийся порядок рассмотрения ходатайств, заявленных стороной защиты, должен быть изменен, поскольку стороны защиты и обвинения наделены равными процессуальными правами. Сам же процесс разрешения ходатайств нуждается в проведении дополнительных исследований, при учете сбалансированности интересов сторон.

Литература

1. О внесении изменений в статьи 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: федеральный закон от 2 июня 2016 г. № 160-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 467-О. URL: http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_3083.htm (дата обращения: 14.01.2020).
3. Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса: приказ Минюста РФ от 14 декабря 2016 г. № 288 (ред. от 24.05.2017). URL: <http://docs.cntd.ru/document/420387000> (дата обращения: 14.01.2020).
4. Методические рекомендации Совета Федеральной палаты адвокатов РФ по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (22 апреля 2004 г., протокол № 5). URL: http://fparf.ru/documents/council_documents/council_recommendations/1520/ (дата обращения: 14.01.2020).
5. Гаврилов Б. Я. Уголовно-процессуальный кодекс РФ в вопросах и ответах // Юридический консультант. 2002. № 10.
6. Мельников В. Ю. Необходимо ли досудебному производству по уголовным делам адвокатское расследование? // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2.

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В СЛЕДСТВЕННОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Максим Анатольевич Мамошин, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук;

Анатолий Александрович Мамошин, доцент кафедры Дальневосточного государственного университета путей сообщения, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: mister.maxim83@yandex.ru
kaf_ugpd@festu.khv.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с оказанием специалистом содействия органам предварительного расследования при производстве следственного эксперимента. Авторы обращают внимание на отдельные проблемы законодательного регулирования данного следственного действия и вносят предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: специалист; эксперт; следственный эксперимент; экспертиза; доказательства.

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE SPECIALIST'S PARTICIPATION IN THE INVESTIGATION EXPERIMENT

Maxim Anatolyvich Mamoshin, department associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law;

Anatoly Aleksandrovich Mamoshin, department associate professor of the Far Eastern State Transport University, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article discusses issues related to assisting the specialist bodies of preliminary investigation when investigative experiment. The author draws attention to some problems of legislative regulation of the investigatory action made proposals directed on its improvement.

Keywords: specialist; expert; investigative experiment; expertise; evidence.

Уголовный процесс как вид государственной деятельности направлен на раскрытие и расследование преступлений. Ни для кого не секрет, что данная деятельность не может быть реализована без ключевого участника – следователя. Именно на следователя ложится бремя доказывания всех обстоятельств происшедшего, изобличения обвиняемого в совершении преступления. Но вряд ли следователю, даже при наделении его достаточно широкими процессуальными полномочиями, по силам одному справиться с решением столь трудной и ответственной задачи, как установление лица, совершившего общественно опасное деяние, и привлечение этого лица к ответственности. У следователя должны быть помощники, и одним из них является специалист. Думается, что без использования в современном уголовном процессе специальных познаний в области науки, техники, искусства и других сферах, данный вид государственной деятельности выглядел бы архаично и бесперспективно в решении поставленных задач. Использование специальных знаний в расследовании преступлений имеет довольно давнюю историю, и на протяжении не одного столетия этот институт перманентно совершенствуется, что свидетельствует о его важности для уголовной юстиции.

Исходя из содержания УПК РФ, носителями специальных знаний являются два участника – специалист и эксперт. В настоящей статье мы в основном будем вести речь о специалисте и его роли при производстве следственного эксперимента.

В соответствии со ст. 58 УПК РФ специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Анализ действующего УПК РФ показывает, что специалист может привлекаться для участия во всех без исключения следственных действиях. Так, в статье 168 УПК РФ, которая посвящена участию специалиста, в первой ее части отмечено, что следователь вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 164 УПК РФ.

Следственный эксперимент является одним из следственных действий, производство которого представляет существенную научно-техническую сложность, в связи с этим оно, как правило, организуется и производится с участием специалиста.

Часть практических работников считает, что следственному эксперименту обязательно должно предшествовать проведение такого следственного действия, как проверка показаний на месте. Полагаем, что данная точка зрения не должна рассматриваться как истина в последней инстанции. Существуют различные ситуации, которые побуждают следователя назначить следственный эксперимент, но нигде в законе не указано, что его производство ставится в зависимость от осуществленных ранее каких-либо следственных действий.

Участие специалиста в следственном эксперименте может быть связано с оказанием содействия следователю в воспроизведении обстановки и обстоятельств события в ходе проведения опытных действий или для проверки уже имеющихся доказательств в случае сомнения в их достоверности.

Цели следственного эксперимента направлены на проверку и уточнение данных, имеющих значение для уголовного дела, путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события, на проверку возможности восприятия ка-

дела, может быть извлечена на этапе доследственной проверки сообщения о преступлении путем производства такого универсального и обязательного следственного действия, как осмотр места происшествия. Это следственное действие, которое очень долгое время являлось единственно допустимым в стадии возбуждения уголовного дела, и сегодня остается определяющим при принятии решения о начале предварительного расследования.

Осуществляя оценку результатов следственного эксперимента, следователь может получить от специалиста консультацию относительно точности полученных данных, исходя из достижений той науки, представителем которой является специалист. Следственный эксперимент характерен тем, что для проверки воспроизводимости опытных действий, полученных результатов может потребоваться многократное их проведение.

Профиль специалиста при производстве следственных экспериментов может быть разным. Следователь, привлекая специалиста для участия в следственном эксперименте, должен определиться с задачами данного следственного действия, характером изучаемых в ходе его явлений, предметов, особенностей воспроизводимых условий и совершаемых опытных действий. В настоящее время, когда специалист получил право участвовать практически во всех следственных действиях, научно-техническая база следственного эксперимента имеет все условия для своего расширения и совершенствования.

В соответствии с ч. 2 ст. 71 УПК РФ не является запретом производство экспертизы тем экспертом, который ранее принимал участие в деле в качестве специалиста. На наш взгляд, это открывает дополнительные возможности, т. к. специалист будет более ответственно готовиться к проведению следственного эксперимента, зная, что в последующем ему же придется проводить по этому делу экспертизу. В связи с этим следует обратить внимание на отличие следственного эксперимента от экспертного эксперимента, который профессор А. И. Винберг рассматривал как одну из стадий экспертного исследования [2, с. 26]. Их отличие проводится по задачам использования экспериментального метода в этих двух случаях, по целям применения специальных познаний, по процессуальному положению специалиста и эксперта.

Участие специалистов в следственном эксперименте преследует цель оказания научно-технической помощи на всех этапах, связанных с его подготовкой, производством, сопровождением и оформлением. Поскольку руководство следственным экспериментом, как и всяким другим следственным действием, принадлежит следователю, последний определяет и задание специалисту, а тем самым и сферу применения специальных познаний при эксперименте. Деятельность специалиста при этом ограничивается характером и кругом проверяемых доказательств, а также содержанием требующих проверки версий. Причем использование специальных познаний в следственном эксперименте играет вспомогательную роль. Их применением данное следственное действие не исчерпывается.

При производстве экспертизы проверяемые версии и доказательства выступают в качестве исходных данных и фактически определяют круг вопросов, подлежащих разрешению. В дальнейшем же в ходе экспертного исследования эксперт свободен в выборе наиболее целесообразных и эффективных с точки зрения его специальных познаний методов исследования. Это относится и к экспертному эксперименту. Само же решение о его проведении, содержании, объеме, методике относится к компетенции эксперта. Различие участия специалиста в следственном эксперименте и производстве эксперимента в ходе экспертизы состоит в разном процессуальном положении специалиста и эксперта.

Производству следственного эксперимента посвящена ст. 181 УПК РФ. Содержание данной нормы, на наш взгляд, могло быть более весомым, но, видимо, законодатель не счел необходимым детально изложить процедуру производства этого следственного действия. Надо понимать, что процессуальная составляющая следственного эксперимента играет важную роль в получении информации, которая в последующем может иметь доказательственное значение по делу. Установленный процессуальный порядок производства любого следственного

действия ориентирует следователя на обеспечение законных интересов всех его участников, не допуская импровизации и совершения тех действий, которые законом не предусмотрены.

Примечательно, что содержание ст. 181 УПК РФ ни разу не изменялось с момента вступления в силу уголовно-процессуального закона, и это уже необычно, учитывая то, как законодатель перманентно вносит коррективы в различные нормы кодекса. Почему следственный эксперимент не получил дальнейшего законодательного совершенствования – остается неясным.

Обратим внимание на законодательную дефиницию следственного эксперимента: «В целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события». Думается, что данное понятие не в полной мере определяет сущность следственного эксперимента и требует корректировки. Также считаем излишним упоминание в ст. 181 УПК РФ, что «производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц». Подобное указание уже находит свое отражение в ч. 4 ст. 164 УПК РФ, регламентирующей общие правила производства следственных действий. Более того, в ст. 181 УПК РФ законодатель забывает упомянуть о запрете унижать честь и человеческое достоинство участников следственного эксперимента.

Считаем, что на производство следственного эксперимента не должно распространяться общее правило производства следственного действия, изложенное в ч. 3 ст. 164 УПК РФ. Учитывая те цели, которые преследует следственный эксперимент, приспособивание его к различным условиям, производство данного следственного действия в ночное время не может рассматриваться как безотлагательный случай.

Возвращаясь к понятию следственного эксперимента, полагаем, что оно более точно было изложено в УПК РСФСР 1960 г. Так, в статье 183 под следственным экспериментом понималось «воспроизведение действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события и совершение необходимых опытных действий в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела».

В данном контексте следует уточнить, что в советском уголовно-процессуальном законодательстве, в отличие от российского, при формулировании понятия следственного эксперимента обращалось внимание на опытный метод его производства, без которого следственный эксперимент существовать не может.

Подчеркнем, что следственный эксперимент является тем следственным действием, в котором одна из важных ролей принадлежит специалисту, оказывающему помощь следователю в воспроизведении обстановки и обстоятельств события в ходе проведения опытных действий. К сожалению, ст. 181 УПК РФ, регламентирующая производство следственного эксперимента, о специалисте вообще не упоминает. Как нам представляется, данный пробел может быть устранен путем внесения соответствующих поправок в уголовно-процессуальное законодательство. В связи с этим предлагаем ст. 181 УПК РФ изложить в следующей редакции:

1. Следственный эксперимент производится следователем с участием специалиста путем воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события и совершения необходимых опытных действий в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела и получения новых доказательств.

2. О производстве следственного эксперимента следователь выносит постановление, с которым должны быть ознакомлены специалист, подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, его представитель. Также участвующим в следственном эксперименте лицам должны быть разъяснены их права и обязанности, предусмотренные настоящим кодексом.

3. При необходимости, по мотивированному постановлению следователя следственный эксперимент производится в ночное время.

Вносимые нами предложения по усилению правовой регламентации специалиста в следственном эксперименте могут быть рассмотрены законодателем как один из возможных вариантов. Главное, чтобы уголовно-процессуальный закон не вводил правоприменителя в заблуждение, а был четок, понятен и содействовал в достижении истины по уголовному делу.

Литература

1. Багмет А. М., Черкасова Л. И. Процессуальное значение проведения следственного эксперимента по делам о преступлениях, совершенных медицинскими работниками // *Российский следователь*. 2014. № 10.
2. Винберг А. И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949.
3. Гуковская Н. И. Следственный эксперимент. М., 1958.
4. Корма В. Д. О проблеме производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных происшествий, совершенных в неблагоприятных метеорологических условиях // *Российский следователь*. 2013. № 8.
5. Кисляков С. В. Совершенствование организации проведения следственного эксперимента на первоначальном этапе расследования ДТП с причинением вреда здоровью человека // *Российский юридический журнал*. 2016. № 2.
6. Мельникова Э. Б. Участие специалистов в следственных действиях. М., 1964.

УДК 343.12:347.922

АЛГОРИТМЫ РАЗРЕШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ ТИПИЧНЫХ СИТУАЦИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ЗАЯВЛЕНИИ ПОТЕРПЕВШИМ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, РАССМАТРИВАЕМЫМ СУДОМ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ (ГЛ. 40 УПК РФ)

Елена Ильинична Попова, старший научный сотрудник Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: popovaelena03@yandex.ru

Исследуются возникающие при рассмотрении уголовного дела судом в особом порядке (гл. 40 УПК РФ) типичные ситуации, связанные с реализацией потерпевшим права на заявление гражданского иска. Обращается внимание на необходимость активного участия государственного обвинителя в разрешении таких ситуаций. Приводятся криминалистические рекомендации, призванные оптимизировать деятельность работников прокуратуры в обозначенном направлении.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства; государственный обвинитель; потерпевший; гражданский истец; криминалистические рекомендации; типичные судебные ситуации.

ALGORITHMS THE PERMISSION OF THE PUBLIC PROSECUTOR OF THE TYPICAL SITUATIONS OCCURRING IN THE STATEMENT OF THE VICTIM OF A CIVIL LAWSUIT IN CRIMINAL CASES BEFORE THE COURT IN A SPECIAL ORDER (CHAPTER 40 CODE OF CRIMINAL PROCEDURE)

Elena Ilinichna Popova, senior researcher of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article deals with typical situations arising during the consideration of a criminal case by a court in a special order (Chapter 40 of the Code of criminal procedure) related to the implementation of the victim's right to a civil claim. Attention is drawn to the need for active participation

of the public Prosecutor in resolving such situations. The article presents forensic recommendations designed to optimize the activities of prosecutors in the indicated direction.

Keywords: special procedure of trial; public prosecutor; victim; civil plaintiff; forensic recommendations; typical court situations.

Согласно статистике, корыстные и корыстно-насильственные преступления являются самыми распространенными в нашей стране*. Большинство уголовных дел по таким преступлениям рассматривается в особом порядке**. При этом нередко потерпевшие заявляют гражданский иск, преследуя цель возместить вред, причиненный преступлением. Такие участники уголовного судопроизводства, как правило, приобретают статус гражданских истцов.

В результате анализа судебно-следственной практики, научной и методической литературы нами было установлено, что по уголовным делам, рассматриваемым судом в особом порядке (гл. 40 УПК РФ), у потерпевшего*** возникает право заявить гражданский иск. При этом возникает ряд типичных ситуаций. Ниже мы предлагаем рекомендации по их разрешению.

И. Лицо, имеющее право заявить гражданский иск, им не воспользовалось. Прежде всего необходимо установить причины, по которым гражданский иск не заявлен.

Данная ситуация имеет три разновидности:

А. Право заявить гражданский иск потерпевшему ранее не разъяснялось. В связи с этим приведем разъяснение прокуратуры Республики Башкортостан: «Принятие мер к возмещению вреда, причиненного преступлением, является одной из важных задач стадии предварительного расследования. Невыполнение этого требования следует рассматривать как основание для обжалования бездействия должностного лица – руководителю, прокурору либо в суд»****. В то же время необходимо принимать во внимание позицию Пленума Верховного Суда РФ, изложенную в Постановлении Пленума от 29 июня 2010 г. № 17 [2]. Так, государственный обвинитель при установлении, что органами предварительного расследования потерпевшему***** не разъяснено его право на предъявление гражданского иска, может обратит внимание суда на обозначенный факт и ходатайствовать об устранении допущенного нарушения. При этом потерпевшему в ходе предварительного слушания либо в подготовительной части судебного заседания должны быть разъяснены права, суду следует устранить допущенное нарушение, разъяснив потерпевшему его права (ч. 1 ст. 234, ч. 1 ст. 268 УПК РФ), а при наличии к тому оснований – принять меры к обеспечению гражданского иска (ст. 230 УПК РФ). В данном случае считаем возможным предложить к использованию в практической деятельности разработанную нами «Памятку потерпевшему, наделенному правом заявить гражданский иск по уголовным делам с перспективой рассмотрения судом в особом порядке» [8, с. 86–98; 9, с. 196–200]. Данная памятка содержит не только информацию о правах и обязанностях гражданского истца, но и об особенностях правоприменительной практики в рассматриваемой сфере, в частности:

* Состояние преступности в 2009–2018 гг. Официальный сайт МВД РФ. URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_177.

** Сводные статистические отчеты о деятельности судов общей юрисдикции за 2009–2018 гг. Официальный сайт Судебного департамента РФ. URL: <http://cdep.ru>

*** Мы рассматриваем ситуации, когда гражданским истцом выступает потерпевший по уголовному делу. Однако типичны и распространены случаи, когда гражданским истцом выступает и иное лицо, которому был причинен вред в результате преступного посягательства. В таких случаях предлагаемые нами рекомендации могут, в зависимости от конкретной судебной ситуации, с учетом обстоятельств дела применяться в неизменном или модернизированном виде.

**** URL: https://bashprok.ru/the_prosecutor_explained/razyasnenie-zakonodatelstva/vozmeshchenie-ushcherba-prichinennogo-prestupleniyami.php

***** Несмотря на то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» речь идет только о потерпевшем, представляется, что соответствующие разъяснения высшего судебного органа применимы и к иным лицам, наделенным правом заявить гражданский иск.

1. **Гражданским истцом** признается *физическое лицо*, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением (ч. 1 ст. 44 УПК РФ).

При хищении, повреждении или уничтожении имущества, других материальных ценностей, находящихся во владении лица, не являющегося их собственником (например, наниматель, хранитель, арендатор), гражданский иск может быть предъявлен собственником или законным владельцем этого имущества, иных материальных ценностей при условии, что это лицо в соответствии с нормами гражданского законодательства вправе требовать возмещения причиненного ему вреда (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17).

2. **Гражданский иск может быть предъявлен** после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции (ч. 2 ст. 44 УПК РФ) к конкретному лицу после вовлечения его в уголовное судопроизводство в качестве подозреваемого, обвиняемого.

3. **Решение** о признании гражданским истцом **оформляется определением суда или постановлением** судьи, следователя, дознавателя (ч. 1 ст. 44 УПК РФ).

4. Гражданский иск предъявляется для компенсации **имущественного и морального** вреда:

4.1. **Размер имущественного вреда**, подлежащего возмещению потерпевшему, **определяется исходя из цен, сложившихся на момент вынесения решения по предъявленному иску**. Размер присужденной ко взысканию суммы компенсации причиненного вреда **не может быть увеличен с учетом индексации** в порядке исполнения приговора, поскольку такое решение не предусмотрено гл. 47.1 УПК РФ. Заявление гражданского истца об индексации рассматривается судом в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с ч. 1 ст. 208 ГПК РФ (п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17).

Характер и размер вреда, причиненного преступлением, являются обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Обязанность по установлению наличия или отсутствия этих обстоятельств возложена на следователя (дознвателя) (ч. 1 ст. 74 УПК РФ).

Потерпевший и его представитель также вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86 УПК РФ), в частности документы, подтверждающие стоимость предметов (кассовые, товарные чеки, договоры купли-продажи); заключение о среднерыночной стоимости аналогичного имущества на дату причинения вреда; медицинское заключение о наличии заболевания, которое явилось результатом преступных действий; рецепты врача для приобретения лекарств; направления на платное медицинское обследование и т. п.

Определяя размер похищенного имущества, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления [3, п. 25]. Это означает, что суд, в случае включения в гражданский иск восстановительных работ, не повлекших материальных расходов, вправе оставить его в этой части без удовлетворения.

Если потерпевший обращался для производства восстановительных работ к какому-либо лицу или организации и официально оплачивал эти работы, целесообразно представить следователю (дознвателю) соответствующие документы об оплате таких услуг для приобщения их к материалам уголовного дела, согласно ч. 3 ст. 84 УПК РФ. В этом случае размер вреда будет доказан в установленном законом порядке и у суда в этой части не будет оснований для отказа в удовлетворении (для оставления без рассмотрения) гражданского иска в какой-либо части. Представление таких документов на досудебных стадиях повышает шансы на удовлетворение гражданского иска в уголовном судопроизводстве, поскольку суду не потребуется производить дополнительные расчеты, а значит, не будет оснований для передачи вопроса

о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 309 УПК РФ).

Следует обратить внимание на то, что суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего, относятся к процессуальным издержкам и не могут быть включены в гражданский иск (п. 1.1 ч. 1 ст. 131 УПК РФ). Если расходы на вознаграждение представителю будут включены в гражданский иск, то суд при принятии решения вправе оставить его в этой части без удовлетворения (отказ в рассмотрении), а также признать за гражданским истцом право на рассмотрение гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства. Не могут быть удовлетворены требования об уплате неустойки, упущенной выгоды и т. д.

4.2. По иску потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему **морального вреда размер возмещения определяется судом** при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 42 УПК РФ).

Решая вопрос о размере компенсации причиненного потерпевшему морального вреда, суд исходит из положений ст. 151 ГК РФ (Компенсация морального вреда) и п. 2 ст. 1101 ГК РФ (Способ и размер компенсации морального вреда), а также руководствуется п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17, при этом учитывает:

– характер и степень причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред. Для этого устанавливаются фактические обстоятельства, при которых был причинен моральный вред, поведение подсудимого непосредственно после совершения преступления (например, оказание либо неоказание помощи потерпевшему), индивидуальные особенности потерпевшего (возраст, состояние здоровья, поведение в момент совершения преступления и т. п.);

– степень вины причинителя вреда;

– иные заслуживающие внимания обстоятельства (например, потеря работы потерпевшим);

– требования разумности и справедливости.

В случае **причинения морального вреда** преступными действиями **нескольких лиц**, он подлежит **возмещению в долевом порядке** (п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17).

5. При предъявлении гражданского иска в уголовном судопроизводстве гражданский истец **освобождается от уплаты государственной пошлины** (ч. 2 ст. 44 УПК РФ).

6. Гражданский иск в защиту интересов **несовершеннолетних**, лиц, признанных **недееспособными** либо **ограниченно дееспособными** в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, лиц, которые по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы, может быть предъявлен их законными представителями или прокурором, а в защиту интересов государства – прокурором (ч. 3 ст. 44 УПК РФ, ч. 3 ст. 37, ст. 45–46, 52 ГПК РФ).

Памятка также включает информативные блоки об особенностях особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ; о решениях, принимаемых судом по гражданскому иску, заявленному в рамках уголовного судопроизводства; о возможных процессуальных мерах ответственности, которые применяются к гражданскому истцу, нарушающему установленный порядок уголовного судопроизводства; о привлечении к уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования; о правах гражданского истца при обжаловании судебных решений в части гражданского иска.

После основного текста памятки в бланке документа должны быть предусмотрены строки для вероятных вопросов, которые могут возникнуть у *потерпевшего* по ходу ознакомления с текстом документа, и ответов на такие вопросы соответствующим должностным лицом (следователь, дознаватель, судья, государственный обвинитель). Если же по ходу ознакомления во-

стадии назначения уголовного дела к судебному разбирательству. Отметим, что не усматриваем препятствий к такому общению, если оно не ставит под сомнение объективность работника прокуратуры. Такого же мнения придерживаются и другие авторы [10, с. 10]. Так, И. Л. Кисленко и С. Л. Кисленко указывают, что общение прокурора с представителями стороны обвинения не должно выливаться в попытки повлиять на их позиции. В остальном же подобного рода отношения вполне обоснованы как практической необходимостью (в частности, в целях обеспечения явки этих лиц в судебное заседание), так и традиционными рекомендациями криминалистики, направленными на оптимизацию деятельности субъекта доказывания в уголовном судопроизводстве [6, с. 212–213]. Кроме того, следует принять во внимание позицию Пленума Верховного Суда РФ, который в Постановлении от 29 июня 2010 г. № 17 разъяснил, что поскольку, согласно п. 47 ст. 5 УПК РФ, потерпевший, его законный представитель и представитель относятся к участникам судопроизводства со стороны обвинения, суд вправе при наличии к тому оснований удовлетворить ходатайство государственного обвинителя на судебном заседании о предоставлении ему возможности согласовать свою позицию с этими лицами (п. 14);

– ходатайствовать перед судом о необходимости наложения ареста на имущество лица, подвергающегося уголовному преследованию*. Арест может быть наложен на имущество обвиняемого, подозреваемого или лица, несущего по закону материальную ответственность за их действия (ч. 1 ст. 115 УПК РФ). Арест также может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Возможен также арест ценных бумаг (ст. 116 УПК РФ) [4; 5; 11].

Отметим, что ходатайство государственного обвинителя перед судом о необходимости наложения ареста на имущество подсудимого, если для этого не требуется исследование фактических обстоятельств уголовного дела (например, когда в материалах уголовного дела имеются достоверные сведения о том, что подсудимый имеет имущество, на которое может быть наложен арест), при соблюдении условий рассмотрения дела и постановления приговора в порядке гл. 40 УПК РФ не должно с необходимостью влечь прекращение особого порядка судебного разбирательства;

– при наличии к тому оснований обратить внимание суда на то, что с учетом ст. 1082 ГК РФ и разъяснений, данных в п. 2.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19, удовлетворяя требование о возмещении вреда, он в соответствии с обстоятельствами дела может обязать лицо, подвергающееся уголовному преследованию, возместить вред в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) или в натуре (путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества и т. п.).

Подчеркнем, что заглаживание вреда потерпевшему может быть реализовано не только в денежной форме, но и иным способом, который его устраивает (принесение извинений, помощь в реабилитации, покупка медикаментов и пр.). Так, например, Красноярский районный суд Самарской области прекратил уголовное дело в отношении Б., обвиняемого в краже, по ходатайству потерпевшей, поскольку подсудимый полностью загладил причиненный вред: отремонтировал своими силами пролом в крыше, через который проник в помещение для совершения кражи, самостоятельно возвратил часть похищенного и выплатил денежную компенсацию за утраченное имущество**.

* Несмотря на то, что прокурор не указан в ст. 115 УПК РФ в числе субъектов, уполномоченных ходатайствовать перед судом о наложении ареста на имущество обвиняемого, подозреваемого или лица, несущего по закону материальную ответственность за их действия, тем не менее, соответствующие рекомендации содержатся в письме Генпрокуратуры РФ от 30 марта 2004 г. № 36–12–04 [5].

** Обзор судебной практики прекращения районными судами Самарской области уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием. URL: oblsud.sam.sudrf.ru

ский иск подан после окончания предварительного расследования, то при отсутствии дополнительно представленных в суде доказательств, обосновывающих позицию потерпевшего, суд вправе отказать в удовлетворении требований (полностью или частично) гражданского истца. Поэтому прав Х. М. Хупсергенов, отмечая, что суд имеет основания наряду с разрешением уголовного дела в особом порядке удовлетворить и гражданский иск путем вынесения соответствующего приговора в порядке гл. 40 УПК РФ, предварительно убедившись, что заявленный гражданский иск обоснован, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу [12, с. 13].

Изложенное не означает, что будут нарушены права потерпевшего, скорее, будет найдена золотая середина между законными интересами подсудимого и потерпевшего. К тому же последний всегда может подать иск в порядке гражданского судопроизводства.

Подводя итог, отметим, что обозначенные выше ситуации типичны и для общего порядка судебного разбирательства. Однако именно по уголовным делам, которые рассматриваются в порядке гл. 40 УПК РФ, вероятность их возникновения значительно выше. Неразрешение названных ситуаций приводит к нарушениям прав и законных интересов (в том числе неустрашимым в дальнейшем) непрофессиональных участников уголовного судопроизводства, а также может повлечь отмену судебного решения, принятого по итогам рассмотрения уголовного дела судом.

С учетом изложенного, представляется, что государственный обвинитель должен быть активным участником рассмотрения вопросов, связанных с заявленным гражданским иском, выступать гарантом соблюдения прав и законных интересов потерпевшего, гражданского истца, лица, подвергающегося уголовному преследованию.

Литература

1. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16.05.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 марта 2019 г. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/27667/>.
5. Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания: письмо Генпрокуратуры РФ от 30 марта 2004 г. № 36–12–04. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Кисленко И. Л., Кисленко С. Л. Криминалистические основы поддержания государственного обвинения: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.
7. Латыпова К. С. Особенности методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, связанных с наездами на пешеходов: дис. ... канд. юрид. наук. Улан-Удэ, 2017.
8. Попова Е. И. Памятка потерпевшему, заявившему гражданский иск в уголовном процессе // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке: мат-лы VIII всерос. науч.-практ. конф. / под ред. И. А. Шаралдаевой; отв. ред. Е. А. Хлыстов. Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирского гос. ун-та технологий и управления, 2017.
9. Попова Е. И. Расследование с использованием норм об особом порядке (гл. 40 УПК РФ): монография / под науч. ред. Ю. П. Гармаева. М.: Юрлитинформ, 2017.
10. Сидоренко Е. В. Подготовка государственным обвинителем свидетелей и потерпевших к участию в рассмотрении уголовных дел судом присяжных // Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: сб. мат-лов семинара по обмену опытом. М.: Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2010.
11. Уфимцева Е. Н., Мосина В. Н. Совместное рассмотрение уголовного дела и гражданского иска // Судья. 2012. № 10. URL: http://www.chel-oblsud.ru/?html=smi_zhurnalsudyaru_061112&nid=1107.
12. Хупсергенов Х. М. Обеспечение прав потерпевшего при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.

УДК 343.1

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Руслан Рейзаевич Карданов, доцент кафедры Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук;

Алим Арсенович Отаров, начальник кафедры Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ruslan-nalchik@yandex.ru
examiner81@mail.ru

В статье с учетом изученных определений понятия «освидетельствование», приведенных в специальной литературе (как криминалистической, так и уголовно-процессуального характера), обозначено, что дефиниция данного понятия формируется за счет определенных признаков, характеризующих данное следственное действие. Авторами раскрыты правовая природа освидетельствования, материальная сущность и объект освидетельствования, обозначены его цель, субъект, фактические и юридические основания производства. С учетом обозначенных признаков данного следственного действия сформулировано понятие освидетельствования.

Ключевые слова: уголовный процесс; следственные действия; освидетельствование; криминалистика; протокол; следователь.

ONCE AGAIN TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF EXAMINATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Ruslan Reizaevich Kardanov, department associate professor of the North Caucasus Institute of advanced training (branch) of Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law;

Alim Arsenovich Otarov, head of the Department of the Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

In the article, taking into account the studied definitions of the concept of «examination», given in the special literature (both forensic and criminal procedure), it is indicated that the definition of «examination» is formed due to certain features that characterize this investigative action. The authors reveal the legal nature of the survey, the material nature and object of the survey are given, the purpose of the survey, its subject, the actual and legal grounds for production are indicated. In conclusion, taking into account the indicated signs of this investigative action, the concept of examination is formulated.

Keywords: criminal process; investigative actions; examination; criminalistics; protocol; investigator.

Будучи явлением не только сугубо процессуальным, но также имеющим криминалистическое значение, освидетельствование как следственное действие подвергалось тщательному исследованию и учеными-процессуалистами, и учеными-криминалистами. Естественно, что одной из позиций, подлежащих научному осмыслению, стало понятие освидетельствования. Это логично, поскольку понимание и уяснение сущности и особенностей того или иного явления происходит в первую очередь через его понятие и определение этого понятия.

Так, А. П. Рыжаков определил освидетельствование как самостоятельное следственное действие, в процессе которого на теле человека устанавливается наличие (отсутствие) особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявляются состояние опьянения или иные свойства и признаки, имеющие значение для уголовного дела, в основном путем наблюдения и отражения его результатов в соответствующем протоколе [13].

С. А. Шейфер указывает, что освидетельствование – это осуществляемое следователем в соответствии с установленной законом процедурой обследование тела подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля в целях обнаружения информации (сведений), имеющей значение для дела [18, с. 61].

По мнению В. А. Семенцова, «освидетельствование – следственное действие, целью которого является обнаружение особых примет, следов преступления, телесных повреждений при осмотре тела живого человека, выявление состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производства судебной экспертизы (ст. 179 УПК РФ)» [15, с. 43–44].

Ю. Г. Торбин также понимает под освидетельствованием «самостоятельное процессуальное действие, проводимое на основе обязательного для освидетельствуемого лица постановления следователя или определения суда в целях обнаружения особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производства судебной экспертизы» [17, с. 59].

Обращает на себя внимание формулировка определения освидетельствования, данная Ю. Г. Торбиным в его диссертационном исследовании: «Освидетельствование – это самостоятельное следственное действие, проводимое в соответствии с постановлением следователя (дознателя, прокурора) или определением суда, в необходимых случаях в принудительном порядке, на стадии предварительного расследования или судебного разбирательства путем непосредственного восприятия освидетельствуемого лица в целях обнаружения на нем следов, особых примет или установления иных свойств, признаков либо физиологического состояния и их использования в процессе раскрытия и расследования преступления для установления истины по уголовному делу» [16, с. 173]. Данное определение нам видится более полным, хотя оно не содержит такого важного признака рассматриваемого следственного действия, как условие его производства: «если для этого не требуется производства судебной экспертизы». Кроме того, Ю. Г. Торбин в одном из определений называет освидетельствование следственным действием, в другом – процессуальным. Заостряя на этом внимание, А. Г. Потапова обоснованно критикует данного автора и приходит к выводу о том, что отнесение освидетельствования к категории исключительно процессуальных действий, безотносительно того, что оно носит познавательный характер и нацелено на сбор доказательств, является ошибочным [10, с. 34–36]. На наш взгляд, эта проблема является умозрительной. Вопрос соотношения понятий «процессуальное действие» и «следственное действие» давно не является проблемным. Следственное действие, являясь разновидностью процессуальных действий, обладает таким существенным отличительным признаком, как цель, которая заключается в сборе доказательств, при этом данные понятия соотносятся как общее и частное.

В криминалистической же литературе [см. напр.: 2, с. 391; 3, с. 263; 6, с. 132; 8, с. 572; 11, с. 33; 19, с. 66] определение освидетельствования чаще всего не приводится. Мы связываем это с тем, что вопросы тактики освидетельствования, как правило, изучаются в рамках глав о тактике следственного осмотра. Причем большая их часть посвящена тактике осмотра места происшествия, а другие виды следственного осмотра, равно как и освидетельствование, рассматриваются по остаточному принципу. Относительно освидетельствования, большинство авторов, переходя к его раскрытию, отмечают, что освидетельствование является самостоятельным следственным действием либо разновидностью следственного осмотра. Что касается

его сущности, то указывают осмотр тела живого человека, а в качестве цели называют обнаружение следов преступления, телесных повреждений, свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела и т. п. Четко сформулированное определение освидетельствования нам встретилось лишь в учебнике криминалистики под редакцией Е. П. Ищенко [7]. Авторы этого учебника отметили, что освидетельствование является особым видом следственного осмотра, предусмотренного ст. 179 УПК РФ, и заключается в осмотре тела живого лица – подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего – с целью обнаружения особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы. Близкие к этому определения содержались еще в двух учебниках [9, с. 539; 14, с. 152].

С учетом изученных определений понятия «освидетельствование», приведенных в специальной литературе (как криминалистической, так и уголовно-процессуального характера), мы пришли к выводу о том, что дефиниция «освидетельствование» формируется за счет определенных признаков, которые характеризуют данное следственное действие. К таким можно отнести следующие.

1. Правовая природа освидетельствования: освидетельствование – это следственное действие

Выше мы уже отметили соотношение понятий «процессуальное действие» и «следственное действие» применительно к освидетельствованию. Безусловно, освидетельствование является именно следственным действием. Согласно позиции признанного научного авторитета в области следственных действий как средств доказывания С. А. Шейфера, следственное действие – это процессуальное действие познавательного характера, направленное на собирание доказательств [18]. Вне всяких сомнений, освидетельствование является таковым: носит познавательный характер (в процессе освидетельствования с применением известных общих и частных методов познания – наблюдения и описания в первую очередь – выясняются обстоятельства, ранее не известные следователю) и служит цели сбора доказательств (в ходе освидетельствования устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для дела, в том числе могущие подтверждать или опровергать установленные по делу обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ).

Здесь мы считаем уместным сделать ремарку относительно давних споров в научной среде по поводу того, является ли освидетельствование отдельным следственным действием или разновидностью следственного осмотра. На наш взгляд, данный спор не имеет под собой существенной почвы, поскольку таким образом происходит смешение разнородных понятий. Безусловно, освидетельствование во многом сходно по своей познавательной и технологической природе со следственным осмотром. Более того, мы поддерживаем авторов, утверждающих, что освидетельствование является видом следственного осмотра [2]. В этом плане мы стоим на той позиции, что следственный осмотр сам по себе как следственное действие не нашел однозначного понимания в правовом и прикладном аспектах, что «следственный осмотр» как понятие и как следственное действие фактически не существует, хотя формально закреплен. Поясним. Дело в том, что УПК РФ в гл. 24 вообще не оперирует понятием «следственный осмотр». Регламентируя же производство *осмотра* (выделено нами – *авт.*) в ст. 176–178, УПК РФ называет известные нам виды следственного осмотра – осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов. Более того, в ст. 167 УПК РФ вводит также понятие «осмотр следов преступления», которое хотя и в ходу в практической деятельности органов предварительного расследования, но не входит ни в одну из признанных доктринальных классификаций осмотра.

Таким образом, понятием «следственный осмотр», на наш взгляд, можно оперировать лишь с оглядкой на наличие формально закрепленного в УПК РФ понятия «осмотр», а также

признания понятия «следственный осмотр» на доктринальном уровне. Однако с учетом изложенного мы считаем, что понятие «следственный осмотр» (как устойчивое словосочетание) применимо лишь постольку, поскольку это необходимо при упоминании видов осмотра и их обобщении в рамках научных исследований и анализа следственной практики.

Далее. Освидетельствование регламентировано в УПК РФ отдельно – в ст. 179, в соответствии с которой, в отличие от осмотра, формальным основанием производства освидетельствования является постановление следователя, а также при оговоренных обстоятельствах освидетельствование может производиться врачом в отсутствие следователя с последующим составлением протокола последним со слов врача. Кроме того, в ст. 180 УПК РФ протоколы осмотра и освидетельствования упоминаются как самостоятельные процессуальные документы.

Таким образом, исходя из содержания норм гл. 24 УПК РФ, можно считать, что осмотр и освидетельствование – это разные следственные действия. С точки зрения права это не должно вызывать споров. Однако если руководствоваться еще научными изысканиями в области систематики и классификации следственных действий, причем не только с позиций уголовно-процессуального права, но и криминалистики, то можно прийти к выводу о едином «корне» происхождения известных нам видов следственного осмотра и освидетельствования. В первую очередь это связано с технологией производства освидетельствования и характера полученных при его производстве результатов. Осмотр и освидетельствование характеризуются единством порядка непосредственного производства и фиксации его хода и результатов (визуальное восприятие осматриваемого объекта, осуществляемое в логической последовательности, с последующей фиксацией в протоколе общего вида объекта, его особенностей и следов на нем), а также используемых при этом методов познания (наблюдение, описание).

Подводя итог последним размышлениям, отметим, что обе позиции относительно самостоятельного или производного характера освидетельствования как следственного действия имеют право на существование. Однако они должны существовать в разных плоскостях: с позиций уголовно-процессуального права (т. е. с точки зрения особенностей нормативно-правового регулирования оснований для производства и порядка производства осмотра и освидетельствования) освидетельствование действительно является самостоятельным следственным действием, с позиций криминалистики (с точки зрения криминалистической сущности и технологии рассматриваемых следственных действий) освидетельствование можно признавать разновидностью осмотра.

2. Материальная сущность и объект освидетельствования

Данные признаки определяют то, что собой представляет изучаемое нами следственное действие, т. е. в чем оно объективно выражается. По этому поводу разногласий в научной среде нами не было выявлено. Освидетельствование состоит в обследовании тела живого человека. Такая формулировка сущности освидетельствования, во-первых, позволяет отграничивать данное следственное действие от осмотра трупа, а во-вторых, вновь позволяет обратиться к содержанию освидетельствования как некоего процессуального (следственного) действия. Обследование как обобщенная характеристика методологии, используемой при производстве освидетельствования, сводится к визуальному наблюдению (при необходимости, инструментальному) открытых участков тела живого человека с последующей фиксацией обнаруженного путем описания увиденного в протоколе следственного действия.

Говоря об объекте освидетельствования, необходимо отметить, что таковым может быть не любое лицо, а, во-первых, только участник уголовного процесса и, во-вторых, только строго определенный участник – свидетель, потерпевший, подозреваемый или обвиняемый.

3. Цель освидетельствования

Все изученные нами источники, как правило, единообразны относительно цели освидетельствования – данное следственное действие направлено на обнаружение факта наличия

должно составлять его профессиональную компетентность во избежание замещения одного действия другим и, отсюда, утраты доказательно значимой информации.

В завершение рассмотрения данного признака назовем еще одну цель освидетельствования, о которой упоминается в некоторых из изученных нами источниках: освидетельствование проводится в том числе с целью обследования одежды освидетельствуемого лица. Так, М. В. Савельева и А. Б. Смушкин отмечают, что это может быть необходимо в случаях, когда нет возможности всесторонне установить происхождение следов на теле человека без осмотра его одежды [14, с. 152]. Мы считаем возможной такую ситуацию, однако не согласны, что осмотр одежды при этом должен проводиться в рамках освидетельствования. Если оценка результатов осмотра тела освидетельствуемого затруднительна без параллельного обследования его одежды, считаем, что осмотр последней должен быть проведен в рамках самостоятельного следственного действия – осмотра предметов.

4. Субъект и основания производства освидетельствования

Еще два признака характеризуют освидетельствование как правовую категорию.

Субъектом, уполномоченным на производство освидетельствования, является следователь (дознатель), то есть субъект в целом в соответствии с УПК РФ, уполномоченный на производство предварительного следствия (дознания) (ст. 38, 41 УПК РФ). С учетом положений ч. 2 ст. 39 УПК РФ и ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ субъектом освидетельствования также могут являться соответственно руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания, которые, учитывая складывающуюся практику, если и осуществляют функции следователя (дознателя), то в единичных случаях и как исключение из правил.

Рассматривая основания производства освидетельствования, необходимо различать фактические и юридические основания. Фактическим основанием производства освидетельствования является (как и по другим следственным действиям) наличие у следователя достаточных сведений о возможности обнаружения на теле того или иного лица доказательно значимой информации (перечисленные выше особые приметы, следы преступления и телесные повреждения). Юридическим основанием для освидетельствования является мотивированное постановление следователя, которое выносится при наличии достаточных к тому фактических оснований.

Подводя итог вышеизложенным рассуждениям, сформулируем понятие освидетельствования с учетом обозначенных признаков данного следственного действия. Освидетельствование – это следственное действие, которое проводится уполномоченным должностным лицом на основании мотивированного постановления и состоит в осмотре тела живого человека (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего) в целях выявления и фиксации наличия или отсутствия на нем особых примет, следов преступления, телесных повреждений, признаков рода деятельности и других признаков, когда это имеет значение для уголовного дела.

Литература

1. Виноцкий Л. В. Освидетельствование на предварительном следствии. Смоленск, 1997.
2. Волинский А. Ф., Лавров В. П. Криминалистика: учебник. М.: Юнити-Дана, 2012.
3. Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н. Криминалистика: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2011.
4. Зубы как источник информации о личности: учеб. пособие / В. Ю. Курляндский [и др.]. М.: ВНИИ МВД СССР, 1979.
5. Корноухов В. Е. Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1982.
6. Криминалистика: учебник / В. В. Агафонов [и др.]; под ред. А. Г. Филиппова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 2004.
7. Криминалистика: учебник / О. В. Волохова [и др.]; под ред. Е. П. Ищенко. М.: Проспект, 2011.
8. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004.
9. Курс криминалистики: в 3 т. Т. I. Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / под ред. О. Н. Коршуновой, А. А. Степанова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.

10. Потапова А. Г. Освидетельствование в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007.
11. Резван А. П., Колосов Н. Ф., Петрова А. Н. Криминалистическая тактика: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2012.
12. Руководство по расследованию убийств: справ. пособие / М. И. Авдеев [и др.]. М.: Юрид. лит., 1977.
13. Рыжаков А. П. Осмотр: основания и порядок производства: учеб. пособие (подготовлено для СПС «КонсультантПлюс»), 2013.
14. Савельева М. В., Смушкин А. Б. Криминалистика: учебник. М.: ИД «Дашков и К», 2009.
15. Семенцов В. А. Следственные действия: учеб. пособие. Екатеринбург, 2003.
16. Торбин Ю. Г. Теоретические и прикладные проблемы обнаружения и использования в уголовном судопроизводстве следов и особых примет на живых лицах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
17. Торбин Ю. Г. Теория и практика освидетельствования: монография. СПб., 2004.
18. Шейфер С. А. Следственные действия: основания, процессуальный порядок и доказательственное значение: монография. Самара: Самарский ун-т, 2004.
19. Шурухнов Н. Г., Флоря Д. Ф. Криминалистическая тактика: курс лекций. Орел: Орловский юрид. ин-т МВД России, 2007.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.24:343.27

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ЛИЦАМ, СОВЕРШИВШИМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Елена Юрьевна Антонова, заведующая кафедрой Хабаровского государственного университета экономики и права, доктор юридических наук, доцент

E-mail: antonovy@yandex.ru

В статье на основе анализа статистических данных показывается неэффективность применяемых к несовершеннолетним лицам, совершившим преступление, мер уголовно-правового воздействия. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования мер воспитательного воздействия, направленных на реабилитацию и социальную адаптацию таких несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние; меры уголовно-правового воздействия; система наказаний; принудительные меры воспитательного воздействия; специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа; probation.

CRIMINAL LAW MEASURES APPLIED TO JUVENILE OFFENDERS: ANALYSIS OF EFFECTIVENESS

Elena Yurievna Antonova, head of Department of the Khabarovsk State University of Economics and Law, Doctor of Law, Associate Professor

Based on the analysis of statistical data, the article shows the inefficiency of criminal legal measures applied to juvenile offenders. The author comes to the conclusion that it is necessary to improve educational measures aimed at the rehabilitation and social adaptation of such minors.

Keywords: minors; measures of criminal law; penal system; compulsory educational measures; special educational institutions closed; probation.

Предупреждение преступности несовершеннолетних лиц является одной из центральных задач общества. Именно поэтому вопрос о мерах правового воздействия в отношении несовершеннолетних лиц, совершивших преступление, является важным и требующим детального изучения. Законодатели разных стран, вырабатывая систему мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних лиц, совершивших преступление, руководствуются принципом гуманизма. Так, уголовное законодательство предусматривает усеченную систему наказаний, которые могут быть назначены несовершеннолетним лицам, совершившим престу-

пление, существенное сокращение их сроков и размеров. К несовершеннолетним применяется институт освобождения от уголовной ответственности или от наказания с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия. Российский законодатель допускает повторное применение решения об условном осуждении несовершеннолетнего, совершившего новое преступление во время испытательного срока. Всегда ли применение данных мер оказывает должное сдерживающее воздействие на несовершеннолетних лиц, преступивших уголовный закон?

Обращение к данным о практике повторного применения условного осуждения без дополнительных мер воспитательного воздействия демонстрирует тот факт, что у несовершеннолетнего виновного формируется чувство безнаказанности, стимулируя его к совершению повторного преступления. Исследования показывают, что каждый пятый несовершеннолетний, условно осужденный за совершение преступления, не имеет дополнительных обязанностей, а установленные ограничения в основном сводятся к явке на регистрацию в уголовно-исполнительную инспекцию [2, с. 83].

Если обратиться к статистическим данным, то можно без труда увидеть, что в последние годы наметилась тенденция сокращения зарегистрированной преступности в целом и преступности несовершеннолетних в частности (рис. 1), но применяемые меры уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим в несовершеннолетнем возрасте преступления, не всегда оказываются эффективными.

Рис. 1. Количество выявленных лиц, совершивших преступления, в том числе несовершеннолетних*, а также количество несовершеннолетних лиц, осужденных за совершение преступлений**

В 2013 г. количество несовершеннолетних в общей массе лиц, выявленных за совершение преступления, составило 6 %, в 2014 г. – 5,4 %, в 2015 г. – 5,2 %, в 2016 г. – 4,8 %, в 2017 г. – 4,4 %, в 2018 г. – 4,4 %. Кроме того, в 2014 г. количество несовершеннолетних, совершивших преступления, к предыдущему году сократилось на 10,5 %, в 2015 г. – увеличилось на 3 %, в 2016 г. – сократилось на 13,2 %, в 2017 г. – сократилось на 12,5 %, в 2018 г. – сократилось на 3,9 %.

* Состояние преступности в России за январь–декабрь 2013–2018 гг. М.: ГИАЦ МВД России», 2014–2019 гг.

** Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2018 годы // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

Таким образом, если опираться на статистические данные (рис. 1), то можно констатировать, что в целом уровень преступности несовершеннолетних сокращается, но стабильно высоким остается процент несовершеннолетних лиц, осужденных за совершение преступлений. Так, в 2013 г. было осуждено 48,1 % несовершеннолетних лиц из числа совершивших преступления, в 2014 г. – 43,4%, в 2015 г. – 41 %, в 2016 г. – 49,3%, в 2017 г. – 48,6%, в 2018 г. – 46,1 %.

Стабильно высоким и имеющим тенденцию к увеличению остается и процент повторной преступности несовершеннолетних лиц (рис. 2).

Рис. 2. Количество выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, в том числе ранее совершавших преступления и ранее судимых (данные Главного информационно-аналитического центра МВД России, 2013–2018 гг.)

В 2013 г. 23,2 % несовершеннолетних лиц совершили преступление повторно, в 2014 г. – 25,9 %, в 2015 г. – 25,4 %, в 2016 г. – 26,3 %, в 2017 г. – 25,9 %, в 2018 г. – 24,6 %. При этом в 2013 г. из повторно совершивших преступления имели судимость 54,9 % несовершеннолетних, в 2014 г. – 40,7 %, в 2015 г. – 36,4 %, в 2016 г. – 34,3 %, в 2017 г. – 38,5 %, в 2018 г. – 38 %.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2013 г. 6591 (22,6 %) из общего числа осужденных несовершеннолетних лиц (рис. 1) имели неснятые и непогашенные судимости на момент совершения преступления, в 2014 г. – 4446 (18,9 %), в 2015 г. – 4076 (17,8 %), в 2016 г. – 3968 (16,6 %), в 2017 г. – 4043 (19,6 %), в 2018 г. – 3849 (20,4 %).

Интересными представляются и данные о количестве несудимых несовершеннолетних лиц, но на момент совершения преступления состоявших на учете в специализированном органе либо ранее освобожденных от уголовной ответственности, а также подвергавшихся принудительным мерам воспитательного воздействия (рис. 3).

Рис. 3. Количество несовершеннолетних осужденных, ранее не судимых, но состоявших на учете в специализированном органе, освобожденных от уголовной ответственности либо подвергшихся принудительным мерам воспитательного воздействия (данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, 2013–2018 гг.)

Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывают, что ежегодно с 2013 по 2018 г. от 14 до 17 % осужденных несовершеннолетних состояли на учете в специализированном органе. Ранее совершали преступления, но были освобождены от уголовной ответственности от 3 до 3,7 % несовершеннолетних осужденных, ранее направлялись в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа – 1,5 % несовершеннолетних осужденных, ранее подвергались иным принудительным мерам воспитательного воздействия от 1,8 до 2,4 % несовершеннолетних осужденных.

Представляется, что такой высокий процент повторно совершаемых преступлений несовершеннолетними лицами свидетельствует о неэффективности применяемых к ним мер уголовно-правового воздействия.

Основной мерой уголовно-правового воздействия является наказание. Как уже отмечалось ранее, к несовершеннолетним осужденным за совершение преступления применяется усеченная система наказаний. При этом, например, лишение права заниматься определенной деятельностью практически не применяется к несовершеннолетним лицам – оно назначалось в рассматриваемый период времени лишь в 2014 г. в отношении одного несовершеннолетнего осужденного. На рис. 4 представлены данные судебной статистики о применении видов наказаний к несовершеннолетним лицам, совершившим преступления в 2013–2018 гг.

цип личной ответственности, а во-вторых, не оказывает должного эффективного воздействия на несовершеннолетнее лицо, совершившее преступление.

Ограничение свободы назначается в среднем 3 % осужденным несовершеннолетним, а исправительные работы – 1,5 %. Как отмечается в обзорах судебной практики, единичность случаев назначения несовершеннолетним наказания в виде исправительных работ обусловлена трудностями с предоставлением последним рабочих мест*.

Специфическим видом уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних осужденных, направленным на их исправление, а соответственно и на предупреждение совершения ими новых преступлений, являются принудительные меры воспитательного воздействия. Данные меры применяются в случае освобождения несовершеннолетних, совершивших преступление, от уголовной ответственности или от наказания. Но статистические данные показывают, что суды не так часто назначают данные меры (рис. 5).

Рис. 5. Количество несовершеннолетних осужденных, освобожденных от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа и с применением иных принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) (данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, 2013–2018 гг.)

Таким образом, в 2013 г. освобождались от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия 3,5 % несовершеннолетних осужденных, в 2014 г. – 3,3 %, в 2015 г. – 4,2 %, в 2016 г. – 4,7 %, в 2017 г. – 4,2 %, в 2018 г. – 5,1 %.

Кроме того, можно констатировать и неэффективность принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, о чем свидетельствует достаточно высокий процент повторно совершаемых данными лицами преступлений (рис. 3). Во многом это объясняется формальным подходом судей при выборе конкретной меры воздействия. Например, передавая несовершеннолетнего под надзор родителей, судьи не всегда достаточно изучают личности родителей, их возможность осуществлять надлежащий контроль за поведением несовершеннолетнего и оказывать на него положительное влияние, а в случаях проживания родителей отдельно, не указывают, под надзор кого из родителей передается несовершеннолетний.

Так, постановлением Куйбышевского районного суда к несовершеннолетнему Т. была применена принудительная мера воспитательного воздействия в виде передачи под надзор матери. Личность матери при этом в судебном заседании не исследовалась, в материалах дела данные, характеризующие ее личность, отсутствуют, согласно справке комиссии по делам не-

* Обобщение практики рассмотрения судами Московской области в 1-м полугодии 2010 года уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними // Московский областной суд. URL: http://www.mosobsud.ru/ss_detalle.php?id=141907 (дата обращения: 20.01.2020).

но-воспитательных учреждений с их совместным содержанием и обучением. Вместе с тем, согласно ст. 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в данные учреждения закрытого типа направляются лица в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет. Но в Порядке ничего не говорится о раздельном содержании помещаемых в них несовершеннолетних по возрасту. Представляется целесообразным определить раздельное содержание несовершеннолетних в данных учреждениях по следующим возрастным группам: от 11 до 14 лет; от 14 до 16 лет; от 16 до 18 лет для исключения отрицательного воздействия старших по возрасту подростков, возможно, с более устойчивой антисоциальной установкой, на младших.

В целом, обращение внимания Министерства просвещения РФ на несовершеннолетних с девиантным поведением, в том числе совершивших преступления, путем создания дополнительных условий, направленных на реабилитацию и социальную адаптацию названных лиц путем оказания им социальной, правовой, педагогической, психологической, медицинской и иной помощи, заслуживает одобрения. Важно, чтобы расписанные в Порядке меры проводились реально, а не формально. С целью недопущения возвращения несовершеннолетнего в прежние условия жизни следует обратить внимание на необходимость рассмотрения вопроса о его патронаже (сопровождении) после освобождения из данных учреждений, об оказании ему содействия в трудоустройстве, поступлении на учебу в образовательное учреждение. Такой патронаж необходим и после освобождения лица из воспитательной колонии в случае, когда несовершеннолетнему назначалось наказание в виде лишения свободы.

Кроме того, необходимо активизировать работу по обеспечению досуга и занятости несовершеннолетних лиц, в том числе в спортивных секциях и учреждениях по дополнительному образованию (для детей из малообеспеченных семей такая возможность должна предоставляться бесплатно). Эту работу должны проводить организации и учреждения, входящие в Министерство просвещения РФ и Министерство спорта РФ. Серьезная психологическая, педагогическая, воспитательная и иная работа должна проводиться с несовершеннолетними лицами, состоящими на профилактическом учете в связи с совершением общественно опасного деяния, расцениваемого законодателем в качестве преступления, но не подвергшимися мерам уголовно-правового воздействия в связи с недостижением возраста уголовной ответственности.

Судам, в свою очередь, перед избранием меры уголовно-правового воздействия следует тщательнее изучать личность несовершеннолетнего лица, совершившего преступление, уровень его психического развития; выяснять условия его проживания, материальное положение семьи, мотивы, которые спровоцировали его на совершение данного деяния, влияние, оказываемое на него со стороны взрослых лиц, и другие обстоятельства дела.

Литература

1. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. М.: Юрайт, 2011.
2. Правосудие в отношении несовершеннолетних: опыт, практика, развитие: межрегиональный тематический доклад / Е. Л. Воронова [и др.]. М.: Ин-т семьи и воспитания РАО, 2010.
3. Рогова Е. В. Уголовная ответственность несовершеннолетних: учеб. пособие. Иркутск: Иркутский юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2017.

УДК 343.35

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХАЛАТНОСТЬ В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА

Виктор Николаевич Борков, начальник кафедры Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент
E-mail: borkovv@mail.ru

Халатное отношение должностных лиц к выполнению своих обязанностей воспринимается обществом как свидетельство слабости и дисфункциональности государства, его способности обеспечить правопорядок и защитить права граждан. При наличии финансовых и иных возможностей некомпетентность чиновников, их неспособность решать поставленные задачи влечет существенное нарушение интересов общества, но часто остается безнаказанной.

В статье решаются сложные вопросы определения места ответственности за халатность в структуре уголовно-правовой охраны функционирования государства, проясняется механизм причинения при совершении данного посягательства и особенности развития причинной связи. Автор предлагает четкие критерии отграничения халатности от злоупотребления должностными полномочиями.

Ключевые слова: должностное лицо; халатность; опосредованное причинение; ненадлежащее исполнение обязанностей; вероятностный характер последствий; злоупотребление должностными полномочиями.

RESPONSIBILITY FOR NEGLIGENCE IN THE STRUCTURE OF THE CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF THE FUNCTIONING OF THE STATE

Viktor Nikolaevich Borkov, head of the Department of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Law, Associate Professor

The negligent attitude of officials towards the performance of their duties is perceived by society as evidence of the weakness and dysfunctionality of the state of its inability to maintain law and order and protect the rights of citizens. In the presence of financial and other opportunities, the incompetence of officials, their inability to solve the tasks entails a significant violation of the interests of society, often goes unpunished.

The article addresses the complex issues of determining the place of responsibility for negligence in the structure of the criminal legal protection of the functioning of the state, clarifies the mechanism of causation during the commission of this assault and the features of the development of causal connection. The author offers clear criteria for distinguishing negligence from abuse of power.

Keywords: official; negligence; indirect infliction; improper performance of duties; probabilistic nature of the consequences; abuse of authority.

Одной из важнейших характеристик государства является его функциональность. Однако часто некомпетентность чиновников, их неспособность решать поставленные задачи влекут существенное нарушение интересов граждан и другие тяжкие последствия для общества и государства.

Закон определяет халатность (ч. 1 ст. 293 УК РФ) как неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Статья 293 УК РФ является общей нормой, предусматривающей ответственность за халатность должностных лиц во всех сферах функционирования государства. Исключение составляют отдельные направления обеспечения обороноспособности России. К специальным видам халатности можно отнести некоторые преступления против военной службы. Так, ч. 3 ст. 340 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение правил несения боевого дежурства (боевой службы) вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, повлекшее тяжкие последствия. За нарушение правил несения пограничной службы вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, повлекшее тяжкие последствия, предусмотрено наказание в ч. 3 ст. 341 УК РФ. Пограничную службу несут сотрудники Федеральной службы безопасности Российской Федерации, т. е. представители власти. Объективную сторону преступления образует халатное отношение к осуществлению функций представителя власти или к выполнению организационно-распорядительных полномочий, если деяние состояло, например, в ненадлежащем контроле за подчиненными.

После того, как к субъектам должностных преступлений в 2015 г. были отнесены лица, выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, к альтернативно специальным видам халатности можно отнести ряд посягательств на общественную безопасность. Таковыми являются, например, ст. 215 УК РФ, предусматривающая ответственность за нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, ст. 217.1 УК РФ – за нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса и др.

Общая норма об ответственности за халатность лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческих и иных организациях, не указанных в п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ, в российском уголовном законе отсутствует. Для сравнения: ст. 254 УК Республики Казахстан предусматривает ответственность за « невыполнение или ненадлежащее выполнение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло смерть человека или иные тяжкие последствия ».

К альтернативно-специальному виду халатности можно отнести и нарушение правил оборота наркотических или психотропных веществ (ст. 228.2 УК РФ). «Субъектом преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ, может быть лишь лицо, в обязанности которого в соответствии с установленным порядком (например, со служебной инструкцией, с приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица) входит соблюдение соответствующих правил или контроль за их соблюдением при совершении действий, перечисленных в части 1 названной статьи» [1]. Поэтому представляется спорным указание высшей судебной инстанции, в соответствии с которым « в случае нарушения должностным лицом указанных правил вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло причинение крупного ущерба либо причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью или наступление смерти человека, содеянное надлежит квалифицировать соответственно по ч. 1 или ч. 2 ст. 228.2 УК РФ и соответствующей части ст. 293 УК РФ » [1]. Вместе с тем, в условиях конкуренции общей и специальной норм, когда в конкретной ситуации наступили послед-

ствия, учтенные только в общей норме, Верховный Суд РФ часто предписывает применять одновременно и ту и другую.

Практика свидетельствует о том, что последствия халатного отношения субъекта к обязанностям по должности опосредованы действиями или бездействием других лиц. «Бездействие должностного лица, - пишет П. С. Яни, - создает условие, без которого последствие, порожденное иными факторами, не наступило бы» [3, с. 42]. Причем данное условие распространяется на неисполнение или ненадлежащее исполнение всех трех видов полномочий. Часто к ответственности за халатность привлекаются представители власти, которые не приняли мер по пресечению преступления и задержанию преступника, а также те, по чьей вине удалось скрыться подследственным, подсудимым или осужденным. Халатное отношение к исполнению организационно-распорядительных и административно-хозяйственных полномочий выражается, как правило, в невыполнении обязанностей по контролю над деятельностью подчиненных, в небрежном отношении к изучению представляемых ими материалов и принятии необоснованных кадровых и финансовых решений. Таким образом, организационные, материальные и физические последствия фактически инициированы деятельностью подчиненных и подконтрольных лиц, а также правонарушителями, на которых распространяются полномочия должностного лица. Субъект преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ, обязан был не допустить или предотвратить наступление последствий, но он этого не сделал.

Например, не по ст. 293 УК РФ, а как утрата военного имущества (ст. 348 УК РФ) были квалифицированы действия офицера, который, являясь дежурным по части, употребил спиртные напитки и забыл выданный ему пистолет ПМ и 16 патронов к нему в туалете. В результате нарушения виновным правил сбережения оружия пистолет и патроны были похищены [2]. В другом случае «для обеспечения стрельб подразделения командир взвода старший лейтенант Бондарь получил под личную роспись два автомата АК-74, после чего, вопреки Инструкции по организации учета, хранения и выдачи стрелкового оружия и боеприпасов в Вооруженных силах РФ, передал оружие для перевозки на войсковое стрельбище лицу, за которым оно закреплено не было. В результате ненадлежащего исполнения Бондарем своих обязанностей один из автоматов был утерян». Суд первой инстанции квалифицировал действия Бондаря по ст. 348 УК РФ. Военная коллегия Верховного Суда РФ разъяснила: «Являясь начальником для солдат и сержантов роты, Бондарь обладал всеми признаками должностного лица. Поэтому ненадлежащее исполнение им обязанностей по организации и проведению стрельб подчиненными, повлекшее утрату выданного Бондарю оружия, следовало квалифицировать по ст. 293 УК РФ» [2].

В УК РСФСР 1922 г. ответственность за злоупотребление властью, превышение или бездействие власти и халатное отношение к службе предусматривалась в одной статье (ст. 110). Перечисленные деяния признавались преступлением в случае наступления таких серьезных последствий, как «...расстройство центральных или местных хозяйственных аппаратов производства, распределения или снабжения, или расстройство транспорта, заключение явно невыгодных для государства договоров или сделок, или всякий иной подрыв и расточение государственного достояния в ущерб интересам трудящихся». Подобный подход сохранился в ст. 112 УК РСФСР 1926 г. Здесь следует отметить, что традиционно унификация уголовного законодательства рассматривается как его достоинство. Вместе с тем важно понимать, что одной из задач Особенной части УК РФ является дифференциация ответственности за разные, в частности умышленные и неосторожные, преступления.

Для сравнения: ст. 320 УК Кыргызской Республики «Злоупотребление должностным положением» предусматривает ответственность за «использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы, причинившее умышленно либо по неосторожности значительный вред». А преступной халатностью в кыргызском законодательстве признается «неисполнение или ненадлежащее, в силу легкомыслия или

небрежности, исполнение должностным лицом своих обязанностей, причинившее по неосторожности значительный вред» (ст. 331 УК Кыргызской Республики). Кыргызский законодатель правильно указал на неосторожное отношение субъекта к последствиям, чего не сделал российский законодатель в ст. 293 УК РФ. Но требует осмысления произведенная дифференциация ответственности за причинение должностным лицом по неосторожности значительного вреда в зависимости от того, действовал он вопреки интересам службы преднамеренно или относился к исполнению своих обязанностей легкомысленно либо небрежно.

Допущение возможности неосторожного отношения к деянию как признаку объективной стороны применительно к должностным преступлениям считаем спорным. При привлечении должностного лица к уголовной ответственности за халатность всегда нужно выяснять, какие обязанности субъект не исполнил, к исполнению каких отнесся недобросовестно, а также устанавливать наличие возможности действовать правильно. Указание в ст. 293 УК РФ на неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей неверно воспринимать как характеристику неволевого поведения виновного, такое описание деяния придает ему свойство предпосылки, возможной причины наступления общественно опасных последствий. Вместе с тем субъект преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ, исполняет свои обязанности халатно вследствие недобросовестного или небрежного отношения, именно данная формулировка и позволяет «отличить халатность от умышленных должностных преступлений, прежде всего должностного злоупотребления» [4, с. 42].

В исследуемом аспекте для российской уголовно-правовой теории и практики актуальным является вопрос о разграничении халатности (ст. 293 УК РФ) и злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Следует отметить, что в советском законодательстве норма о бездействии власти располагалась рядом с халатностью (ст. 107 и 108 УК РСФСР 1922 г.) либо в одной статье (ст. 111 УК РСФСР 1926 г.). Последняя предусматривала ответственность за «бездействие власти, т. е. невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, при наличии признаков, предусмотренных ст. 109, а равно халатное отношение к службе, т. е. небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе, при наличии тех же признаков». В соответствии с действующим законом должностная халатность, как и преступление, предусмотренное ст. 285 УК РФ, может состоять в бездействии виновного или в незаконной реализации им властных, организационно-распорядительных, административно-хозяйственных полномочий. Халатность не имеет корыстных целей, но при совершении данного посягательства не исключены иные мотивы: нежелание работать, леность, безразличное отношение к порученному делу. В отличие от злоупотребления должностными полномочиями, при халатности виновный самонадеянно рассчитывает на предотвращение описанных в ст. 293 УК РФ последствий либо вообще их не предвидит. В качестве критерия отграничения халатности от злоупотребления также выступает вероятностный характер наступления общественно опасных последствий. Напротив, при совершении посягательства, предусмотренного ст. 285 УК РФ, и специальных его видов они неизбежны.

Злоупотребление должностными полномочиями состоит в их использовании, которое выражается в принятии решений, создающих юридические последствия для других. Это вытекает из сущности всех трех возможных видов функций, осуществляемых должностными лицами, заключающейся в праве принимать решения, имеющие юридическое значение. Поэтому и существенный вред правоохраняемым интересам при совершении преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, наступает уже в момент принятия необоснованного злонамеренного использования субъектом полномочий. В свою очередь, халатность не характеризуется корыстной или иной личной заинтересованностью, а следовательно, и стремлением к причинению

УДК 343.9

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БРАЗИЛИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Петр Николаевич Кобец, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Илья Викторович Никитенко, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент

E-mail: pkobets37@rambler.ru

dfvnii@mail.ru

Борьба с политической коррупцией в современной Бразилии представляет предмет активной дискуссии. Авторами проанализированы особенности проявлений коррупции в государственном аппарате Федеративной Республики Бразилии (ФРБ) на основе примеров, опубликованных в СМИ. В результате исследования авторы пришли к выводу, что многочисленные разоблачения коррумпированных чиновников и проблемы в экономике негативно отразились на развитии ФРБ в целом. Представлены умозаключения об эффективности противодействия политической коррупции в Бразилии, опыт которого может учитываться в России при подготовке различных программных документов в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: коррупция в государственном аппарате; политическая коррупция; коррупционные скандалы; борьба с коррупцией; правоохранительные органы; судебная система; полиция; прокуратура; предупреждение преступности.

OF THE FIGHT AGAINST CORRUPTION IN BRAZIL: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Peter Nikolaevich Kobets, chief researcher of the NRI of the Ministry of Interior of the Russian, Doctor of Law, Professor;

Ilya Viktorovich Nikitenko, professor of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor

The fight against political corruption in modern Brazil is a subject of active discussion. The authors analyzed the features of corruption in the state apparatus of the Federal Republic of Brazil (FRB) on the basis of examples published in the media. As a result of the study, the authors concluded that numerous revelations of corrupt officials and problems in the economy had a negative impact on the development of the FRB as a whole. Conclusions are presented on the effectiveness of countering political corruption in Brazil, whose experience can be taken into account in Russia when preparing various policy documents in the field of combating corruption.

Keywords: corruption in the state apparatus; political corruption; corruption scandals; the fight against corruption; law enforcement; the judicial system; the police; the Prosecutor's office; crime prevention.

Опыт многочисленных исследований феномена коррупции свидетельствует, что осознание объективных закономерностей её появления и воспроизводства, как, собственно, и других правовых явлений, возможно в пространственно-временной парадигме. Это же, в свою очередь, во многом определяет и суть методологических подходов к изучению коррупции.

Очевидно и то, что коррупция, так же как и организованные формы преступности, в современном мире приобретает глобальные масштабы, тогда вполне приемлемы так называемые транзитивные методы осознания реальной распространенности этого явления [10].

Проявления коррупции можно наблюдать в самых разных местах, также как и в разные времена истории человечества. В условиях конца второго десятилетия XXI в. проблематика коррупционных проявлений в обществе становится важнейшей из тем. Данные вопросы широко освещаются как зарубежными, так и отечественными исследователями [3, с. 29–36]. Они рассматривают проблемы борьбы с коррупционной преступностью в отдельно взятых странах [8, с. 167–175], различные аспекты проявления коррупции, а также тему противодействия политической коррупции [7, с. 12–15].

Наиболее актуальными в большинстве стран являются проблемы противодействия коррупции в государственном аппарате [6, с. 42–46].

Следует отметить, что масштабы подобных проявлений коррупции зависят от разных факторов, об этом свидетельствуют разнообразные исследования рассматриваемого феномена. В настоящей статье авторы попытались изложить проблемы противодействия политической коррупции в одной из латиноамериканских стран – в Федеративной Республике Бразилии (далее – Бразилия), где политические скандалы, связанные с коррупцией в государственном аппарате, получили широкую огласку [12, с. 51–66].

И зарубежные, и отечественные исследователи считают, что коррупционные проявления в современной Бразилии имеют системный характер. Так, по мнению Л. С. Окуновой, коррупцией поражен практически весь политический класс – высшая, средняя и низшая степени государственной власти страны превратились в угрозу для основ управляемости государством [11]. Кроме того, подтверждается точка зрения о существовании в Бразилии системной и хорошо структурированной коррупции тем, что в стране преступно срослись политические силы, предпринимательские круги и чиновничий аппарат [17, с. 123–143]. Вместе с тем З. В. Ивановский полагает, что коррупционные разоблачения в Бразилии позволили преодолеть многие из обнаруженных проблем. Так, виновные в коррупционных преступлениях привлечены к ответственности, активизировалась судебная система Бразилии, общество стало относиться более нетерпимо к коррупционным проявлениям [2, с. 12–35].

По мнению зарубежных исследователей, отставка в 1992 г. Президента Бразилии Фернандо Коллора, избранного демократическим путем, отбросила страну, покончившую с двадцатипятилетним военным правлением, обратно в эпоху политической непредсказуемости, которая существовала в Бразилии до прихода к власти военных в 1964 г. [18, р. 13].

Проводя избирательную кампанию, Ф. Коллор запомнился избирателям как непримиримый борец против различных привилегий и коррупционных проявлений в аппарате государственных служащих. Он обещал своему электорату в случае победы на выборах избавиться от коррупционной преступности при помощи «одного выстрела». После отставки Президента Бразилии население постигло разочарование, возникла неуверенность в том, что страна способна побороть коррупцию.

В дальнейшем сомнения относительно радикального и скорого очищения страны от коррупции еще более усилились из-за потрясшего Бразилию нового политического скандала: в 2005 г., в связи с обвинением в подкупе членов Национального конгресса, было отстранено от власти и привлечено к уголовной ответственности все ближайшее окружение президента страны. Следует отметить, что многие из отправленных в отставку являлись членами ведущей в Бразилии политической партии – «Партии трудящихся»*.

В общественном сознании народа Бразилии стали наблюдаться существенные изменения, которые были обусловлены пониманием того, что демократическое правительство не способно придерживаться курса на укрепление социальной справедливости и борьбы с политической коррупцией [9, с. 47–58].

* Бывший президент Бразилии Лула сдался полиции. UPL: <https://www.bbc.com/russian/news-43683211> (дата обращения: 31.10.2019).

ря 2019 г. RFB подчинялся Министерству финансов Бразилии, а после перешел в подчинение Министерства экономики Бразилии*.

Главным должностным лицом RFB является *Secretário da Receita Federal* (специальный секретарь), который назначается министром финансов с одобрения Президента Республики. Министр или Президент могут понизить *Secretário* в любое время и по любой причине. Конгресс же не имеет никакого права в назначении или снятии *Secretário*.

Еще одной особенностью организации деятельности по контролю за налогами является то, что каждому налогоплательщику присваивается индивидуальный номер – CPF. Специальный орган в RFB отвечает за выпуск и управление CPF, а именно базой данных о бразильских налогоплательщиках. Поскольку упомянутый орган отвечает и за налоги на внешнюю торговлю, то его аудиторы часто работают в аэропортах и морских портах, следят за движением через таможенную границу багажа и других грузов, при этом организуя сбор установленных пошлин и иных сборов на бразильский импорт и экспорт.

Еще одним из субъектов борьбы с коррупцией, непосредственно связанных с Национальным конгрессом, является Федеральный счетный трибунал – *Tribunal de Contas da União (TCU)* – специальный орган, который выполняет важную функцию, контролируя расходы на федеральном уровне. Иными словами, TCU представляет собой федеральное агентство по вопросам подотчетности. Это подразделение законодательной власти Бразилии призвано оказывать Конгрессу помощь в осуществлении внешнего (независимого) аудита исполнительной власти, что в общем и целом предусмотрено его конституционным статусом. Сотрудники указанного подразделения назначаются Национальным конгрессом и утверждаются Президентом Бразилии. В Федеральном счетном трибунале работает высококвалифицированный штат государственных служащих для выявления и расследования фактов коррупции, а также злоупотреблений в отношении государственных средств**.

Федеральный счетный трибунал является одним из первых в мире учреждений, отвечающих за подотчетность национального правительства. В настоящее время он активно сотрудничает с Контрольно-ревизионным органом (CGU), который осуществляет централизацию внутреннего аудита федеральных органов исполнительной власти. Работа трибунала тщательно контролируется специально уполномоченными государственными органами.

Примечательно то, что правовой статус субъектов, способствующих противодействию коррупции на уровне законодательной власти Бразилии, весьма специфичен [14, с. 14–18]. Так, сфера деятельности Федерального счетного трибунала ограничена строго регламентированными процедурами аудита, как специальный орган расследования он исторически не наделен достаточной самостоятельностью и в значительной степени полагается на другие институты при проведении любого расследования. Кроме того, с учетом присущего специальному комитету по расследованию политического характера его результаты редко оказывают существенное влияние с точки зрения введения правовых санкций в отношении правонарушителей.

Вместе с тем, по сравнению со многими из своих коллег в остальной части Латинской Америки, Федеральный счетный трибунал представляет собой довольно сильный институт противодействия коррупции, а его аудиторские полномочия весьма авторитетны. Однако при этом необходимо отметить неспособность TCU вводить санкции без соответствующих решений иных уполномоченных институтов, что обуславливает ориентированность TCU на применение более либеральных санкций, которые не требуют одобрения со стороны коллегиальных институтов. В результате, несмотря на положительную роль TCU в мониторинге и расследовании коррупционных проявлений, его воздействие на коррупцию в политической системе в целом слабее, чем можно было бы ожидать. Этим и объясняется юридическая

* UPL: nuso.org/articulo/mas-corrupcion-en-america-latina/ (дата обращения: 31.10.2019).

** Tribunal de Contas da União. UPL: https://www.wikiwand.com/pt/Tribunal_de_Contas_da_Uni%C3%A3o (дата обращения: 31.10.2019).

2006 г., когда национальные конгрессмены были признаны получающими «откаты» в сделках, которые проверялись на муниципальном уровне.

Федеральные судебные органы расследуют большинство дел, инициированных Министерством по делам общественности. В рамках федеральной судебной системы большинство дел начинается на уровне федеральных судов первой инстанции, а затем продвигается вверх через региональные федеральные суды в Верховный суд и Высший Федеральный суд*.

В избирательных судах действуют суды местного уровня, региональные избирательные суды и Высший избирательный трибунал, которые играют большую роль в регулировании поведения федеральных политиков во время избирательных кампаний и выборов. Конституция Бразилии описывает организацию и компетенцию судов намного подробнее, нежели любая иная конституция в мире. Бразильская судебная власть, будучи достаточно независимой, функционирует на началах финансовой и административной автономии. Финансирование бразильской судебной системы осуществляется в соответствии со специальными статьями госбюджета, средства которого распределяются самими судебными органами. Бразилия представлена двумя судебными системами, которые имеют централизованный характер, – федеральной и штатов. Суды в Бразилии подразделяются на специальные и общие. К специальным относятся трудовые, избирательные и военные. Высший орган судебной власти Бразилии – Федеральный Верховный суд [15, с. 14–19].

Обе судебные системы достаточно независимы от других ветвей власти: бразильская судебная система является одной из немногих латиноамериканских судебных систем, считающихся действительно независимыми. Они обладают широкими полномочиями по вмешательству в ряд сфер, которые потенциально опасны коррупционными проявлениями. Но, как и суды в других государствах Латинской Америки, бразильская судебная система в значительной степени зависит от других субъектов борьбы с коррупцией, а также от качества дел, направляемых ей Министерством по делам общественности, а также от взаимодействия с Федеральной полицией и Федеральной прокуратурой.

Среди основных недостатков судебной системы современной Бразилии в плане эффективности противодействия коррупции следует назвать следующие.

Во-первых, избирательные суды, осуществляющие надзор за избирательными кампаниями и выборами, во многих отношениях являются тщательно продуманной фикцией, с помощью которой политические партии соглашаются закрывать глаза на ошибки друг друга.

Во-вторых, трудности с привлечением к ответственности коррумпированных политиков являются прямым результатом более широких институциональных недостатков федеральной судебной системы: эта система носит формальный характер и обеспечивает особую защиту государственных должностных лиц. Тем не менее, проблема не заключается в умышленном нарушении закона судьями или прокурорами. Напротив, именно строгий нормативный правовой регламент часто снижает эффективность борьбы с коррупцией, обязывая судей строго соблюдать законодательные процедуры [4, с. 57–59].

Рассматривая особенности политической коррупции в Бразилии, можно сделать вывод о том, что череда коррупционных скандалов в высших эшелонах власти, помноженная на сложности в экономической сфере, сыграла роль тормоза в развитии одной из крупнейших латиноамериканских стран**. Одна из крупнейших экономик мира, которая двигалась практически безо всяких препятствий к высотам мировой политики с 1940-х гг., была вынуждена снизить темпы своего роста. Усиление коррупционных проявлений в государственном аппарате привело к тому, что законодательная и исполнительная власти страны переключились на рассле-

* Федеральная судебная система Бразилии. URL: <https://isfic.info/zarpra2/konstz60.htm> (дата обращения: 31.10.2019).

** Коррупция тормозит экономическое развитие. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/11/05/615747-korrupsiya-tormozit-ekonomicheskoe> (дата обращения: 31.10.2019).

дование различных политических скандалов, в результате чего работа на других важных для страны направлениях была ослаблена. Среди основных детерминант сложившейся ситуации в сфере борьбы с коррупцией следует отметить наличие немалого числа ограниченных в своих возможностях субъектов антикоррупционной деятельности и весьма слабое их взаимодействие, а также проблему подотчетности и слабости политических институтов [18, с. 123–143].

Однако находится ли Бразилия в состоянии застоя в борьбе с коррупцией? Безусловно, нет, но крайне важно поощрять всеобъемлющий подход к решению таких фундаментальных структурных проблем, как финансирование антикоррупционной политики, набор государственных кадров и укрепление независимых, прочных и гибких правовых институтов.

Следует отметить, что ведущие политические партии Бразилии имеют возможность включать соответствующие предложения в свои избирательные платформы, что в дальнейшем может способствовать оптимизации антикоррупционной политики в целом. Однако большинство экспертов сходятся во мнении о том, что чтобы действительно усилить борьбу с коррупцией в Бразилии, правительству следует проявить политическую волю и продемонстрировать свои твердые намерения искоренять факторы, способствующие коррупции.

Литература

1. Бауман Е. В. Опыт борьбы с коррупцией в странах с развитой экономикой // Актуальные вопросы публичного права. 2012. № 4.
2. Ивановский З. В. Коррупция как системный фактор // Латинская Америка. 2017. № 2.
3. Кобец П. Н. Кодекс этики госслужащего. Для эффективной борьбы с коррупцией Россия может обобщить опыт зарубежных стран // Человек и закон. 2008. № 10.
4. Кобец П. Н., Краснова К. А. Особенности предупреждения коррупции за рубежом // Следователь. 2014. № 5(193).
5. Кобец П. Н., Краснова К. А. Предупреждение коррупции в аппарате государственного управления: международный опыт // Преодоление коррупции – главное условие утверждения правового государства: методологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты: междунар. сб. / гл. ред. А. И. Комарова. М., 2010. Т. 2 (40).
6. Кобец П. Н. Международный опыт предупреждения и пресечения коррупции в государственном аппарате и возможности его использования в отечественной законодательной практике // Международное публичное и частное право. 2008. № 5 (44).
7. Кобец П. Н. О некоторых направлениях использования в отечественном законодательстве зарубежного и международного опыта предупреждения и пресечения коррупции в государственном аппарате // Следователь. 2009. № 2 (130).
8. Кобец П. Н. Уголовно-правовые и криминологические особенности предупреждения коррупционной преступности в Китайской Народной Республике в середине второго десятилетия XXI столетия // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3 (12).
9. Мартынов Б. Ф. Криминалитет и социальные протесты: по следам «бразильского феномена» // Латинская Америка. 2014. № 10.
10. Никитенко И. В. Общая криминологическая характеристика транснациональных преступных сообществ в Дальневосточном регионе России // Уголовное законодательство России и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой анализ, проблемы, тенденции развития: мат-лы междунар. круглого стола. Хабаровск, 19 октября 2010 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2011.
11. Окунева Л. С. Импичмент Дилмы Руссефф: президент борется, но не побеждает. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/impichment-dilmy-russeff-prezident-boretsya-no-ne-pobezhdaet/> (дата обращения: 31.10.2019).
12. Оливейра Т. Б. Структура судебной власти в Бразилии: уголовное преследование в свете недавних реформ Уголовно-процессуального кодекса / пер. Н. Е. Крыловой // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2018. № 2.
13. Пейлинжейру Р. Система административной юстиции Бразилии: сравнительно-правовой анализ // Гражданское право. 2015. № 7.
14. Решетников Ф. М. Правовая система латиноамериканских стран // Сравнительное правведение. 2006. № 2.
15. Саудаханов М. В., Тутханян Г. А. Конституционные основы регулирования экономических отношений в Федеративной Республике Бразилии // Закон и право. 2014. № 10.
16. Телегина А. П. Противодействие коррупции в Бразилии // Академия педагогических идей «Новация». Сер. Студенческий научный вестник. 2019. № 3.
17. Шитова Е. Н. Методы борьбы с коррупцией в Бразилии: достижения и новые вызовы // ВВ: Международные отношения. 2015. № 1.
18. Cockcroft L. *Global Corruption. Money, Power and Ethics in the Modern World*. New York: I. B. Tauris. 2014. 266 p.

УДК 343.72

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ: АНАЛИЗ НОРМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Тимур Романович Данилов, соискатель;

Леонид Игоревич Шабалин, аспирант

(Уральский государственный юридический университет)

E-mail: dan0592@mail.ru

b32@inbox.ru

В статье рассматривается вопрос об уголовной ответственности за мошенничество в сфере страхования. Нормы об ответственности за этот вид мошенничества (ст. 159.5 УК РФ) анализируются с точки зрения требований криминализационных и дифференцирующих факторов. Делается вывод о несоответствии между формальным и реальным основаниями дифференциации уголовной ответственности за мошенничество в сфере страхования, предусмотренного ч. 1 ст. 159.5 УК РФ. Формулируются предложения по совершенствованию положений ст. 159.5 УК РФ.

Ключевые слова: мошенничество; мошенничество в сфере страхования; обоснованность уголовно-правовой нормы; основание дифференциации уголовной ответственности.

FRAUD IN THE SPHERE OF INSURANCE: LEGAL ANALYSIS IN TERMS OF THEORIES OF CRIMINALIZATION AND DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY

Timur Romanovich Danilov, degree seeker;

Leonid Igorevich Shabalin, post graduate

(Ural Stat Law University)

The issue of criminal liability for the fraud in the sphere of insurance is discussed in the article. The rules about liability for this fraud – Article 159.5 of the Criminal Code of Russian Federation – are analyzed in terms of the requirements of criminalization and differentiating factors. The discrepancy between the formal and real grounds of differentiation of criminal liability for the fraud in the sphere of insurance, in accordance with Part 1 of Article 159.5 of the Criminal Code of Russian Federation, is concluded. Amendments to the provisions of Article 159.5 of the Criminal Code of Russian Federation are proposed.

Keywords: fraud; fraud in the sphere of insurance; validity of criminal law rule; ground of differentiation of criminal liability.

Нормы об уголовной ответственности за мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ) были введены Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ были ужесточены санкции ч. 2–3 ст. 159.5 УК РФ. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 впервые было осуществлено официальное толкование положений ст. 159.5 УК РФ.

В доктринальной литературе положения ст. 159.5 УК РФ подвергаются критике за неясность политико-экономического обоснования [19, с. 48], ложность компаративистского основания [7, с. 33–41], несоответствие принципу равенства [13, с. 92–93] и непримени-

мость квалифицирующего признака «с причинением значительного ущерба гражданину» (ч. 2 ст. 159.5 УК РФ) [17, с. 74].

Цель настоящей статьи – рассмотреть нормы об ответственности за мошенничество в сфере страхования (*четыре* состава мошенничества в сфере страхования*) через призму теорий криминализации и дифференциации уголовной ответственности – конвенций научного сообщества специалистов в области уголовного права (аккумуляций определенного исследовательского опыта), научная ценность которых (конвенций) заключается «в эвристических возможностях при исследовании актуальной проблематики» [14, с. 206]. С точки зрения этих теорий специальный состав преступления – это одновременно: 1) уголовно-правовой запрет, который должен соответствовать криминализационным факторам (причинам, основаниям и принципам криминализации) [8, с. 64–88, 127–129; 10, с. 202–242; 16, с. 144–186]; 2) средство дифференциации уголовной ответственности, соответствующее дифференцирующим факторам (причинам конструирования специальной уголовно-правовой нормы и основанию дифференциации уголовной ответственности – существенному изменению уровня общественной опасности деяния, предусмотренного специальным составом преступления, по сравнению с уровнем общественной опасности деяния, предусмотренного общим составом преступления) [5, с. 37–38; 6, с. 113; 12, с. 6–10].

Дополнение УК РФ нормами об ответственности за специальные виды мошенничества (в том числе за мошенничество в сфере страхования) – ст. 159.1–159.5** – обосновывалось такими факторами, как:

– развитие в стране экономических отношений, появление новых схем, способов хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество [1, абз. 4] (причины криминализации);

– причинение существенного вреда общественным отношениям [1, абз. 5], распространенность мошенничества [1, абз. 1–2] (основания, или принципы, криминализации);

– конкретизация в УК РФ составов мошенничества в зависимости от сферы правоотношений, в которой они совершаются [1, абз. 28] (причина конструирования специальной уголовно-правовой нормы. Однако в теории выдвигается постулат о недопустимости конструирования специальной уголовно-правовой нормы, если единственной причиной ее конструирования является потребность конкретизации уголовного закона [12, с. 5–18]);

– результаты изучения вступивших в 2011 г. в законную силу приговоров по делам о мошенничестве [1, абз. 6] (правоприменительное основание);

– анализ действующего зарубежного уголовного законодательства, опыта развитых в экономическом и правовом отношении стран [1, абз. 6] (компаративистское основание);

– анализ высказанных судьями позиций относительно необходимости установления в отдельных статьях УК РФ ответственности за различные виды мошенничества [1, абз. 6] (социологическое основание).

Факт того, что действующая редакция ст. 159 УК РФ «фактически воспроизводит по существу аналогичную норму УК РСФСР» [1, абз. 3], использовался как аргумент, доказывающий необходимость дополнения УК РФ нормами об ответственности за специальные виды мошенничества. Введение в УК РФ норм об ответственности за мошенничество в сфере страхования – ст. 159.5 обосновывалось также активным развитием отрасли страхования [1, абз. 4, 21]. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что в проекте федерального закона

* Расчет количества составов преступлений производится исходя из того, что *один* состав преступления соответствует *одной* уголовно-правовой норме, имеющей самостоятельную санкцию, т. е. в *одной* части статьи Особенной части УК РФ содержатся признаки *одного* состава преступления.

** Проект федерального закона № 53700–6 [1], в первых двух редакциях которого отсутствовала дифференциация уголовной ответственности за специальные виды мошенничества, т. е. санкции специальных норм были тождественны санкциям общей нормы.

ч. 2 ст. 159 и ч. 2 ст. 159.5 – пять лет лишения свободы, по ч. 3 ст. 159 и ч. 3 ст. 159.5 – шесть лет лишения свободы, по ч. 4 ст. 159 и ч. 4 ст. 159.5 – десять лет лишения свободы). Следовательно, нет формального основания дифференциации уголовной ответственности за мошенничество в сфере страхования, предусмотренное ч. 2–4 ст. 159.5 УК РФ.

При описании составов ч. 2–4 ст. 159.5 УК РФ законодатель не внес никакой оригинальности: квалифицирующие признаки в ч. 2–4 ст. 159 и ч. 2–4 ст. 159.5 совпадают (ч. 2 ст. 159 и ч. 2 ст. 159.5 – «группой лиц по предварительному сговору» и «с причинением значительного ущерба гражданину»; ч. 3 ст. 159 и ч. 3 ст. 159.5 – «лицом с использованием своего служебного положения» и «в крупном размере»; ч. 4 ст. 159 – «организованной группой», «в особо крупном размере» и «повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение», ч. 4 ст. 159.5 – «организованной группой» и «в особо крупном размере»). Таким образом, мошенничество в сфере страхования по ч. 2–4 ст. 159.5 УК РФ, не имеющее формального основания дифференциации уголовной ответственности, не может обладать и реальным (существующим в реальной действительности) основанием дифференциации.

Кроме того, мошенничество в сфере страхования, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину (ч. 2 ст. 159.5 УК РФ), не обладает достаточным уровнем относительной распространенности. Так, по ч. 2 ст. 159.5 в РФ было осуждено: в 2015 г. – 16 человек, в 2016 г. – 17, в 2017 г. – 14, в 2018 г. – 19 человек* (из этих статистических сведений не ясно, кому из осужденных вменялся признак «группой лиц по предварительному сговору», а кому – «с причинением значительного ущерба гражданину»).

Между тем статистическая отчетность регионального уровня позволяет ответить на вопрос о том, как часто на практике вменяется признак «с причинением значительного ущерба гражданину», предусмотренный ч. 2 ст. 159.5 УК РФ. Так, за период 2018–2019 гг. в Республике Саха (Якутия) было зарегистрировано четыре преступления в форме мошенничества в сфере страхования (в 2018 г. – три, в 2019 г. – одно). При этом имела место следующая квалификация: в трех случаях – ч. 1 ст. 159.5 УК РФ; в одном случае – ч. 2 ст. 159 УК РФ с вменением признака «группой лиц по предварительному сговору» (признак «с причинением значительного ущерба гражданину» за указанный период в названном субъекте РФ не вменялся). Все деяния, получившие впоследствии уголовно-правовую оценку как мошенничество в сфере страхования, совершались за указанный период в названном субъекте РФ с целью завладения имуществом страховщика (страховой компании)**.

Неприменимость признака «с причинением значительного ущерба гражданину» (ч. 2 ст. 159.5 УК РФ) подтверждается и результатами анкетирования практических работников. На вопрос: «Встречалось ли в Вашей практике вменение лицу, совершившему мошенничество в сфере страхования, квалифицирующего признака «с причинением значительного ущерба гражданину» (ч. 2 ст. 159.5 УК РФ)?» все 100 % респондентов (50 практических работников) дали ответ «никогда».

Помимо изменения санкций в специальных нормах УК РФ об ответственности за мошенничество (ч. 2–7 ст. 159, ст. 159.1–159.3 и 159.5), по сравнению с санкцией ч. 1 ст. 159, законодатель добивается «дифференцирующего» эффекта различным пониманием в нормах УК РФ об ответственности за мошенничество терминов «крупный размер» и «особо крупный размер»***, тем самым нарушая юридико-техническое правило об однозначности зако-

* Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015–2018 гг.: отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ (форма № 10-а) // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: cdep.ru/index.php?id=79.

** Статистические сведения о преступлениях в форме мошенничества в сфере страхования за 2018–2019 гг. представлены Информационным центром Министерства внутренних дел РФ по Республике Саха (Якутия).

*** Крупный размер – это стоимость имущества, превышающая: для ч. 3 ст. 159 УК РФ – 250 тыс. руб., для ч. 3 ст. 159.5 УК РФ – 1,5 млн руб.; особо крупный размер – это стоимость имущества, превышающая: для ч. 4 ст. 159 УК РФ – 1 млн руб., для ч. 4 ст. 159.5 УК РФ – 6 млн руб.

нодательной терминологии. Эти квалифицирующие признаки («крупный размер» и «особо крупный размер») характеризуют одновременно и стоимость предмета (похищенного имущества или незаконно приобретенного права), и размер последствия (имущественного ущерба). В результате такой «дифференциации» обстоятельства, отраженные признаками «хищение... путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате...» (ч. 1 ст. 159.5 УК РФ), обуславливают:

1) при стоимости *предмета* или размере *последствия* 2,5–250 тыс. руб. – **существенное уменьшение** (в 6 раз, или на 83,33 %) нормативного уровня общественной опасности мошенничества (в данном интервале мошенничество в сфере страхования – **привилегированный** состав преступления);

2) при стоимости *предмета* или размере *последствия* 250 тыс. – 1 млн руб. – **существенное уменьшение** (в 9 раз, или на 94,45 %; размеры максимального наказания при данной стоимости *предмета*: за «общее» мошенничество – *шесть лет лишения свободы*, за мошенничество в сфере страхования при отсутствии других квалифицирующих признаков – *четыре месяца ареста*) нормативного уровня общественной опасности мошенничества (в данном интервале мошенничество в сфере страхования – **привилегированный** состав преступления);

3) при стоимости *предмета* или размере *последствия* 1–1,5 млн руб. – **существенное уменьшение** (в 30 раз, или на 96,67 %; размеры максимального наказания при данной стоимости *предмета*: за «общее» мошенничество – *десять лет лишения свободы*, за мошенничество в сфере страхования при отсутствии других квалифицирующих признаков – *четыре месяца ареста*) нормативного уровня общественной опасности мошенничества (в данном интервале мошенничество в сфере страхования – **привилегированный** состав преступления);

4) при стоимости *предмета* или размере *последствия* 1,5–6 млн руб. – **существенное уменьшение** (в 1,67 раза, или на 40 %; размеры максимального наказания при данной стоимости *предмета*: за «общее» мошенничество – *десять лет лишения свободы*; за мошенничество в сфере страхования – *шесть лет лишения свободы*) нормативного уровня общественной опасности мошенничества (в данном интервале мошенничество в сфере страхования – **привилегированный** состав преступления);

5) при стоимости *предмета* или размере *последствия* более 6 млн руб. – **индифферентность** для изменения нормативного уровня общественной опасности мошенничества.

Уменьшение в 2 раза, или на 50 %, размера максимального наказания за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, совершенное в особо крупном размере (*пять лет лишения свободы*), по сравнению с «общим» мошенничеством, совершенным также в особо крупном размере (*десять лет лишения свободы*), послужило основанием для признания Конституционным Судом РФ положений ст. 159.4 УК РФ несоответствующими Конституции РФ (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П). Учитывая такую правовую позицию Конституционного Суда РФ, уменьшение в 6, в 9 и в 30 раз размера максимального наказания за мошенничество в сфере страхования, совершенное при стоимости предмета или размере последствия 2,5–250 тыс. руб., 250 тыс. – 1 млн руб. и 1–1,5 млн руб. соответственно, по сравнению с «общим» мошенничеством, совершенным при таких же стоимости предмета или размере последствия, также может быть положено в основание неконституционности положений ст. 159.5 УК РФ (соразмерность наказания за мошенничество в сфере страхования, совершенное при стоимости предмета или размере последствия 2,5 тыс. – 1,5 млн руб., является сомнительной).

Таким образом, в ходе анализа ст. 159.5 УК РФ на предмет общественной опасности предусмотренных в ней деяний, обнаруживается, что составы ч. 2–4 данной статьи не являются средством дифференциации уголовной ответственности, они избыточны, поэтому, на наш взгляд, подлежат исключению из рассматриваемой нормы.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: пояснительная записка к проекту федерального закона № 572517–5. URL: <https://base.garant.ru/58177887/> (дата обращения: 23.11.2019).
2. Антонян Ю. М. Хулиганство как мотив преступного поведения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40).
3. Галиакбаров Р. Р., Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск: Среднеур. кн. изд-во, 1983.
4. Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 4.
5. Козлов А. П. Понятие преступления: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
6. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М.: Госюриздат, 1958.
7. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
8. Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении: монография. Омск: Изд-во Омского юрид. ин-та МВД России, 2000.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование, 2015.
10. Фефелов П. А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности: основные методологические проблемы / отв. ред. М. И. Ковалев. М.: Юрид. лит., 1972.

УДК 343.296

ОБ ОПЫТЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШИМ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КАНАДЕ И АВСТРАЛИИ

Никита Константинович Сливко, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: nikitaslivko@mail.ru

Анализируется опыт Канады и Австралии по вопросу своевременной и полной компенсации жертвам преступлений. Автор отмечен прогрессивный характер деятельности государственных фондов помощи потерпевшим в данных странах. Рассматривается возможность заимствования подобного опыта отечественным законодателем с учетом имеющихся начинаний прошлых лет, а именно так и не внесенного на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации проекта федерального закона «О потерпевших от преступлений».

Ключевые слова: Канада; Австралия; потерпевший; фонд помощи потерпевшим; возмещение ущерба.

ABOUT THE EXPERIENCE OF THE COMPENSATION OF DAMAGE TO VICTIMS OF CRIMES IN CANADA AND AUSTRALIA

Nikita Konstantinovich Slivko, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The experience of Canada and Australia in terms of well-timed and full compensation of damage to the victims of crimes is analyzed. The progressive nature of the State Crime Victim's Funds activity in these countries is noted by the author. The possibility of adoption of such experience by Russian legislator, based on past endeavor – never submitted to the State Duma project of the Federal Law «About victims of crimes».

Keywords: Canada; Australia; victim of crime; crime victim's fund; reparation.

а) институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Согласно ст. 76 УК РФ, «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред»;

б) институт освобождения от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях (ст. 76.1 УК РФ). В соответствии с данной нормой «лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ст. 198–199.1, 199.3, 199.4 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме»;

в) институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. В соответствии со ст. 76.2 УК РФ в случае, если лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, оно может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если потерпевшему был возмещен ущерб или иным образом заглажен причиненный преступлением вред;

г) институт обстоятельств, смягчающих наказание (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ): добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему.

К сожалению, сегодня, несмотря на наличие подобных позитивных уголовно-правовых институтов, направленных на улучшение процесса восстановления прав жертв преступлений, потерпевший может забыть о своевременной и максимально полной компенсации, если:

- 1) лицо, совершившее преступление, не установлено;
- 2) местонахождение преступника невозможно установить;
- 3) у правонарушителя нет достаточных собственных средств для возмещения вреда потерпевшему.

Как известно, изучение зарубежного законодательства и особенностей его практического применения является ценным источником аналитической информации, которому отводится достойное место в любом серьезном исследовании на юридическую тему [8, с. 188]. По нашему мнению, для поиска возможных решений по улучшению состояния защищенности потерпевших в России необходимо обратиться к опыту зарубежных стран, в которых принцип государственной ответственности за защиту и восстановление прав жертв преступлений уже давно реализуется не только в законе, но и непосредственно на практике.

В ряде иностранных государств действенным средством обеспечения своевременной и максимально полной компенсации жертвам преступлений является деятельность специализированных фондов. Отметим, что впервые идея создания подобного рода учреждений на уровне научно обоснованной концепции была высказана еще представителем позитивной школы уголовного права Энрико Ферри. Государство, считал Ферри, обязано строго выполнять свою обязанность по возмещению вреда пострадавшим от преступных деяний. Для реализации этой обязанности в своей работе «Уголовная социология» (1883 г.) ученый предлагал организовать «штрафной фонд», который бы финансировался за счет отчислений от штрафов, налагаемых на осужденных, и чистой прибыли от работы преступников в местах лишения свободы. Эффективно выстроенная деятельность фонда, по мнению Ферри, значительно бы улучшила правовое положение потерпевших и членов их семей. Позднее, уже в 1926 г., английский пенитенциарный реформатор Марджери Фрай впервые в истории предложила программу компенсации преступного вреда за счет средств социального обеспечения и специализированных общественных фондов [4, с. 130].

Данные идеи нашли значительный отклик у законодателей на Западе. Результатом этого стало развитие широкой сети социальной помощи жертвам преступлений. Первыми странами, организовавшими компенсационные выплаты потерпевшим и членам их семей за счет средств государственного бюджета, стали Новая Зеландия (1963 г.) и Великобритания (1964 г.).

В настоящее время яркими примерами стран, создающих подобные фонды, являются Канада и Австралия.

В Канаде Федеральный фонд помощи потерпевшим осуществляет свою деятельность по 3 основным направлениям:

1) обеспечение прав потерпевших в ходе судебного разбирательства и в процессе исполнения наказания: оплата дороги к месту проведения слушания по уголовному делу, проживание потерпевшего, оплата услуг для потерпевших из числа коренного населения, пожилых, меньшинств и инвалидов, т. е. уязвимых групп населения;

2) финансирование государственных учреждений и неправительственных организаций путем предоставления грантов для целей поддержки инновационных проектов в области реализации прав потерпевших;

3) непосредственная финансовая помощь:

– потерпевшим и членам их семей;

– жертвам преступных посягательств, которые оказались в трудных жизненных обстоятельствах из-за совершенного преступления;

– гражданам Канады, которым был причинен преступный вред на территории иностранного государства, с целью покрытия расходов на возвращение на территорию Канады или поездку в страну, где было совершено преступление, для участия в судебном разбирательстве;

– потерпевшим и членам их семей на расходы, связанные с присутствием на слушаниях, предусмотренных ст. 745.6 УК Канады, в отношении права на досрочное освобождение, которое имеют лица, приговоренные к пожизненному тюремному заключению за совершение убийства.

Деятельность фонда строго контролируется Министерством юстиции Канады. Основным источником поступающих в фонд денежных средств, которые в дальнейшем идут на предоставление потерпевшим компенсационных выплат, является федеральный сбор для помощи потерпевшим, который был впервые предусмотрен нормами Уголовного кодекса Канады как вид дополнительного наказания в 1988 г. С 2013 г. минимальный размер сбора составляет 30 % от любого штрафа или наказания, выраженного в денежной сумме, налагаемого на лицо, признанное виновным в совершении преступления. По усмотрению судьи сумма взимаемого с преступника сбора может быть увеличена, если это соответствует обстоятельствам дела и финансовым возможностям виновного лица [2, с. 170–175].

Своеобразная система государственных органов, ответственных за своевременную и полную компенсацию потерпевшему, существует и в Австралии. Так, например, в штате Новый Южный Уэльс после принятия Закона «О правах и поддержке жертв» в 2013 г. был учрежден Фонд поддержки жертв, который по специфике своей деятельности и источникам финансирования схож с вышеописанным его аналогом в Канаде. Наряду с этим органом в Новом Южном Уэльсе в Министерстве юстиции также работает Департамент по вопросам жертв, который совместно с Фондом поддержки жертв осуществляет проведение специальной программы поддержки потерпевших (victims support scheme). В рамках этой программы потерпевшим предоставляется юридическая и консультативная помощь, оказывается материальная поддержка во внесудебном порядке. Общий объем денежных средств, выделяемых государством ежегодно для обеспечения компенсационных выплат жертвам преступлений, превышает 880 млн австрал. дол. (примерно 38,6 млрд руб.) [6, с. 163].

Согласно Закону «О правах и поддержке жертв», для финансирования программ и Фонда поддержки потерпевших в штате Новый Южный Уэльс со всех лиц, признанных судом виновными в совершении преступлений, взывается обязательный сбор в поддержку потерпевших (ст. 7). Сбор составляет от 69 (около 3 тыс. руб.) до 156 (около 6800 руб.) австрал. дол. и уплачивается сверх иных платежей, которые взыскиваются с виновного (ст. 106) [6, с. 268–269].

Указанный выше закон определяет, что потерпевшие и члены их семей имеют право на получение немедленной финансовой помощи на покрытие неотложных нужд, возникших в результате посягательства (расходы на смену места жительства, установка более надежных средств безопасности в доме, неотложное лечение). Общая сумма данного вида финансовой помощи не должна превышать 5 тыс. австрал. дол. (около 218 тыс. руб.).

Также потерпевшие и члены их семей имеют право обратиться за компенсацией понесенного экономического ущерба, общий размер которой не должен превышать 30 тыс. австрал. дол. (около 1,3 млн руб.). Под понесенным экономическим ущербом в данном случае следует понимать: транспортные расходы; медицинские расходы; текущие расходы (расходы на аренду жилья, уход за детьми и т. п.); расходы на покрытие ущерба, нанесенного личному имуществу, поврежденному в результате совершения преступления; расходы, связанные с участием потерпевшего в уголовном процессе, за исключением оплаты услуг адвоката; компенсацию недополученной заработной платы (ст. 39).

Закон «О правах и поддержке жертв» выделяет четыре категории компенсаций: А, В, С и D (ст. 35 и 36). К категории А относится компенсация, которая подлежит уплате в случае гибели потерпевшего. Ее сумма составляет: иждивенцам погибшего – 15 тыс. австрал. дол. (около 653 тыс. руб.), родителям и опекунам – 7,5 тыс. австрал. дол. (около 327 тыс. руб.). К категории В относится компенсация, уплачиваемая в случае совершения преступлений против половой свободы, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего (потерпевшей) или осуществленных с применением оружия, либо неоднократно, либо двумя и более лицами. Размер компенсации категории В составляет 10 тыс. австрал. дол. (около 436 тыс. руб.). К категории С относится компенсация, которая подлежит уплате в случае причинения тяжкого вреда здоровью, систематического нанесения побоев несовершеннолетнему, совершения преступлений против половой свободы, за которые не полагается выплата компенсации категории В, и покушения на совершение преступлений против половой свободы, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью. Размер компенсации категории С составляет 5 тыс. австрал. дол. (около 218 тыс. руб.). К категории D относится компенсация, уплачиваемая в случае совершения развратного поведения, покушения на совершение преступлений против половой свободы, совершения грабежа, разбоя, нападения и нанесения побоев без причинения вреда здоровью. Размер компенсации категории D составляет 1,5 тыс. австрал. дол. (около 65 тыс. руб.). После осуществления всех компенсационных выплат Министерство юстиции получает право на взыскание уплаченных денег с причинителя вреда в регрессном порядке [6, с. 265–267].

Что касается нашей страны, то мысль о необходимости создания фондов помощи потерпевшим была высказана еще в 2010 г. председателем Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкиным. По его мнению, для улучшения состояния защищенности потерпевших необходимо создать Национальный компенсационный фонд, финансируемый за счет конфискованных денежных средств, полученных преступным путем, взимаемых штрафов, реализации арестованного имущества должников, а также средств федерального бюджета*. Позднее, в 2012 г., Следственным комитетом совместно с членами Общественной палаты был разработан проект закона «О потерпевших от преступлений». Согласно документу, предполагалось, что выплачивать компенсационную выплату потерпевшим будет государство и им не придется ждать, когда возможность возмещения вреда появится у осужденного.

Однако, как отмечает К. А. Костенко, со времени разработки закона, имеющего несомненную значимость, прошло уже несколько лет, но вопрос о внесении законопроекта в Государственную Думу Российской Федерации до сих пор откладывается [5, с. 86].

* Бастрыкин А. И. Потерпевшим от преступников поможет Национальный компенсационный фонд. URL: <https://pravo.ru/news/view/43957/.html> (дата обращения: 26.08.2019).

Рассуждая об имеющихся проблемах в вопросе защиты прав потерпевших, нельзя не отметить большой вклад, вносимый в решение данной проблемы в нашей стране правозащитным движением «Сопrotивление», начавшим свою активную деятельность в 2005 г. В 2016 г. движение было переименовано в Фонд поддержки пострадавших от преступлений. Сегодня специалисты фонда ведут просветительскую работу, организуют ежегодно проводимые круглые столы по вопросам законодательных и социальных проблем защиты жертв преступлений, приуроченные к Международному дню поддержки жертв преступлений (22 февраля). Фондом оказывается юридическая и психологическая помощь потерпевшим. Специалисты фонда осуществляют сбор и обобщение информации о совершенных преступлениях и лицах, ставших жертвами преступных посягательств, а также принимают предложения по реформированию действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства в рамках проекта «Исправь уголовный закон» и выходят с собственными законодательскими инициативами к органам законодательной власти. Однако, как отмечают некоторые ученые, несмотря на большой перечень выполняемых задач и, несомненно, позитивную роль данной организации, ей не хватает государственного финансирования, которое бы позволило фонду осуществлять компенсационные выплаты потерпевшим [7, с. 137].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что опыт Канады и Австралии в создании специализированных фондов, занимающихся вопросами обеспечения своевременной и максимально полной компенсации потерпевшим, является весьма прогрессивным с точки зрения непосредственного выполнения государством обязанности по защите прав и законных интересов своего населения. Кроме того, считаем, что для решения сложившихся проблем в правоприменительной практике отечественному законодателю необходимо вернуться к рассмотрению несправедливо забытого проекта федерального закона «О потерпевших от преступлений» и с учетом современной российской правовой действительности использовать опыт иностранных коллег в реформировании собственной системы обеспечения поддержки жертв преступных посягательств.

Литература

1. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
2. Возмещение материального вреда потерпевшим: сравнительно-правовое исследование: науч.-практ. пособие / А. С. Автономов [и др.]; отв. ред. С. П. Кубанцев. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юрид. фирма «КОНТРАКТ», 2016.
3. Гужва О. В. К проблеме защиты прав потерпевшего при решении вопроса об отсрочке исполнения приговора в части гражданского иска // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. № 34–1.
4. Козацкая В. Э. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный преступлением: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011.
5. Костенко К. А. Условия реализации проекта федерального закона «О потерпевших от преступлений» // Уголовно-процессуальная защита потерпевшего и возмещение причиненного ему вреда: проблемы и пути их решения. Защита прав участников уголовного процесса: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 16 марта 2018 г. / под общ. ред. А. М. Багмета. М.: Моск. академия СК РФ, 2018.
6. Кубанцев С. П., Артемов В. Ю., Власов И. С. Правовая защита потерпевших в зарубежных странах: монография. М.: ИЗИСП, 2018.
7. Нгуен Ван Тиен. К вопросу о способах возмещения вреда, причиненного преступлением // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2.
8. Никитенко И. В. Уголовное право государства Израиль: аналитический обзор // Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 30–31 мая 2019 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2019.
9. Сулин А. В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

УДК 343.97

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С НАРУШЕНИЕМ УСТАНОВЛЕННОГО ЗАКОНОМ ПОРЯДКА ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Александр Павлович Сафронов, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: safr-alex90@mail.ru

Автор статьи обращается к теме расширения понимания коррупции и рассматривает частные вопросы ее проявления в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, исследует уголовно-правовые формы коррупции с использованием юридического лица на примере материалов уголовных дел, возбужденных по выявленным фактам коррупции при строительстве объектов космодрома «Восточный».

Ключевые слова: коррупция; коррупционная преступность; юридическое лицо; подставные лица; незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица; фирмы-однодневки.

CORRUPTION-RELATED CRIMES THAT VIOLATE THE LEGAL PROCEDURE FOR THE FORMATION AND FUNCTIONING OF LEGAL ENTITIES

Alexandr Pavlovich Safronov, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The author addresses the topic of enhancing understanding of corruption and considers particular issues of its manifestations in connection with entrepreneurial activities, explores the criminal law of corruption using a legal person on the example of materials of criminal cases on the revealed facts of corruption in the construction of the cosmodrome «East».

Keywords: corruption; corruption crime; legal entity; dummies; illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity; «fly-by-night» company.

При осознании феномена коррупции следует учитывать, что его научно-юридическое понимание имеет некоторое отличие от тех смысловых значений, которыми наделяется это понятие в обиходе.

Так, под коррупцией в общеупотребительном смысле, по словарю С. И. Ожегова, понимается «моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами».

В России впервые термин «коррупция» был введен в правовой понятийный оборот А. Я. Эстриным в работе «Взяточничество» (1913 г., Санкт-Петербургский университет). Автор дал следующее определение: «Коррупция – подкупаемость и продажность государственных чиновников, должностных лиц, а также общественных и политических деятелей вообще» [цит. по: 2, с. 8].

Особую актуальность проблема коррупции в России на рубеже XX–XXI вв. получила вследствие масштаба ее распространения и многообразия проявления в социуме, криминализации общественных и правовых институтов в результате трансформации общественно-государственного устройства страны и перехода от плановой экономики к рыночной, кризиса морально-этических и нравственных ценностей граждан и общества в целом, проявления

такой негативной концепции существования, как гипертрофированное гедонистическое начало (патологически повышенное, примитивное стремление к удовольствиям), материально ориентированного, корыстного взгляда на жизнь. В результате в индивидуальном и общественном сознании рассматриваемый феномен стал как нечто привычное, исторически сложившееся и незыблемое.

Вопрос о сущности коррупции можно отнести к числу дискуссионных. В доктрине криминологической и уголовно-правовой науки, исходя из объема трактовки понятия «коррупция», выделяют несколько точек зрения на рассматриваемое явление.

Так, В. В. Лунеев пишет о том, что правовой ясности и точности в определении коррупции нет. Это скорее синтетическое социальное или криминологическое понятие, чем правовое, поэтому его надо рассматривать не как конкретный состав преступления, а как совокупность родственных видов деяний [5, с. 380–381], как криминализованных, так и не криминализованных (по разным причинам) в нашей стране, но признанных преступными в мировой практике [7, с. 101].

А. И. Долгова определяет коррупцию как явление подкупа-продажности, когда один субъект, занимающий определенное служебное положение, наделенный некоторыми полномочиями, подкупается другим субъектом ради того, чтобы соответствующее служебное положение и полномочия были использованы в интересах подкупающей стороны [4, с. 708].

Обобщая трактовки понятия коррупции в доктрине российского уголовного права и криминологии, их условно можно разделить на две группы:

1) признающие коррупцией разные преступные деяния, объединенные общими видовыми признаками (Ю. М. Антонян, Б. В. Волженкин, Л. Д. Гаухман, П. А. Кабанов, А. И. Кирпичников, В. В. Лунеев, С. В. Максимов, И. В. Никитенко, В. С. Овчинский и другие авторы);

2) считающие коррупцией различные виды подкупа (А. С. Горелик, А. И. Долгова, Н. Ф. Кузнецова, Н. А. Лопашенко и другие авторы) [3, с. 6].

Придерживаясь позиции первой группы ученых, учитывая вариативность форм проявления коррупции и многоаспектность данного социального явления, важно уделить внимание законодательному толкованию указанного феномена. Российский законодатель к коррупционным относит деяния, которые совершаются умышленно в ущерб общественным и государственным интересам в ходе служебной деятельности в корыстных целях, а также различные формы хищения либо присвоения, совершенные лицом, являющимся органом управления юридического лица или выступающим от его имени, в силу служебного положения.

Расширение понимания коррупции на законодательном уровне произошло в силу ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г., и применения положений этого документа в правовом поле России.

В соответствии с Указанием Генпрокуратуры России и МВД России от 27 декабря 2017 г. к преступлениям коррупционной направленности относятся деяния, направленные на незаконное образование (создание и реорганизацию) юридического лица [1].

После принятия Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 419-ФЗ в уголовном законе нашли свое отражение правовые нормы, направленные на защиту установленного порядка образования юридических лиц. В УК РФ введены ст. 173.1, предусматривающая ответственность за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица (далее – незаконное образование юридического лица), и ст. 173.2, предусматривающая ответственность за незаконное использование документов для образования юридического лица.

По замыслу законодателя данные уголовно-правовые нормы направлены на борьбу с так называемыми фирмами-однодневками, опасность деятельности которых заключается в дестабилизации отношений в экономической сфере, сокрытии налогооблагаемых баз, выводе из-под

должного контроля финансовых потоков, легализации денежных средств и использовании их для совершения других преступлений, в том числе и коррупционных.

Какие же преступные деяния с использованием юридического лица можно признать коррупционными?

Квинтэссенцией отнесения преступления к коррупционному является ущерб государственным и общественным интересам. Ограничение коррупционных преступлений от иных преступлений диктуется приоритетом интересов частного характера над национальными интересами. Критериями разграничения являются «коррупционный» мотив и цель совершения преступления.

Ярким примером целого ряда коррупционных преступлений является строительство космодрома «Восточный». С самого начала деятельности по постройке объектов космодрома происходило масштабное хищение бюджетных средств. Новости о различного рода коррупционных скандалах появлялись в СМИ с определенной регулярностью. В ходе расхищения бюджета на госконтрактах был причинен существенный ущерб интересам страны, сорваны сроки сдачи стратегического объекта. Многие рабочие оказались в ситуации, когда после окончания вахты на стройке им не выплачивалась положенная зарплата, соответственно люди оставались без средств к существованию, что, как следствие, приводило к социальным недовольствам – голодовкам и забастовкам рабочих.

Генеральная прокуратура России выявила при строительстве космодрома «Восточный» с 2014 г. 17 тыс. нарушений закона, более 1000 человек привлечены к ответственности, в том числе должностные лица. Прокуратура осуществила свыше 14 тыс. мер прокурорского реагирования, в том числе направлялись иски в суд, – установленный ущерб составил 10 млрд руб.*

В качестве одного из примеров масштабных хищений при строительстве космодрома «Восточный» приведем решение по уголовному делу, возбужденному Следственным комитетом РФ по фактам хищения 1,3 млрд руб. К уголовной ответственности привлечены владелец компании «ВИП-Стройинжиниринг» Сергей Дегтярев и топ-менеджеры компании Евгения Дегтярева, Александр Базанков и Мурат Матуев. Из почти 2 млрд руб., выделенных на строительство, предприниматели использовали по целевому назначению чуть более 500 млн. Остальными деньгами менеджеры распорядились в корыстных интересах.

В Следственном комитете России отметили, что к декабрю 2017 г. по уголовным делам, возбужденным после проверок строительства космодрома, осуждено уже 13 человек. Деньги расхищались почти открыто. Часто деньги списывались подрядчиками «Спецстрою» фирмам-однодневкам, где не было ни стройтехники, ни рабочих**.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в ходе заседания 18 марта 2019 г. определила: приговор Симоновского районного суда г. Москвы от 15 февраля 2018 г. в отношении Дегтярева С. В., Дегтяревой Е. С., Матуева М. И., Базанкова А. Б. изменить, переqualифицировать действия осужденных с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 7 ст. 159 УК РФ.

Из показаний свидетелей по уголовному делу следует, что все финансовые операции, связанные с договорами займов, предоставленных физическим и юридическим лицам, включались в реестр платежей сотрудниками финансового отдела общества только по указанию Дегтяревой Е. С. Созданные фигурантами уголовного дела общества с ограниченной ответственностью – это юридические лица, подконтрольные Дегтяревой Е. С. и Дегтяреву С. В., генеральными директорами данных обществ являлись сотрудники обществ с ограниченной ответственностью либо знакомые и родственники Дегтяревой Е. С. и Дегтярева С. В. Цели расходования денежных средств определялись Дегтяревым С. В. Все договоры субподрядов

* Генпрокуратура выявила 17 тыс. нарушений при строительстве Восточного с 2014 года // ТАСС URL: <https://tass.ru/proisshestviya/5812759> (дата обращения: 19.10.2019).

** Космос «доили» по-семейному: оглашен приговор по хищениям на космодроме «Восточный» // Комсомольская правда URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26797/3832785/> (дата обращения: 19.10.2019).

между определенными обществами с ограниченной ответственностью являлись формальным основанием для перечисления авансов, поступивших на счета юридических лиц, в «нужном направлении», т. е. другим подконтрольным Дегтяреву С. В. обществам, нуждавшимся в денежных средствах. При этом в платежных документах указывались в качестве оснований перечисления денежных средств номера и даты договоров, которых фактически еще не существовало. Договоры субподрядов подготавливались по указанию Дегтярева С. В. после поступления требований от банков о предоставлении документов, послуживших основанием платежа. Затем договоры подписывались руководителями организаций прошедшим числом.

Необходимо отметить, что вопрос о квалификации действий фигурантов как организаторов незаконного образования юридических лиц не ставился ни при рассмотрении дела в суде первой инстанции, ни при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции.

Хотя, как представляется, вышеуказанное уголовное дело является показательным примером использования юридического лица в преступной коррупционной схеме, направленной на личное обогащение. Подконтрольные юридические лица, обладающие признаками фирмы-однодневки, создавались для реализации преступного умысла и являлись способом сокрытия хищений.

Совокупность преступлений, совершенных с использованием юридических лиц при строительстве космодрома, условно можно разделить на следующие группы:

1. Преступления, совершаемые лицом, являющимся органом управления юридического лица, осуществляющего реальную финансово-экономическую деятельность, получившего государственный контракт с явно завышенной стоимостью выполнения работ, что приводит к возможности хищения «излишков» денежных средств. Часть полученных денег при этом расходуется на так называемый «откат» государственным служащим. Важную роль в этом случае играет коррупционный nepotизм.

2. Преступления, совершаемые с использованием подконтрольного юридического лица, осуществляющего реальную коммерческую деятельность в минимальном объеме для создания видимости законной и добросовестной деятельности. При этом большая часть денежных средств перераспределяется и обналичивается через физических лиц либо другие коммерческие и некоммерческие структуры. Заключаются мнимые сделки на выполнение работ, оказание услуг между организацией, получившей бюджетные средства, и сторонней организацией, обязательства по которым фактически не исполняются. Для таких операций как раз и используются фирмы-однодневки, т. е. юридические лица, не осуществляющие реальной финансово-хозяйственной деятельности и зарегистрированные на подставных лиц, созданные в целях усложнения процедуры финансового и налогового контроля. В данном случае мы говорим о юридических лицах, имеющих отдельные признаки реальной компании. Подставное лицо является номинальным владельцем фирмы и может регулярно получать небольшую зарплату от реальных владельцев, но цель управления юридическим лицом отсутствует.

3. Преступления, совершаемые с использованием подконтрольного юридического лица, созданные для облегчения налоговой нагрузки, уклонения от уплаты налогов, снижения сумм налоговых и обязательных платежей и т. п. Отличительным признаком самой фирмы является продолжительный период использования и реальность внешней (офис, сотрудники).

В целях противодействия криминализации экономики и защиты интересов общества и государства приоритетной должна стать борьба с коррупцией, т. к. коррупция оказывает исключительно вредное влияние на экономику, подрывает эффективность всех видов правительственных решений и программ, наносит ущерб состоянию морали в обществе, расшатывает доверие граждан к правительству, подрывает авторитет власти, разрушает принцип справедливости и беспристрастного правосудия [6, с. 364]. Коррупция, как метастаз лишает систему управления государством возможностей для реализации общенациональных целей

и интересов, экономического развития, несмотря на имеющийся научно-технический потенциал, ресурсы и выделяемые средства.

Литература

1. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры РФ и МВД России от 27 декабря 2017 г. № 870/11/1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Астанин В. В. Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI–XX вв. (криминологическое исследование): дис. . . . канд. юрид. наук. М., 2001.
3. Егорова Н. А. Уголовная ответственность за коррупционные преступления (сравнительный анализ Конвенции Совета Европы 1999 г. и уголовного законодательства России): учеб. пособие. Волгоград: Перемена, 2003.
4. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005.
5. Криминология: учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004.
6. Криминология – XX век / В. Н. Бурлаков [и др.]; под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000.
7. Лунеев В. В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Государство и право. 2000. № 4.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.72:343.983.25

ВОЗМОЖНОСТИ ОНЛАЙН-СЕМИНАРОВ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ (ОБЗОР)

Николай Григорьевич Шурухнов, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Николай Евгеньевич Мерецкий, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: matros49@mail.ru

ugpd@rambler.ru

В статье освещены вопросы, входившие в предмет обсуждения на онлайн-семинаре, проведенном в Академии управления МВД России: предупреждение хищений и мошенничеств, совершенных с использованием информационных банковских технологий.

Ключевые слова: Академия управления МВД России; онлайн-семинар; хищения; мошенничество; банковская сфера; IT-технологии.

OPPORTUNITIES FOR ONLINE SEMINARS TO IMPROVE THE EFFECTIVENESS OF THE FIGHT AGAINST CRIME IN THE FIELD OF HIGH TECHNOLOGY (OVERVIEW)

Nikolay Gregoryevich Shurukhnov, chief researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor;

Nikolay Evgenyevich Meretskiy, professor of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation

The article highlights the issues that were the subject of discussion at the online seminar held at the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia: prevention of theft and fraud committed using information banking technologies.

Keywords: Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia; online seminar; plunders; frauds; bank sphere; IT technologies.

В Академии управления МВД России сложилась традиция проведения онлайн-семинаров по вопросам борьбы с преступностью в сфере высоких технологий с общим названием «Противодействие преступности в условиях развития информационного общества». Семинар интересен не только профильным практикам, но и тем, кто имеет опосредованное отношение к противодействию правонарушениям, совершаемым с использованием компьютерной техники, ведет преподавание.

Так, 21 ноября 2019 г. на семинаре прозвучали доклады:

- профессора кафедры управления органами расследования Академии управления МВД России доктора юридических наук Ю. В. Гаврилина – «Актуальные направления противодействия преступлениям с использованием информационно-телекоммуникационных систем»;
- руководителей направления Управления противодействия кибермошенничеству Департамента кибербезопасности Сбербанка И. А. Воробьева и Д. Д. Савенковой – «Антифрод в кредитно-финансовой организации»;
- ведущего эксперта Центра киберзащиты Департамента кибербезопасности Сбербанка Е. В. Костенко – «Деанонимизация: технические аспекты и практики, инструментарий»;
- заместителя начальника отдела ГУУР МВД России В. О. Парамонова – «Методическое обеспечение раскрытия дистанционных хищений».

Следует специально отметить, что на семинаре были представлены и вызвали неподдельный интерес (высказывались пожелания переслать в отдельные регионы) методические рекомендации «Основы раскрытия и расследования мошеннических действий, совершенных с использованием средств сотовой связи и сети Интернет», подготовленные сотрудниками УУР УМВД по Тамбовской области А. П. Козодаевым и И. В. Мериновым.

Принятие руководством Академии управления МВД России решения о проведении таких мероприятий обусловлено следующими факторами:

- ростом и периодическими изменениями способов совершения и сокрытия преступлений, совершаемых с использованием компьютерных устройств;
- выполнением приоритетных задач, поставленных министром внутренних дел Российской Федерации перед органами внутренних дел по выявлению, раскрытию и расследованию хищений, совершенных с использованием информационных банковских технологий;
- потребностями практических органов и образовательных организаций в получении знаний о криминалистически значимых, передовых, апробированных средствах, приемах и методах противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТ-технологий [2, с. 90–96];
- ролью образовательных организаций системы МВД России в выстраивании эффективной системы выявления, раскрытия и расследования хищений и мошенничеств, совершенных с использованием информационных банковских технологий;
- возможностями охвата онлайн-семинаром большого количества руководящих работников и сотрудников МВД России*.

Открывая семинар, Ю. В. Гаврилин сделал акцент на повсеместном распространении преступных деяний с использованием банковских карт, сети Интернет, средств мобильной связи и компьютерной техники, на особенностях выявления, раскрытия и расследования хищений, совершенных с использованием информационных банковских технологий. Затронул

* По данным организаторов, в мероприятии 21 ноября 2019 г. принимали участие около 500 руководителей и сотрудников заинтересованных подразделений центрального аппарата МВД России, ГУ МВД России по г. Москве и Московской области, слушатели и адъюнкты Академии управления МВД России, представители иных образовательных и научных организаций г. Москвы, присутствующих в актовом зале. Общая численность аудитории – свыше 1500 человек с учетом участия по видеоконференцсвязи территориальных органов МВД России на региональном уровне.

отдельные вопросы уголовного*, уголовно-процессуального законодательства, организации работы подразделений органов внутренних дел, непосредственно ответственных за это направление деятельности. Отметил, что эффективная борьба с указанными преступлениями невозможна без четко налаженного взаимодействия между подразделениями правоохранительных органов, банками, платежными системами, операторами связи, интернет-провайдерами. В докладе подчеркивается, что переход к цифровой экономике стимулирует инновационные финансовые технологии, в том числе и путем их внедрения в банковский сектор. Наиболее активно данные тренды применяются в платежах и переводах, потребительском кредитовании, управлении капиталом. Одобренные Банком России «Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов» предусматривают развитие технологий искусственного интеллекта (ТИИ)** и машинного обучения, использование больших данных, мобильных технологий и технологий распределенного реестра в сферах контроля над финансовыми организациями, оказания финансовых услуг (в том числе удаленно), осуществления быстрых платежей, регистрации финансовых сделок.

Оборотной стороной этого процесса является не прекращающийся на протяжении ряда лет рост преступлений в данной сфере. Сегодня около 80 % преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, – это преступления против собственности, подавляющее большинство из них – мошенничества и кражи с использованием банковских карт, систем дистанционного банковского обслуживания, платежных систем. За 9 месяцев 2019 г. зарегистрировано около 95 тыс. фактов мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ)***. По-прежнему немалая часть так называемых дистанционных мошенничеств совершается лицами, отбывающими наказания в местах лишения свободы.

Раскрываемость преступлений, совершенных с использованием ИТТ, повысилась на 51,6 % и превысила 27 %, что в 2,5 раза выше, чем в 2017 г. Наиболее успешно (рост более чем в 2 раза), судя по статистике ГИАЦ МВД России, раскрываются преступления, совершенные с использованием или применением расчетных (пластиковых) карт и фиктивных электронных платежей.

В докладе обращено внимание на решение коллегии МВД России (от 1 ноября 2019 г.) о создании в структуре министерства подразделений, которые будут специализироваться на противодействии преступлениям, совершаемым с использованием ИТ-технологий. В качестве знакового события был отмечен Указ Президента России «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»****. В указе искусственный интеллект определен как комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее определенного алгоритма) и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. Технологии искусственного интеллекта уже сегодня активно применяются в целях прогнозирования рисков при выполнении бизнес-процессов. В частности, внедренные в банковскую сферу ан-

* Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» введены дополнительные составы: «Кража с банковского счета, а равно электронных денежных средств» и «Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств».

** Во время выступления была сделана ссылка на состоявшийся 8–9 ноября 2019 г. в Москве крупнейший форум Восточной Европы по искусственному интеллекту, на котором Президентом РФ был поднят вопрос о социальных аспектах и последствиях использования искусственного интеллекта и о необходимости подготовки этических правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом.

*** Это на 40 % превышает показатели аналогичного периода прошлого года.

**** О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тифрод-системы, предназначенные для блокировки сомнительных транзакций, представляют собой пример использования технологий ИИ в сфере финансовой безопасности.

Крупным событием в противодействии хищению денежных средств стало принятие Федерального закона от 27 июня 2018 г. № 167-ФЗ*, обязывающего финансовые организации реализовывать мероприятия по противодействию переводам денежных средств без согласия клиента. В частности, при выявлении операции, соответствующей признакам перевода денежных средств без согласия клиента, банк обязан до осуществления списания денежных средств с банковского счета клиента на срок не более двух рабочих дней приостановить исполнение распоряжения о совершении такой операции. Данный закон стал основанием внедрения систем «ФинЦЕРТ» и «ФидАнтифрод», которые являются предметом последующих выступлений.

Доклад руководителей направления Управления противодействия кибермошенничеству Департамента кибербезопасности Сбербанка И. А. Воробьева и Д. Д. Савенковой («Антифрод в кредитно-финансовой организации») был посвящен угрозам и противодействию кибермошенничеству.

К распространенным способам хищений денежных средств с использованием информационных банковских технологий они отнесли:

1. Социальную инженерию – телефонные переговоры, в процессе которых клиент вводится в заблуждение по поводу «возникшей» жизненной ситуации (например, ДТП с участием родственника, привлечение к уголовной ответственности близкого человека). Разрешая ее, он сам: а) переводит денежные средства мошенникам; б) информирует о данных карты; в) сообщает сведения для входа в интернет-банк.

2. Вирусное заражение мобильного устройства клиента преимущественно на платформе Android (через переход по ссылке в SMS/e-mail-сообщении, полученном из неизвестного источника, при скачивании приложения из неофициальных магазинов). После заражения вирус может действовать следующим образом:

а) при попытке клиента открыть с мобильного устройства сайт банка вирус перенаправляет клиента на специальный сайт-ловушку, имитирующий маркетинговый опрос Банка России. На данном сайте клиента под предлогом исследования удобства услуг Сбербанка просят ввести свой логин личного кабинета Сбербанк-онлайн. В дальнейшем вирус самостоятельно от имени клиента получает и пересылает злоумышленникам SMS-пароли для входа и подтверждения мошеннических операций в Сбербанк-онлайн;

б) вирус самостоятельно от имени клиента направляет запросы в банк на проведение финансовых операций (управляет услугой «Мобильный банк»);

в) вирус самостоятельно от имени клиента формирует многочисленные запросы в банк нефинансового характера (DDOS-атаки). При этом все SMS-сообщения от имени банка вирус скрывает от клиента.

3. Фишинг** – распространение вирусных программ через различные интернет-ресурсы (от социальных сетей до обычных новостных сайтов). Клиент, компьютер которого заражен, при попытке войти в личный кабинет перенаправляется на фишинговые сайты, которые внешне практически не отличаются от подлинного сайта банка. Страница входа зависает, клиент перезванивает по телефону, который указан на сайте. Ему объясняют, что произошел сбой и совершены попытки списания денег с карты. В это время злоумышленники заходят от имени клиента в Сбербанк-онлайн на подлинном сайте и совершают переводы с карт/вкладов клиента. Направляемые клиенту SMS-пароли запрашивают под предлогом отмены соответствующей операции.

* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств: федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 167-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

** Фишинг – разновидность интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам и паролям.

4. Кражу карты или устройства – мошенники обманным путем получают карту или устройство клиента для вывода средств.

5. Подмену SIM-карты – в офисе операторов сотовой связи мошенническим путем меняется SIM-карта клиента, регистрируется в Сбербанк-онлайн/мобильном приложении, и проводятся несанкционированные операции с клиентских вкладов/карт.

6. Скимминг – установка в банкомат специального считывающего устройства, с помощью которого получают информацию с магнитной полосы и pin-код.

7. Поддельные документы – использование поддельного паспорта, доверенности для получения доступа в интернет-банк или вывода средств.

8. Преднамеренные действия сотрудника – вывод денежных средств клиента, подключение «мобильного банка» к другому номеру телефона.

Докладчики проинформировали слушателей о том, что внедренные в банковскую сферу антифрод-системы на основе искусственного интеллекта в сфере финансовой безопасности предназначены для блокировки сомнительных транзакций, направленных на реализацию перечисленных способов хищения денежных средств. Охарактеризовали два основных направления противодействия распространению хищений денежных средств с использованием информационных банковских технологий: 1) организационно-правовое (совершенствование законодательной базы, взаимодействие с правоохранительными органами, доработка банковских процессов); 2) развитие технических средств фрод-мониторинга (совершенствование алгоритмов выявления мошенничества, применение методов машинного обучения и моделирования). Первое направление они отнесли к основному, второе – к дополнительному (материально затратному), решение которого предполагает использование больших данных* Big Data («Большие данные»**) банка и требует определенных вычислительных мощностей и интеллектуальных ресурсов.

Докладчики раскрыли основные признаки подозрительной транзакции в системе фрод-мониторинга:

1) нетипичное поведение клиента: а) большая сумма операции; б) нехарактерные покупки или переводы; в) переводы незнакомым людям, находящимся в других регионах; г) пополнения новых телефонов, кошельков;

2) изменение технических характеристик: а) смена устройства входа в интернет-банк; б) новые IP-адреса, не характерные для региона клиента; в) подключение новых телефонных номеров к интернет-банку клиента; г) звонки в Call-центр с новых номеров; д) смена SIM-карты клиента.

Привели конкретную ситуацию кросс-канального мошенничества и срабатывания системы фрод-мониторинга. Так, используя методы социальной инженерии, мошенники вывели у клиента номер карты, данные для входа в мобильное приложение, зарегистрировали на своем смартфоне приложение «Сбербанк-онлайн», вошли в систему и сделали попытку перевода. Но система фрод-мониторинга отклонила операцию, признав ее мошеннической. Тогда мошенники решили подтвердить операцию, позвонив в банк, но и тут сработал фрод-мониторинг: сотрудник колл-центра уже знал, что звонок поступает не от настоящего клиента. Параллельно в карточном канале на стороннем сайте также осуществляется попытка списания денежных средств с карты, но и тут сработало правило фрод-мониторинга. Таким образом, была нейтрализована сложная, осуществленная в трех каналах обслуживания, атака на клиента банка.

* Речь идет об обработке большого количества данных о конкретном явлении (предмете), что позволяет точнее постигать суть и дает возможность прогнозировать будущее. В правоохранительной деятельности обработка больших данных позволяет установить развитие определенного направления противоправной деятельности и принять определенные сдерживающие (предупредительные) меры.

** О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 (пп. «к», «р» п. 4).

Какие признаки увидела система? Главным образом, это сопоставление профиля клиента (характер его поведения/геопозиции в истории) и текущей операции при наличии вновь зарегистрированного устройства.

Система фрод-мониторинга осуществляет мониторинг и блокирует фишинговые сайты, с помощью которых выманиваются данные у клиента. Рассматриваемая система предназначена отслеживать противоправную деятельность против банка: речь идет об изготовлении подделок, вбрасывании их в банкоматы с зачислением на карты дроперов* для последующего снятия настоящих купюр.

Докладчики заострили внимание слушателей на отдельных источниках криминалистически значимой информации:

I. *Операторы связи* могут представить сведения: 1) о детализации SMS-сообщений, входящих/исходящих звонков пострадавшего; 2) о движении, списании средств с телефона, получателях платежа; 3) об установочных данных по телефонам получателя платежа – привязаны ли к телефону какие-либо дополнительные данные (e-mail, телефон, социальные сети); 4) о детализации SMS-сообщений, входящих/исходящих звонков злоумышленника; 5) о телефонах, на которые отправлялись SMS по фрод-рассылкам (для дальнейшего поиска потерпевших клиентов); 6) о данных геолокации; 7) о фактах замены SIM-карты, об основаниях замены, о копии доверенности (проверка на подлинность осуществляется через нотариат, при подделке – проверка лица по специальным учетам МВД России); 8) об использовании других SIM-карт в устройстве с этим IMEI, их номерах телефонов.

II. *Интернет-провайдеры* могут информировать о журналах соединения: 1) Интернет с электронного устройства клиента; 2) Интернет с IP-адреса.

III. *Электронные кошельки*, содержащие: 1) установочные данные; 2) направления движения средств, сведения о списанных средствах, получателях платежа; 3) информацию о привязанности к кошельку каких-либо дополнительных данных (e-mail, телефон, социальные сети).

Ведущий эксперт Центра киберзащиты Департамента кибербезопасности Сбербанка Е. В. Костенко в своем докладе «Деанонимизация: технические аспекты и практики, инструментарий» остановился на характеристике совокупности действий, совершаемых лицом или автоматизированной системой, направленных на установление реальной личности пользователя и параметрах его устройств, позволяющих произвести деанонимизацию. Представил характеристики виртуального субъекта** (логин, почта, аватар, учеба, служба, геодата, фотографии, социальные связи: ohota-ribalka.com.ua, odnoklassniki.ru, vk.com) и анонимизированного субъекта*** (логин, почта, аватар, социальные связи: prohackers.com). Обозначил технические основы, а также остановился на характеристике цифровых следов реального и виртуального субъектов, виртуальных серверов, веб-серверов, провайдеров, VPN, Tor, устройств выхода в сеть, виртуального и реального компьютеров.

Доклад заместителя начальника отдела ГУУР МВД России В. О. Парамонова был посвящен содержанию методического обеспечения раскрытия дистанционных хищений, в которое он включил:

1. Приказ МВД России от 3 апреля 2018 г. № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений», который

* Дроп-сервисы – специализированные интернет-сайты, представляющие услуги по получению товаров на физических лиц («дропов», «мулов»), покупке этих товаров за процент от их стоимости. На таких сайтах имеются прайс-листы с перечнем интересующих владельцев сервиса товаров и указанием размера денежных средств (процента от их реальной стоимости), выплачиваемых лицу.

** Виртуальный субъект – совокупность данных, характеризующих пользователя и представляющих его в Интернете (логин, аватар, почтовый адрес, подпись на форуме) и используемых в повседневной жизни.

*** Анонимизированный субъект – замаскированная виртуальная сущность, используемая для создания анонимности. Анонимизация – совокупность действий, направленных на сокрытие личности пользователя путем маскировки или подмены характеристик пользователя и его устройств.

направлен на исключение затягивания сроков рассмотрения сообщений и принятия необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

2. Информационное письмо «О положительном опыте взаимодействия территориальных органов МВД России с операторами мобильной связи, подразделениями ФСИН России, а также об опыте создания межведомственных временных следственно-оперативных групп по противодействию мошенничеству с использованием средств мобильной связи, технического решения вопроса о блокировке (глушении) звонков мобильной связи с территории исправительных учреждений» (исх. от 29 мая 2018 г. № 6/4–4795).

3. Информационное письмо «Об опыте правоохранительных органов иностранных государств в области борьбы с мошенничеством, совершенным с использованием информационных технологий» (исх. от 4 июля 2018 г. № 6/4–5949).

4. Обзор «Мошенничество, совершенное с использованием информационных и телекоммуникационных технологий: предупреждение и квалификация» (исх. от 22 февраля 2019 г. № 6/4–1777).

5. Аналитический материал с предложениями по вопросу «Проблемы непредставления или несвоевременного представления организациями, предприятиями, объединениями запрашиваемой органами внутренних дел информации» (исх. от 18 марта 2019 г. № 6/4–2614).

6. «Алгоритм действий сотрудников дежурных частей, оперативных подразделений, участковых уполномоченных полиции, следователей и дознавателей при получении заявлений (сообщений) о дистанционном мошенничестве и мошенничестве, совершенном в общественных местах и жилом секторе» (ВНИИ МВД России, 2018 г.) и др.

В ходе обсуждения докладов были выявлены обстоятельства, препятствующие эффективной борьбе с хищениями, совершаемыми с использованием ИТТ, в частности:

- сохранение возможности обходить идентификацию личности при обращении к интернет-ресурсам путем использования программных технологий VPN, TOR, SSL, позволяющих менять IP-адрес пользователя сети Интернет, создавать динамические или нераспознаваемые IP-адреса, а также применять технологии «подменных» абонентских номеров посредством SIP-телефонии;

- использование в противоправных целях технологий шифрования данных, что препятствует установлению IP-адресов пользователей, отслеживанию их сетевой активности и установлению личности;

- недостатки информационного взаимодействия подразделений органов внутренних дел с кредитно-финансовыми организациями при получении сведений о лицах, совершивших платежные операции;

- неисполнение интернет-провайдерами и операторами связи обязанностей по хранению передаваемых абонентами голосовой информации, изображений, звуков, видео и иных сообщений в течение 6 месяцев;

- отсутствие правового механизма ареста виртуальных активов в целях их конфискации и др.

При этом отмечено, что при непосредственном участии МВД России подготовлен ряд законодательных и правотворческих инициатив [1, с. 62–63], направленных на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационно-коммуникационных технологий, а именно:

- о наделении Банка России правом досудебной либо внесудебной блокировки фишинговых сайтов и мошеннических колл-центров;

- сокращении сроков предоставления правоохранительным органам запрашиваемой информации до 10 рабочих дней;

– регулировании оборота цифровых финансовых активов, которым предусмотрен основанный на стандартах ФАТФ механизм регулирования оборота криптовалюты, направленный на снижение привлекательности ее использования в противоправных целях;

– запрете операторам связи осуществлять пропуск голосового трафика из сети передачи данных в телефонную сеть связи общего пользования без получения информации об абонентском номере или идентификаторе пользователя;

– внесении изменений в ст. 26 Закона «О банках и банковской деятельности» по наделянию наряду со следователями также и дознавателей правом получения в кредитных организациях и у операторов платежных систем сведений об операциях, о вкладах и счетах физических лиц, об операциях и счетах юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, без соответствующего решения суда;

– взаимодействию профильных подразделений МВД России с Верховным Судом Российской Федерации по внесению изменений в постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в целях выработки единых подходов к практике применения норм уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за хищения с применением ТИИ;

– введении во всех регионах страны (до 1 апреля 2020 г.) в эксплуатацию подсистемы «Дистанционное мошенничество» в составе интегрированного банка данных коллективного пользования федерального уровня. Данная подсистема будет содержать сведения об используемых в противоправных целях абонентских номерах, о сетевых адресах (персональных страницах и аккаунтах в различных социальных сетях), доменных именах сайтов, об идентификаторах оконечного оборудования, о банковских картах, об идентификаторах в платежных системах.

По мнению главного модератора онлайн-семинара, заслуживают поддержки инициативы, требующие дополнительной проработки, обеспечивающие возможность:

– блокировки номеров телефонов, с использованием которых осуществлялись мошеннические действия и информация о которых помещена в вводимый в эксплуатацию модуль «Дистанционное мошенничество»;

– блокирования доступа к сайтам интернет-пирамид (хайп-проектов);

– установки технического оборудования направленного действия для подавления радиоволн сотовой связи («блокираторов») в местах отбывания наказания;

– ограничения использования интернет-сервисов, препятствующих осуществлению идентификации пользователей сети Интернет, и предоставления МВД России полномочия по инициированию их блокировки во внесудебном порядке.

Литература

1. Гаврилин Ю. В. Направления повышения эффективности расследования преступлений, совершенных с использованием информационных банковских технологий // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика (современные проблемы досудебного производства: уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные аспекты): сб. мат-лов V всерос. науч.-практ. конф. Рязань, 6 декабря 2019 г. Рязань, 2019.
2. Шурухнов Н. Г., Мерецкий Н. Е., Жердев П. А. Роль криминалистических данных о механизме функционирования криптовалюты в выявлении и раскрытии преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 1 (46).

УДК 343.982.354

О РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ МЕТОДОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕРОЯТНОГО РОСТА ЧЕЛОВЕКА ПО СЛЕДАМ НОГ

Николай Валерьянович Максимов, доцент кафедры Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, кандидат юридических наук

E-mail: mnik3@mail.ru

В статье проводится сравнительный анализ существующих на сегодняшний день методов определения роста человека по следам ног. Каждый из рассмотренных методов существенно отличается один от другого как по форме зависимости между длинами стоп и коэффициентами их отношения с ростом, так и по значениям данных коэффициентов. При этом, имеющиеся на сегодняшний день способы расчета роста человека по следам ног имеют хотя бы один, а то и несколько недостатков, на которые в статье обращено внимание. Указывается, что для дальнейших исследований при определении вероятного роста человека по длине стопы необходимо учитывать такие факторы, как пол человека, его возраст, телосложение и место проживания, существенно влияющие на соотношение роста и длины стопы.

Ключевые слова: следы ног, обуви; стопа человека; способы определения роста; коэффициенты соотношения длины стопы; недостатки расчетов.

ABOUT EFFICIENCY OF METHODS OF DETERMINATION OF PROBABLE GROWTH OF THE PERSON ON FOOTPRINTS STUDIED ON A COURSE OF CRIMINALISTICS

Nikolay Valeryanovich Maksimov, department associate professor of the I. N. Ulianov Chuvash State University, *kandidat nauk*, degree in Law

The article presents a comparative analysis of the existing methods of determining human growth by footprints. Each of the methods considered by us differs significantly from each other both in the form of the dependence between the lengths of the feet and the coefficients of their relationship with growth, and the values of these coefficients. At the same time, the currently available methods of calculating human growth by footprints have at least one, if not several disadvantages, which the article draws attention to. Indicates that further research in determining the likely growth in length stops it is necessary to consider factors such as gender, age, body type and place of residence significantly affect the ratio of height and length of the foot.

Keywords: footprints, footwear; human foot; methods of determining the growth; ratios of the length of the foot; the disadvantages of the calculations.

На рубеже XX–XXI вв. в отечественной криминалистической науке отмечается повышенный интерес к следам ног. Защищаются диссертации [8; 11], выпускаются учебные пособия [10; 16], публикуются научные статьи [2; 6], в которых в той или иной мере затрагиваются вопросы использования данных следов в раскрытии и расследовании преступлений, в том числе для определения по ним вероятного роста человека. Вместе с тем появляются и новые способы определения роста по параметрам стопы человека. Как показал проведенный нами анализ криминалистической литературы, специалистам-криминалистам сегодня рекомендуют использовать следующие методы:

1) расчет роста, исходя из общепринятого в антропометрии среднего соотношения длины стопы и роста человека $1/7$ [13, с. 93]:

$$P = A_{\text{ст}} \times 7, \text{ где } P - \text{рост человека; } A_{\text{ст}} - \text{длина стопы;}$$

2) формула, предложенная французским ученым Анри де Парвилем [13, с. 91]:

$$P = \frac{8,6}{30} \left(\frac{T}{2} + 0,05 \right) \text{ где } P - \text{длина ступни, } T - \text{рост;}$$

3) формула, основанная на индексе Анри де Парвиля [13, с. 91]:

$$P = A_{\text{ст}} \times 6,876;$$

4) способ А. Бертильона [9, с. 71]:

Длина следа от обутной ноги, мм	Коэффициент, на который надо умножить длину следа
До 219	7,170
От 220 до 229	6,840
230–239	6,610
240–249	6,505
250–259	6,407
260–269	6,328
270–279	6,254
280–289	6,120
290–299	6,080

5) формула, предложенная чешскими криминалистами по следам стопы [12]:

$$V = 3,1 \times Dn + 4 \times Sn + 53, \text{ где } V - \text{рост, } Dn - \text{длина стопы, } Sn - \text{ширина стопы;}$$

6) формула чешских криминалистов для следа обуви [17]:

$$V = 3,1D + 4S + 44,$$

где V – рост, D – длина подошвы обуви, S – ширина подошвы обуви;

7) формулы, основанные на уравнениях Х. Х. Лиокумовича в зависимости от пола [13, с. 92]:

$$P_{\text{муж}} = \frac{D_{\text{ст}} - 29}{0,14} \text{ и } P_{\text{жен}} = \frac{D_{\text{ст}} - 22}{0,14};$$

8) формулы, основанные на коэффициентах Х. Х. Лиокумовича – средних процентных отношениях длины стопы с ростом: для мужчин – 15,8%, для женщин – 15,5% [4, с. 121]:

$$P_{\text{муж}} = \frac{D_{\text{ст}} \times 100}{15,8} \text{ и } P_{\text{жен}} = \frac{D_{\text{ст}} \times 100}{15,5};$$

9) формулы, предложенные в учебном пособии А. Н. Басалаева и В. А. Гуняева [1, с. 10]:

$$P_{\text{муж}} = A_{\text{ст}} \times 6,4 \text{ и } P_{\text{жен}} = A_{\text{ст}} \times 6,54;$$

10) способ Ш. Н. Хазиева [15, с. 111]:

Длина стопы, см	Предположительный рост оставившего следы человека, см	
	мужчины	женщины
23	153–157	165–170
24	158–162	171–175
25	163–167	176–178
26	168–171	179–182
27	172–175	183–186
28	176–180	187–192
29	181–185	193–196
30	186–190	–

11) табличный вариант А. В. Тимофеевой [14, с. 79]:

Длина топы, см	Ширина стопы, см							
	8,5	9	9,5	10	10,5	11	11,5	12
22	155	150						
22,5	159	156						
23		161	156					
23,5		166	162					
24		169	167	163				
24,5		173	173	170				
25		176	176	173	170			
25,5			177	176	171			
26			178	178	174			
26,5				179	177	173		
27				180	180	175		
27,5						178	175	
28						181	176	
28,5						183	179	
29							182	178

12) вариант, предлагаемый разведчикам и пограничникам [12]:

Длина следа босой ноги	Коэффициент, на который надо умножить длину следа
До 23 см	7
От 24 до 27 см	6,5
От 28 см и более	6

Для выявления наиболее эффективного способа определения роста человека по следам ног, мы сравнили различные способы между собой. Для этого привели все методы к общему значению, в качестве которого выбрали простые числовые отношения роста к длине стопы от 220 до 290 мм (исходят из расчетных формул и таблиц и могут быть выражены соответствующими коэффициентами). Величина и тенденция изменчивости полученных значений показывают, каким образом тот или иной метод расчета отражает антропометрическую зависимость между ростом и длиной стопы человека. Для наглядности и сравнения их между собой свели полученные результаты в одну общую таблицу.

Сравнение методов определения роста человека между собой

№ п/п	Метод расчета	Диапазон изменения коэффициентов отношения роста к длине стопы (от 220 до 290 мм)	Форма зависимости между длинами стоп и коэффициентами
1.	$P = D_{ст} \times 7$	7,00	Постоянная
2.	$P = \frac{8,6}{30} \left(\frac{T}{2} + 0,05 \right)$	6,97629–6,97640	Изменяющаяся, прямая
3.	$P = D_{ст} \times 6,876$	6,876	Постоянная
4.	Таблица А. Бертильона	6,84–6,08 (по отношению к Доб)	Изменяющаяся, обратная
5.	$V = 3,1D_n + 4S_n + 53$	6,99–6,40	Изменяющаяся, обратная
6.	$V = 3,1D + 4S + 44$	6,57–6,10 (по отношению к Доб)	Изменяющаяся, обратная
7.	Для мужчин $D = 0,14P + 29$ Для женщин $D = 0,14P + 22$	Мужчины: 6,20–6,43 Женщины: 6,43–6,60	Изменяющаяся, прямая
8.	$P_{муж} = \frac{D_{ст} \times 100}{15,8}$ и $P_{жен} = \frac{D_{ст} \times 100}{15,5}$	Мужчины: 6,33 Женщины: 6,45	Постоянная
9.	$P_{муж} = D_{ст} \times 6,4$ и $P_{жен} = D_{ст} \times 6,54$	Мужчины: 6,40 Женщины: 6,54	Постоянная
10.	Таблица Ш. Н. Хазиева	Мужчины: 6,65–6,24 Женщины: 7,17–6,65	Изменяющаяся, обратная
11.	Таблица А. В. Тимофеевой	6,81–6,13	Изменяющаяся, обратная
12.	Способ разведчиков, пограничников и следопытов	7,0–6,0	Изменяющаяся, обратная

Как видно из таблицы, представленные в современных учебных пособиях по курсу криминалистики методы получения вероятного роста человека по следам ног значительно различаются между собой. Анализ полученных результатов приводит нас к следующим выводам:

1. Способы 1, 3, 8 и 9 предлагают получать искомое значение роста человека путем умножения длины стопы на усредненный неизменный коэффициент. Однако, если учесть, что у людей с различным ростом и отношение роста к длине стопы разное [5, с. 13–20], то применение постоянных значений приведет к большой погрешности.

2. Способы 2, 7 предлагают использовать коэффициенты, которые с увеличением длины стопы тоже увеличиваются, т. е. зависимость является прямой. Применение изменяющихся коэффициентов, как мы считаем, является наиболее правильным подходом к решению данной проблемы. Однако, как показали наши исследования [7], прямая зависимость не отражает объективной реальности соотношения роста и стопы, и их применение также ведет к ошибкам.

3. Способы 4, 5, 6, 10, 11 и 12 основаны на убывающих коэффициентах. Данная зависимость роста и длины стопы отражает реальную действительность и подтверждается как нашими исследованиями, так и исследованиями других ученых [3, с. 40–50]. Однако, как показано ниже, и они не лишены некоторых недостатков.

4. Разделение по половому признаку предлагается в способах 7, 8, 9 и 10. Такой подход отражает важную антропометрическую закономерность, и ее необходимо учитывать, однако полученные соотношения роста к длине стопы значительно отличаются, что дает нам повод отказаться и от них.

5. В способах 4 и 6 расчеты принципиально отличаются от других методом построения. В них рост высчитывается в зависимости от длины следа подошвы обуви. Эффективность таких способов вызывает обоснованное сомнение. Сегодня обувь производят разных фасонов и видов, у которых либо каблучная часть часто выпирает назад, либо носочная часть сильно заужена – для подтверждения данного суждения нет необходимости в проведении дополнительного исследования, достаточно выйти на улицу и посмотреть, в какой обуви ходят люди. Различная по сезонности или модели обувь одного и того же человека при подсчете данными способами приведет к противоречивым показаниям роста.

6. В способах 5 и 11 рост рассчитывается с учетом не только длины стопы, но и ее ширины. Если учесть, что между шириной стопы и ее длиной существует определенная зависимость, то неточность проведенных замеров еще одного показателя приведет к неминуемым ошибкам.

7. Способы 4, 10 и 12 отличаются от других расчетными методами и основываются на коэффициентах отношения роста к длине стопы, предназначенных не для каждого отдельного значения длины стопы, а для определенной группы. Предложенные способы обладают внутренней противоречивостью и приводят к нелогичности полученных результатов при подсчете роста на границах групп значений. Например, по таблице А. Бертильона след обуви длиной 249 мм следует умножить на коэффициент 6,505, а след длиной 250 мм – на 6,407. Результат вычисления говорит сам за себя: следу обуви длиной 249 мм соответствует рост 161,9 см, а следу длиной 250 мм – 160 см, что противоречит общей антропометрической закономерности: с увеличением длины стопы рост увеличивается. Исходя из этого, мы считаем, что коэффициенты должны быть выведены для конкретной длины следа.

Таким образом, проведенный анализ современных методов подсчета вероятного роста человека по следам ног показал, что они разнятся по получаемым результатам, формой зависимости между длинами стоп и коэффициентами. Считаем, что главными недостатками в исследованных методах являются, прежде всего, неверно подобранные методы расчета и недостаточная определенность антропометрической зависимости между длиной стопы и ростом человека. К тому же, как показали наши исследования [7], на соотношение длины стопы и роста влияют различные факторы, которые в проанализированных способах не учитываются.

К таким факторам относятся пол человека, ориентировочный возраст, приблизительное место проживания (город или деревня) и телосложение (худощавое, среднее, полное).

Таким образом, ни один из рекомендуемых в учебных пособиях по криминалистике методов определения роста человека не приемлем для использования, необходимы новые исследования, учитывающие закономерности отношения длины стопы к росту, ведь от их правильного установления в итоге зависит эффективность установления роста по следам ног.

Литература

1. Басалаев А. Н., Гуняев В. А. Следы ног человека. Л.: Ротапринт Ин-та усоверш. следств. работников при Прокуратуре СССР, 1985.
2. Грановский Г. Л., Хазиев Ш. Н., Толстухина Т. В., Курапка В. Э. О трасологической диагностике свойств человека по следам его действий // Экспертная техника. 1989. Вып. 130.
3. Иванов В. Ю., Скотников Д. К., Чулахов В. Н. О малой эффективности способов расчета примерного роста человека по следам ног // Судебная экспертиза. 2008. № 2 (14).
4. Ищенко Е. П., Егоров Н. Н. Криминалистика для следователей и дознавателей: науч.-практ. пособие / под общ. ред. А. В. Аничина. М.: Инфра-М, 2009.
5. Максимов Н. В. Анализ результативности современных способов определения роста человека по следам ног // *Oeconomia et Jus*. 2017. № 4.
6. Максимов Н. В. Исторический анализ способов определения роста человека по следам ног // *Эксперт-криминалист*. 2016. № 4.
7. Максимов Н. В. Теоретические и методические основы криминалистической диагностики роста человека по следам ног: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
8. Малыгина Н. И. Криминалистические методы и средства установления лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.
9. Осмотр места происшествия: практ. пособие / под ред. В. М. Логвина. 2-изд., испр. и доп. М.: Юрлитинформ, 2013.
10. Особенности исследования некоторых объектов традиционной криминалистической экспертизы: учеб. пособие / под ред. В. А. Снеткова. М.: ЭКЦ МВД России, 1993.
11. Поврезнюк Г. И. Теория и практика криминалистического установления личности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
12. Тарас А. Е., Заруцкий Ф. Д. Подготовка разведчика: система спецназа ГРУ. М.: Харвест, 1998.
13. Тараскаев С. А. Криминалистическое исследование следов босых ног человека: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
14. Тимофеева А. В. Криминалистическое моделирование неизвестного преступника по признакам и свойствам, отображаемым в следах преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.
15. Трасология: справ. криминалиста. Т. 1. Гомеоскопия / авт.-сост. Г. Н. Степанов, А. И. Бронников. Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 1997.
16. Хазиев Ш. Н. Техничко-криминалистические методы установления признаков неизвестного преступника по его следам: учеб. пособие. М.: Академия МВД СССР, 1986.
17. Zdenek Titlbach. Synziti nekterych kriminalistyko-antropometryckych vydkumú k pátrám po pachateli. *Iuridica*, 1979. № 3–4. P. 240.

УДК 343.98

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ

Александр Константинович Щербаченко, доцент кафедры Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: shcherbachenko.61@mail.ru

В статье рассмотрены теоретические и прикладные вопросы первоначального этапа расследования мошенничеств, совершенных группой лиц. Применительно к вопросам формирования базовой методики раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, на основе ее принципов и структурной организации затронуты проблемы исходной информации, особенности версионной работы, типичные ошибки и криминалистические риски, типовые исходные ситуации, характерные источники информации, тактика следственных действий и вопросы применения специальных знаний.

Ключевые слова: криминалистика; способ преступления; типовая ситуация; мошенничество; группа лиц.

INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF FRAUDS COMMITTED BY A GROUP OF PERSONS: THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH ISSUES

Alexandr Konstantinovich Scherbachenko, department associate professor of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article considers theoretical and practical issues the initial stage of investigation of frauds committed by group of persons. relating to the formation of the basic methods of detection and investigation of fraud committed by group of persons on the basis of its principles and structural organization affected by issues of initial information, especially versioned work, typical mistakes and forensic risks, the model of the initial situation typical of the sources of information, tactics of investigative actions and the application of special knowledge.

Keywords: criminalistics; method of crime; typical situation; fraud; group of persons.

В последние 3–5 лет количество регистрируемых мошенничеств, совершенных группой лиц, остается на высоком уровне. Как правило, все участники группы, совершающие хищения путем мошенничества, не устанавливаются либо привлекаются заранее подготовленные «субъекты» преступления для обвинительного приговора, которые активно содействуют раскрытию и расследованию преступлений, или участвуют в псевдокомпромиссных процедурах, либо участники привлекаются спустя продолжительное время. Указанное влияет на то, что участники группы, совершающие мошенничества, систематически оттачивают свои приемы и способы преступной деятельности.

Кроме указанных обстоятельств, отсутствие базовой методики раскрытия, расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, как наиболее оптимальной формы современных разработок, также негативно влияет на качество научного обеспечения борьбы с данным видом преступной деятельности.

Итак, неочевидность, групповой характер совершения, латентность, активное противодействие, появление новых способов мошенничеств, совершенных группой лиц, серьезно осложняют правоприменительную деятельность в области раскрытия, расследования и предупреждения данного вида преступлений.

Базовая методика раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, основывается на ряде специальных принципов:

- принцип единства подходов и направлений к раскрытию и расследованию мошенничеств, совершенных группой лиц;
- принцип критериальности (базовая частная методика раскрытия и расследования мошенничеств должна основываться как на уголовно-правовых, так и собственно криминалистических признаках);
- принцип детерминированности закономерностями групповой деятельности при совершении мошенничеств и особенности их проявления;
- принцип централизованной соподчинённости элементов криминалистической характеристики (способ, время, место, следы преступления и т. д.) группы, совершившей мошенничество;
- принцип системной укрупненности рекомендаций по раскрытию и расследованию мошенничеств, совершенных группой лиц, а также их криминалистической профилактике;
- принцип непрерывной криминалистической превенции мошенничеств, совершенных группой лиц.

Периодизация расследования влияет на качество получаемых криминалистических рекомендаций. Так, М. В. Кардашевская пишет, что «периодизация расследования призвана в первую очередь расставить акценты на тех задачах, которые являются приоритетными для того или иного этапа расследования. Эти приоритетные задачи указаны в УПК РФ:

- 1) сбор достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ст. 140 УПК РФ), – такая задача решается на этапе проверки сообщения о преступлении;
- 2) сбор достаточных доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления (ст. 171 УПК РФ), – данная задача решается на первоначальном этапе;
- 3) сбор доказательств, достаточных для принятия решения об окончании предварительного следствия (ст. 212, 215 УПК РФ) или дознания (ст. 225 УПК РФ), – данная задача решается на последующем этапе;
- 4) подведение итогов предварительного следствия (гл. 30 УПК РФ) или дознания (ст. 225 УПК РФ) – данная задача решается на завершающем этапе расследования» [5, с. 8].

Значение первоначального этапа расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, априорно. Следует иметь в виду, что периодизация базовой методики, как и другие познавательные приемы, подчинена определенным философским законам. В этом смысле мы поддерживаем точку зрения ученых, которые считают, что «становление и формирование криминалистической методики как раздела криминалистики олицетворяет реализацию общепризнанных законов диалектики, среди которых прежде всего обращает на себя внимание закон отрицания отрицания» [3, с. 17], при этом формирование отдельных методик расследования с учетом философских законов и науковедческих приемов должно быть подчинено определенной цели и соответствующим задачам.

Конечно же, цели и задачи первоначального этапа расследования в рамках разрабатываемой нами базовой методики и методики расследования отдельных видов преступлений имеют как схожие, так и отличительные черты. Например, применительно к мошенничеству в сфере кредитования Е. А. Ерахтина определила цель первоначального этапа «как установление следов возможного преступления и создание информационной основы для выдвижения версий. Задачами данного этапа являются: 1) установление исходной ситуации события преступления; 2) проверка достоверности первичных сведений; 3) фиксация сведений и следов преступления» [4, с. 77].

Таким образом, имеется теоретико-ориентированная необходимость разработки базовой методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных

группой лиц, посредством решения следующих задач, обуславливающих ее дальнейшее структурное содержание и развитие:

1. Сформировать концепцию методико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц:

1.1. Исследовать мошенничества, совершенные группой лиц, как объект криминалистического познания.

1.2. Классифицировать мошенничества, совершенные группой лиц, на основе предмета криминалистики.

1.3. Представить обзор зарубежной практики раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, и оценить возможности их адаптации к российским реалиям правоприменения.

2. Разработать криминалистическую характеристику мошенничеств, совершенных группой лиц:

2.1. Рассмотреть группу, совершившую мошенничество, как системообразующий элемент криминалистической характеристики.

2.2. Изучить свойства личности участников преступных групп, совершивших мошенничество.

2.3. Раскрыть связь «группа, совершившая мошенничество, – способ преступления».

2.4. Исследовать объект и последствия мошенничеств, совершенных группой лиц.

3. Проанализировать особенности ситуационного подхода в познании мошенничеств, совершенных группой лиц, и процессов их раскрытия, расследования и предупреждения.

4. Представить специфику построения и проверки версий при раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств, совершенных группой лиц.

5. Раскрыть основные направления и особенности тактики следственных действий и тактических операций при расследовании отдельных видов мошенничеств, совершенных группой лиц.

6. Исследовать особенности криминалистической превенции мошенничеств, совершенных группой лиц.

7. Систематизировать вопросы повышения эффективности использования специальных знаний при раскрытии и расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц.

8. Разработать рекомендации по взаимодействию следователя и оперативных работников при раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств, совершенных группой лиц.

Раскрытие и расследование мошенничеств, совершенных группой лиц, зависит от различных факторов, которые влияют на содержание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий первоначального этапа расследования.

Первоначальный этап расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, играет главенствующую роль в формировании базовой частной методики раскрытия и расследования данной совокупности преступлений.

Отправной точкой в построении эффективных комплексов на первоначальном этапе раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, является источник информации о совершенном или скрываемом преступлении, а также ее содержание.

При построении версий и анализе исходной следственной ситуации следует учитывать ряд элементов, выступающих детерминантами мошеннической преступной деятельности, совершенной группой лиц:

1) особенности группы;

2) характеристика способа совершения преступления;

3) ситуационность.

Исходной информацией о мошенничестве, совершенном группой лиц, выступают:

1) заявление физических лиц или представителей юридических лиц;

- физическое лицо, потерпевшее от хищения путем мошенничества;
- руководители банков, коммерческих организаций, работники службы безопасности;
- руководители других учреждений и организаций;
- иные;

2) рапорт об обнаружении признаков мошенничества, совершенного группой лиц.

Процесс раскрытия и расследования мошенничества, совершенного группой лиц, связан с закономерным переходом вероятных знаний о событии преступления и его последствиях – к достоверным. Подобный переход невозможен без четкой и отлаженной версионной работы и последующей планомерной проверки. Проверка события, имеющего признаки мошенничества, связана не только с предположением о виде мошенничества, но и с тем, что оно совершено группой лиц. Невыдвижение версий о том, что мошенничество совершено группой лиц, приводит к ряду типичных ошибок и криминалистических рисков [7]. Приведем некоторые из них:

1) типичные ошибки:

- необнаружение следов, свидетельствующих о групповом характере мошенничества;
- отсутствие полных и всесторонних объяснений и показаний как свидетелей, так и потерпевших;
- отсутствие мер по преодолению противодействия;
- увеличение сроков предварительного расследования;
- невыполнение задач криминалистики и, как следствие, уголовного и уголовно-процессуального законодательства;

2) криминалистические риски:

- невыявление всех участников и эпизодов преступной деятельности; потеря криминалистически значимой информации для раскрытия, расследования и предупреждения таких преступлений;
- сложности в создании благоприятных и бесконфликтных следственных ситуаций;
- отсутствие эффективного применения специальных знаний в раскрытии, расследовании и предупреждении таких преступлений;
- отсутствие системности в работе следователя, а также недостатки взаимодействия с другими субъектами при раскрытии, расследовании и предупреждении таких преступлений;
- неэффективная профилактическая деятельность следователя.

Ситуационный подход в расследовании групповых преступлений одним из первых успешно реализовал В. М. Быков, который указывал на две типичные ситуации. «Первая – когда основные факты групповых преступлений устанавливаются в ходе оперативно-розыскных мероприятий, а вторая – когда у следователя имеются лишь данные, дающие основания предполагать, что преступление совершено группой лиц» [6, с. 431].

В целях недопущения типичных ошибок и криминалистических рисков рассмотрим типовые исходные следственные ситуации как одно из условий построения базовой методики раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц:

- 1) группа мошенников задержана на месте преступления или непосредственно после его совершения;
- 2) задержаны наиболее активные участники группы, совершившие мошенничества;
- 3) задержан один участник, однако криминалистически значимая информация свидетельствует о совершении мошенничества группой лиц;
- 4) участники группы не известны, однако информации о групповом характере мошенничества достаточно;
- 5) виновные не задержаны, имеется лишь ориентирующая информация о совершении мошенничества группой лиц;
- 6) информация о совершении мошенничества группой лиц отсутствует;

7) имеется противоречивая информация о наличии либо отсутствии признаков мошенничества.

На наш взгляд, данные типовые исходные ситуации выступают основой для построения и осуществления версионной работы субъектов предварительного расследования.

Для формирования базовой методики раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, большое значение имеет закономерная связь «способ мошенничества, осуществленного группой лиц, – типовые следы». Такая связь позволяет с учетом ситуационного моделирования оптимизировать процессы построения и проверки версий и алгоритмизации раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц. В первую очередь указанное относится к первоначальному этапу расследования и неотложным следственным действиям.

Анализ типовых ошибок и криминалистических рисков свидетельствует не только о необходимости выдвижения версий, но и о неотложной их проверке в рамках соответствующих следственных действий.

По мнению О. В. Айвазовой, «при наличии качеств высокой динамичности следственной ситуации, недопустимости переноса момента процессуального реагирования или поручения его иным лицам без вреда для установления любого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания, дознаватель или следователь должен быть наделен правом не только производить неотложные следственные действия, но и изначально возбуждать уголовное дело по признакам преступления, не входящего в его предметную, территориальную или персональную подследственность. Если отсутствуют указанные качества, формирующие безотлагательность следственной ситуации, и достаточно мероприятий по закреплению следов преступления в рамках ч. 1 ст. 144 УПК РФ с последующей передачей сообщения о преступлении и прилагаемых материалов по подследственности, то возбуждение уголовного дела не требуется» [1, с. 205–208]. Безотлагательность следственной ситуации выражается в необходимости обнаружения, фиксации, изъятия и сохранения следов мошенничеств, совершенных группой лиц, в условиях первоначального этапа их расследования.

Любое мошенничество, совершенное группой лиц, оставляет изменения в объективной действительности. Такие процессы возникновения материальных и идеальных следов носят устойчиво повторяющийся характер, то есть являются закономерностями предметного определения криминалистики. А. И. Анапольская отмечает, что «процесс расследования мошенничеств с электронными счетами подчиняется целенаправленной деятельности по выявлению и закреплению криминалистически значимой информации» [2, с. 133–139].

Раскрытие и расследование мошенничеств, совершенных группой лиц, а в ряде случаев и их предупреждение, предполагают познание таких закономерностей применительно как к элементам состава преступления и его квалификации, к предмету доказывания, так и к иным компонентам криминалистически значимой и ориентирующей информации.

Для мошенничеств, совершенных группой лиц, в таком аспекте имеют значение следующие источники, несущие на себе изменения материального и интеллектуального характера: потерпевший от мошенничества, документы, компьютерная техника и технологии, средства мобильной связи, иные объекты.

Особенности тактики первоначальных следственных и иных действий зависят от обозначенных нами исходных ситуаций и идентификационных и диагностических характеристик источников и объектов, свидетельствующих о мошенничестве, совершенном группой лиц. При этом отметим один из важнейших моментов раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, – обязательное использование специальных знаний. На наш взгляд, грамотное сочетание специальных знаний и неотложных следственных действий позволяет раскрыть и расследовать мошенничество, совершенное группой лиц, в оптимально сжатые сроки.

Итак, подводя итог, сделаем следующие выводы.

Раскрытие и расследование мошенничеств, совершенных группой лиц, зависят от различных факторов, которые влияют на содержание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий первоначального этапа расследования. Отправной точкой в построении эффективных комплексов раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, является источник информации о совершенном или скрываемом преступлении, а также ее содержание.

Процесс раскрытия и расследования мошенничества, совершенного группой лиц, связан с закономерным переходом вероятных знаний о событии преступления и его последствиях – к достоверным. Подобный переход невозможен без четкой и отлаженной версионной работы и последующей планомерной проверки. Отсутствие и невыдвижение версий о том, что мошенничество совершено группой лиц, приводит к ряду типичных ошибок и криминалистических рисков.

Основу базовой методики раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, составляют знания:

- о группе мошенников как основного информационного компонента исходной следственной ситуации;
- наличии связи между способом мошенничества, совершенного группой лиц, и следами как основы для направления в поиске и построении версий;
- об особенностях тактики следственных действий.

Как представляется, имеется необходимость уточнения и разработки криминалистических систем знаний, основанных на изучении как закономерностей механизмов мошенничеств, совершенных группой лиц, так и закономерностей их раскрытия, расследования и предупреждения на основе методов укрупнения и классификации в рамках базовой методики, особенно применительно к первоначальному этапу расследования.

Литература

1. Айвазова О. В. Неотложные следственные действия: теоретико-прикладной подход // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432.
2. Анапольская А. И. Типичные следственные ситуации и версии первоначального этапа расследования мошенничеств с электронными счетами // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 8 (148).
3. Варданыан А. В., Айвазова О. В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2.
4. Ерахтина Е. А. Основные этапы методики расследования мошенничества в сфере кредитования // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2015. № 2.
5. Кардашевская М. В., Шипилова Е. С. Этапы процесса расследования и их характеристика // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2–3.
6. Криминалистика: учебник / под ред. Р. С. Белкина, В. П. Лаврова, И. М. Лузгина. М., 1989.
7. Расследование мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта / А. В. Варданыан [и др.]: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирского ин-та МВД России, 2018.

УДК 343.98

СОБИРАНИЕ ИСХОДНЫХ ДАННЫХ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ТРАНСПОРТНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Николай Николаевич Ильин, заведующий кафедрой Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук

E-mail: nick703@yandex.ru

При изучении экспертных заключений транспортно-технических судебных экспертиз (авиационно-технических, автотехнических, водно-технических, железнодорожно-технических) нами было установлено, что при их назначении следователи направляют в распоряжение экспертов материалы уголовного дела, в которых имеются сведения, имеющие отношение к транспортному происшествию. К их числу относятся исходные данные, собранные и зафиксированные в ходе осмотра места происшествия. В связи с этим автором в настоящей статье рассмотрены некоторые вопросы собирания исходных данных в ходе осмотра места происшествия для последующего назначения транспортно-технической судебной экспертизы.

Ключевые слова: исходные данные; осмотр места происшествия; следователь; специалист; транспортно-техническая судебная экспертиза.

COLLECTING OF BASIC DATA DURING INSPECTION OF THE SCENE AT PURPOSE OF TRANSPORT AND TECHNICAL JUDICIAL EXAMINATION

Nikolay Nikolaevich Ilyin, head of the Department of the Moscow Academy of Investigative Committee of the Russian Federation, *kandidat nauk*, degree in Law

When studying expert opinions of transport and technical judicial examinations (aerotechnical, autotechnical, water and technical, railway and technical) us it was established that at their appointment investigators send to the order of experts the criminal case file in which there are data concerning transport incident. The basic data collected and recorded during inspection of the scene belong to their number. In this regard the author in the present article considered some questions of collecting of basic data during inspection of the scene for the subsequent purpose of transport and technical judicial examination.

Keywords: basic data; inspection of the scene; investigator; expert; transport and technical judicial examination.

Довольно часто практика (следственная, судебная и экспертная) определяет развитие теоретических знаний в судебной экспертизе. Анализ и обобщение современной следственной и экспертной практики показывают, что, несмотря на отсутствие отдельных (родов) видов судебных экспертиз в специальных перечнях, разработанных в государственных экспертных учреждениях, нередко их результаты успешно используются при раскрытии и расследовании преступлений. Потребности органов следствия часто требуют поиска более совершенных форм применения специальных знаний.

Как отмечает П. А. Жердев, «чем богаче арсенал методов, которые используют следователи, прокуроры, эксперты, другие участники судопроизводства, тем увереннее и качественнее они способны выполнять свои обязанности. Чем выше умения и навыки использо-

вания существующих методов у следователей, тем полнее они способны выявлять, пресекать и предотвращать преступные посягательства, устранять обстоятельства, способствовавшие их совершению, тем всестороннее, полнее и объективнее они способны познавать обстоятельства преступления, раскрывать его, собирать доказательства и доказывать виновность конкретного лица» [8, с. 147].

Транспортно-технические судебные экспертизы являются одним из методов установления обстоятельств при раскрытии и расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта либо совершения определенных транспортных происшествий. Отсутствие методологических, а также недостаточная проработанность теоретических и прикладных основ по производству транспортно-технических судебных экспертиз не только негативно влияют на развитие данного направления в деятельности правоохранительных органов, но и заставляют следователей и суд часто ставить перед экспертами вопросы юридического характера (например, о соответствии действий лица, управляющего транспортным средством (пилота, судоводителя, машиниста), требованиям конкретных нормативно-правовых актов). В дальнейшем это может привести к необоснованным отказам в возбуждении уголовных дел, поверхностному расследованию и в итоге – к необоснованным приговорам.

Одной из особенностей производства транспортно-технических судебных экспертиз является то, что их результаты целиком и полностью зависят от представленных следователем и судом исходных данных, наличие которых, как справедливо пишет А. М. Зинин, позволяет эксперту составить обоснованное заключение [9, с. 202]. Данное требование нашло свое отражение в существующих методиках по производству автотехнических судебных экспертиз [17, с. 4].

Под исходными данными следует понимать совокупность научных, технических, опытных и справочных сведений об обстоятельствах транспортного происшествия и свойствах объектов экспертизы, содержащихся в постановлении (определении) о назначении экспертизы и (или) в представленных материалах дела, использующихся экспертом при проведении исследования и даче заключения.

К исходным данным следует относить:

- 1) общую характеристику транспортного происшествия;
- 2) сведения о пути сообщения (тип, состояние, размерные характеристики), о различных видах технических сооружений и устройств на них, обеспечивающих пропуск (движение) транспортных средств, перемещение людей и грузов различного назначения из одного пункта в другой;
- 3) сведения об объектах транспортной инфраструктуры;
- 4) сведения о погодных и метеорологических условиях;
- 5) сведения о транспортном средстве (исходные производственно-технические характеристики, а также производственно-технические характеристики, установленные на момент совершения транспортного происшествия);
- 6) сведения о лице, управляющем транспортным средством;
- 7) сведения о других участниках транспортного происшествия (пешеходе, пассажире и т. д.).

Вместе с тем эксперт не вправе оценивать правильность исходных данных, поскольку они устанавливаются в ходе следственных действий: осмотров, допросов, экспериментов. Если в процессе дальнейшего расследования или судебного разбирательства выясняется, что сообщенные эксперту исходные данные неверны, то его заключение будет признано недостоверным [9, с. 202–203].

К моменту назначения транспортно-технической судебной экспертизы в уголовном деле должны быть:

– окончательный отчет по результатам расследования авиационного происшествия (представляемый комиссией по расследованию авиационных происшествий МАК) или заключение служебного расследования о причинах транспортного происшествия (представляемое территориальным органом Ространснадзора);

– протокол осмотра места происшествия с прилагаемыми фототаблицей (видеограммой) и планом-схемой;

– протоколы допросов лиц, в которых содержатся показания об их причастности как-либо к транспортному происшествию;

– протокол следственного эксперимента с результатами установленных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (например, проверка видимости из кабины машиниста электропоезда пешехода, находящегося на железнодорожных путях).

Все перечисленные документы отражают результаты выявленных материальных следов, характеризующих элементы механизма транспортного происшествия, являются исходными данными для транспортно-технической судебной экспертизы, позволяют определить ее действительную необходимость, а также перечень вопросов, которые следует сформулировать перед экспертом.

Вместе с тем, как верно подмечено А. С. Виниченко и А. Р. Кузьминым в отношении автотехнической судебной экспертизы, неточность или неоднозначность, допущенные следователем или судом при ее назначении, способны повлиять на достоверность вывода эксперта, а отсутствие хотя бы одного из элементов исходных данных может привести к невозможности решения поставленных вопросов [4, с. 23].

Получение определенных доказательств является не только самостоятельным элементом доказывания по уголовным делам в целом, но и может служить дополнительным источником информации для проведения других процессуальных действий. По нашему мнению, собирание исходных данных в ходе следственных действий по делам о транспортных происшествиях является своего рода подготовительным этапом при назначении транспортно-технических судебных экспертиз. От того, насколько качественно будет проделана эта работа, будут зависеть результаты самих экспертных исследований.

Наиболее важным, а часто сложным, трудоемким и продолжительным следственным действием на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспорта является осмотр места происшествия, который во многих случаях является единственным источником получения доказательственной информации. Пробелы, допущенные в ходе осмотра места происшествия, могут быть невосполнимы.

Основная задача следователя при осмотре места крушения, аварии транспорта заключается в наиболее грамотной, полной и качественной фиксации обстановки происшествия. Однако, как пишет Г. И. Сафонов, следователи допускают немало ошибок при сборе исходных данных, в частности, в ходе следственного осмотра при расследовании дорожно-транспортных происшествий [14, с. 44].

Производство данного следственного действия, в рамках которого собирается криминалистически значимая информация для последующего назначения судебной автотехнической экспертизы, исследовано во многих научных трудах [5; 7; 10; 12; 16]. Поэтому в настоящей статье более подробно будут рассматриваться особенности следственного осмотра других видов транспортных происшествий.

Осмотр места происшествия по делам о нарушениях правил безопасности движения и эксплуатации транспорта является первоначальным следственным действием, общие положения которого довольно детально описаны в специальной литературе [см., например, 2; 11, с. 2–7]. Эффективность данного следственного действия во многом зависит от его правильной организации. Как верно отмечает профессор А. Ф. Волынский, организация любого вида

деятельности имеет ключевое значение в обеспечении ее результативности и эффективности, а взаимодействие между участниками такой деятельности является основой организации раскрытия и расследования преступлений [6, с. 112–115].

Для того, чтобы качественно провести осмотр места происшествия по делам о транспортных происшествиях, необходимо сформировать расширенную следственную группу с включением в нее нескольких следователей (с определением старшего группы), следователя-криминалиста, специалиста-криминалиста экспертно-криминалистического подразделения МВД России, судебно-медицинского эксперта, сотрудников полиции (для обеспечения охраны места происшествия), представителей Межгосударственного авиационного комитета (по делам об авиационных происшествиях зарегистрированных воздушных судов), представителей Ространснадзора Минтранса России (по делам о происшествиях на железнодорожном, внутреннем водном и морском транспорте), спасателей МЧС России, специалистов в сфере определенного вида транспорта (из научно-исследовательских институтов или образовательных учреждений в сфере транспорта).

Желательно, чтобы обязанности между следователями и всеми участниками группы были распределены до приезда на место происшествия и обеспечена при этом сохранность следов. В таких случаях существенную помощь следователю могут оказывать представители МЧС России, которые доставляют следственную группу и криминалистическую технику на место происшествия, осуществляют поиск и извлечение трупов, живых лиц, предметов, имеющих доказательственное значение [1, с. 52].

Например, в августе 2015 г. следователи совместно с сотрудниками МЧС России проводили широкомасштабные работы на месте происшествия по факту столкновения вертолета Robinson – R44 с гидропланом Cessna 206 F в районе Истринского водохранилища (Московская область), в результате которого погибли 9 человек. Благодаря достигнутому соглашению с МЧС России, представители которого прибыли раньше следственной группы, было незамедлительно оцеплено место происшествия и примыкающий к воде значительный участок суши, организованы поисковые мероприятия с применением видеозаписи. Просмотр предоставленных следствию видеозаписей позволил смоделировать событие происшествия и получить криминалистически значимую информацию. Кроме того, сотрудниками ГУ МЧС России по Московской области был задействован вертолет, который использовался следственной группой для масштабного осмотра места происшествия. Полученные результаты фотосъемки и видеозаписи с вертолета позволили установить непосредственное место столкновения воздушных судов, что способствовало отысканию их фрагментов, а также тел погибших. Водолазами, состоящими в штате МЧС, производились поисковые мероприятия. Ими обнаружены и представлены следствию средства объективного контроля, установленные на столкнувшихся судах [3, с. 116–121].

Осмотр места происшествия осуществляется одновременно с работой комиссии, проводящей служебное расследование, которой изымаются документы, берутся письменные объяснения лиц, причастных к транспортному происшествию, фиксируются погодные условия и др. С одной стороны, это некоторым образом затрудняет работу следователя. С другой стороны, он может консультироваться со специалистами, использовать технические возможности измерительных приборов, имеющихся в их распоряжении, и т. п.

Иногда возникают ситуации, когда следователь производит осмотр довольно поверхностно, ссылаясь на то, что в материалах служебного расследования необходимая информация относительно обстоятельств транспортного происшествия зафиксирована с достаточной полнотой. Подобную практику нельзя признать правильной, поскольку при оспаривании выводов ведомственного расследования восстановить реальную обстановку происшествия не всегда представляется возможным.

Кроме того, осмотр является более результативным, когда он выполняется одновременно двумя-тремя следователями при участии следователя-криминалиста, который координирует их работу и поддерживает взаимодействие с членами ведомственной комиссии. Это позволяет наиболее полно зафиксировать обстановку на месте происшествия.

В связи с этим предлагается строить работу таким образом, чтобы изъятие в ходе осмотра места происшествия предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, с представлением их в последующем на транспортно-техническую судебную экспертизу все же сначала осуществлялось следователем с дальнейшей незамедлительной передачей комиссии по служебному расследованию. В тех случаях, когда следователь прибыл на место происшествия до приезда комиссии, то осмотр производится статическим методом [13].

Если осмотр места происшествия производится расширенной следственной группой, то распределение обязанностей между ее членами зависит от конкретной следственной ситуации и профессиональных навыков каждого из следователей и может иметь различные варианты. Например, один из следователей вместе с судебно-медицинским экспертом занимается осмотром трупов и направлением их на судебно-медицинскую экспертизу, а другие следователи производят осмотр транспортного средства и путей сообщения совместно со специалистами и представителями Ространснадзора для последующего назначения транспортно-технической судебной экспертизы. В свою очередь, осмотр путей сообщения и объектов транспортной инфраструктуры также может быть распределен между следователями и специалистами. Так, в 2010 г. на месте крушения самолета ТУ-154 под Смоленском работали 37 следователей Следственного комитета и более 40 судебно-медицинских экспертов; также в следственных действиях принимали участие 11 прокуроров и следователей из Польши [18].

Следственная практика показывает, что применение научно-технических средств и использование специальных знаний является необходимым условием для успешного расследования преступлений в сфере нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспорта.

В протоколе осмотра места происшествия должны быть отражены общие и специальные сведения о месте происшествия. В некоторых следственных отделах на транспорте сами следователи разработали специальные бланки протоколов осмотра места происшествия. Например, по делам о происшествиях на железнодорожном транспорте в протоколе фиксируются:

- расположение места происшествия (на железнодорожной станции или железнодорожном перегоне; географические координаты*);
- наименование пути сообщения (наименование железной дороги, ее направление, километр, пикет, в случае наличия строения указывать точный географический адрес и удаленность от места происшествия);
- количество железнодорожных путей, их назначение (общего и необщего пользования), профиль (протяженность прямого участка в обоих направлениях, наличие изгиба в горизонтальной плоскости, его длина, видимость), состояние железнодорожного пути (сухое, мокрое, покрыто льдом, снегом и т. д.);
- при сходе подвижного железнодорожного состава указывается расположение электровагона (тепловоза), вагонов, описываются их повреждения и дефекты;
- средства регулирования движения: наличие светофоров и их показания, расположение, цвет сигнала; наличие железнодорожных переездов (регулируемые, нерегулируемые, состояние световой и звуковой сигнализации, шлагбаумов, заградительных барьеров); наличие систем безопасности (состояние пешеходных настилов и служебных переходов, зон накопления пассажиров, наличие и состояние ограждений, обеспеченность световой и звуковой сигнализацией и информационными стендами);

* В протоколе осмотра места авиационного происшествия указывается направление движения воздушного судна и контрольная точка аэродрома (КТА), являющаяся, как правило, геометрическим центром главной взлетно-посадочной полосы и определяющая географическое местоположение аэродрома.

- наличие освещения на месте происшествия (его интенсивность и степень обеспечения благоприятной видимости);
- условия, ухудшающие видимость (туман, дождь, снегопад и т. п.);
- несанкционированные переходы (наличие самодельных настилов, «народных троп»);
- наличие видеокамер наружного наблюдения на месте происшествия (вид и месторасположение);
- данные о трупе (описание его одежды, вещей и предметов, находящихся на трупе и при нем, поза трупа и его расположение, наличие на трупе, его одежде и обуви повреждений, трупные явления);
- привязка отдельных участков места происшествия к зданиям, улицам, населенным пунктам и иным стационарным точкам;
- привязка по GPS и ГЛОНАСС;
- метеоданные (температура воздуха, наличие осадков, скорость и направление ветра) в момент происшествия и в промежутки времени между ним и осмотром.

Учитывая возможную неосведомленность следователей в специальных вопросах, полагаем, что для их решения целесообразно привлекать различных специалистов, с помощью которых собирается и фиксируется криминалистически значимая информация, содержащаяся в документах:

- по технической эксплуатации транспортного средства (приказы, инструкции, правила, регламенты и т. д.);
- о техническом состоянии транспортного средства (диагностические карты, акты проверок и т. д.);
- по техническому расследованию транспортного происшествия (например, расшифровка бортовых самописцев при авиационном происшествии);
- о транспортном происшествии (заключения или акты расследования транспортного происшествия, протоколы следственных действий, фототаблицы, схемы и т. д.);
- о лице, управляющем транспортным средством (водительское удостоверение, летная книжка пилота, судовая роль и т. д.);
- о дополнительных обстоятельствах транспортного происшествия (например, метеорологическая документация).

Сведения, полученные из указанных выше документов, также выступают в качестве исходных данных.

Взаимодействие следователя со специалистом по делам о преступлениях на объектах транспорта предполагает их совместную оценку обстановки места происшествия и выявленных материальных следов.

Вместе с тем некоторые ученые полагают, что взаимодействие следователя с иными участниками уголовного процесса при производстве следственных действий не является основой криминалистической тактики, поскольку нет для этого ни правовых, ни научных оснований [15, с. 164]. Позволим себе не согласиться с данной точкой зрения в целом и применительно к рассматриваемой теме. На наш взгляд, только слаженная и организованная работа участников следственно-оперативной группы позволит достичь высоких и эффективных результатов при расследовании транспортных происшествий.

Рассмотренные в статье некоторые вопросы осмотра места происшествия по делам о преступлениях, совершенных на объектах транспорта, позволят повысить не только качество работы следователя на практическом уровне, но и могут быть использованы при назначении и производстве транспортно-технических судебных экспертиз.

Литература

1. Алехин Д. В., Гусельникова О. В. Взаимодействие следователей с правоохранительными и контролирующими органами на местах авиационных происшествий // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 32 (114).
2. Алехин Д. В., Ильин Н. Н., Передерий В. А. Особенности первоначального этапа расследования авиационных происшествий: учеб.-практ. пособие / под ред. А. М. Багмета. М.: Московская академия СК РФ, 2017.
3. Вазюлин С. А. Организация межведомственного взаимодействия при проведении осмотра места происшествия и неотложных следственных действий при авиакатастрофах // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 2 (12).
4. Виниченко А. С., Кузьмин А. Р. Особенности назначения автотехнической экспертизы // Судебная экспертиза. 2014. № 4 (40).
5. Власова С. В. Способы собирания доказательств по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009.
6. Вольнский А. Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений – комплексная межнаучная проблема // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3.
7. Демидова Т. В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
8. Жердев П. А. Использование криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3 (36).
9. Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. М.: Проспект, 2011.
10. Ким О. Д. Проблемы и пути совершенствования расследования ДТП на основе научных знаний: дис. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 1998.
11. Коткин П. Н., Елинский В. И. Особенности организации расследования уголовных дел о транспортных происшествиях на железнодорожном транспорте // Российский следователь. 2010. № 12.
12. Лысенко В. В. Собираение, проверка и оценка сведений о временных характеристиках дорожно-транспортного преступления: дис. ... канд. юридических наук. М., 2002.
13. Методика расследования происшествий на железнодорожном и авиатранспорте / В. Г. Малинин, В. М. Федоров, К. А. Шамраев; под общ. ред. В. А. Морозова. М.: Инфра-М, 2001.
14. Сафонов Г. И. Тактика назначения судебной автотехнической экспертизы и использования ее результатов в процессе доказывания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
15. Степанов В. В. Вопросы взаимодействия следователя и специалиста в ходе расследования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107).
16. Сыромля Л. Б. Предварительное исследование материальных следов на месте дорожно-транспортного происшествия: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2017.
17. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю. М. Дильдина; общ. ред. В. В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. Ч. I.
18. Фалалеев М., Шмелева Е., Ячменникова Н. Борт № 1 погиб ... // Российская газета. 2010. 12 апреля.

УДК 343.98

ТАКТИКА ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА МОРСКОМ УЧАСТКЕ

Дмитрий Владимирович Ефремов, специалист ООО «Центр экспертизы и правовой защиты»;

Наталья Александровна Карпенко, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: efimoff.danil2018@yandex.ru

nataivanova12@mail.ru

На основе комплексного подхода к изучению эмпирического материала выявлены тактические особенности производства следственного осмотра при расследовании незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации. С учетом перспективы соединения уголовных дел особое внимание уделяется необходимости фиксации во время следственного осмотра всех предикатных и смежных незаконному пересечению границ составов преступлений. Авторами обращено внимание на место и время проведения следственного осмотра, порядок подготовки и последовательность его проведения, обоснована необходимость и характер применения специальных знаний.

Ключевые слова: следственный осмотр; комплексный подход; морской участок государственной границы; соединение уголовных дел; военный специалист.

TACTICS OF INVESTIGATIVE INSPECTION DURING INVESTIGATION OF ILLEGAL CROSSING OF THE STATE BORDER OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE MARITIME SECTION

Dmitry Vladimirovich Efremov, specialist of LLC «Center of expertise and legal protection»;
Natalya Aleksandrovna Karpenko, department associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

On the basis of an integrated approach to the study of empirical material, the tactical features of the production of investigative inspection in the investigation of illegal crossing of the State border of the Russian Federation are revealed. Taking into account the perspective of the connection of criminal cases, special attention is paid to the need to fix during the investigation of all predicate and related illegal crossing of the borders of crimes. The author reveals and justifiably the most effective place and time for carrying out the investigative examination, the order of preparation and sequence of its carrying out, the necessity and character of application of special knowledge is proved.

Keywords: investigating examination; a comprehensive approach; the sea State border; connection cases; soldier – specialist.

Как указал Президент Российской Федерации В. В. Путин при формулировании новых основ государственной пограничной политики, «прежде всего, необходимо использовать комплексный подход в нейтрализации рисков и угроз, касающихся пограничной безопасно-

сти»*. Данное высказывание Президента РФ, заложенное в основу проекта государственной пограничной политики**, подтверждает важность всестороннего рассмотрения любого события на Государственной границе Российской Федерации, в том числе на ее морском участке.

Результаты комплексного подхода*** к сбору и обобщению эмпирического материала показывают, что первичные следственные осмотры места происшествия по делам, связанным с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации на морском участке, в 100 % случаев предшествовали возбуждению уголовного дела. Таким образом, следственный осмотр является, по сути, отправной точкой для выполнения гносеологической функции познающего субъекта, конечным результатом которой является определение степени общественной опасности произошедшего и принятие правового решения.

Являясь специфичным видом следственной деятельности, следственный осмотр различают преимущественно по объекту, объему и очередности проводимых действий. Однако характер осматриваемого объекта определяет как тактические особенности следственного действия [10, с. 70–72], так и объем и содержание подготовительного рабочего и заключительного этапов осмотра. Для следственного осмотра, связанного с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации на морском участке, такими объектами могут выступать место происшествия (как правило, морское судно, на котором было осуществлено незаконное пересечение) и (или) отдельные предметы и документы, которые сохранили на себе взаимосвязанные следы противоправного пересечения.

Специфика следственного осмотра преступления определяется его криминалистической характеристикой [7, с. 242–243], выраженной в типичных способах подготовки, совершения, сокрытия рассматриваемого преступления, в типичной обстановке совершения преступления и данных о мотиве совершения преступления, которые детерминируют возникновение материальных следов, оставшихся на местности, предметах и документах, позволяя обосновывать криминалистические рекомендации при проведении следственного осмотра.

Результаты исследований позволили критически подойти к ранее разработанным рекомендациям относительно того, что именно считать местом происшествия, то есть местом обнаружения следов преступления. Так, по мнению Г. М. Лапшина, местом происшествия на морском (речном) участке является «водная поверхность и поверхность дна в районе места нарушения границы, а также участок берега, если захват произведен поблизости от берега. На поверхности воды можно обнаружить выброшенные документы, спасательные круги, сети, вехи, буи» [9, с. 108]. Однако рекомендации по поиску мелких предметов в открытом море практически невыполнимы и лишены всякого тактического замысла: найденные предметы сложно привязать к расследуемому событию, они не имеют эмпирического подтверждения даже в качестве исключения. Поэтому по делам данной категории осмотру всегда подвергается морское судно. Следственный осмотр на судне производится в целях поиска данных о главном факте по делу (о предмете доказывания), а с целью определения, подтверждения события противоправного пересечения границы осмотр будет иметь факультативный характер.

Рассмотрим два примера, когда осмотрные действия на судне необходимы и обязательны, так как несут в себе данные, свидетельствующие о предмете доказывания.

* Заявление Президента Российской Федерации на заседании Совета безопасности России 6 апреля 2018 г. URL: <https://rg.ru/2018/04/06/putin-zaiavil-o-planah-sozdat-novuiu-sistemu-bezopasnosti.html>.

** Основы государственной пограничной политики Российской Федерации: проект указа Президента Российской Федерации. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/pva/more.htm%21id%3D10438241%40fsbNpa.html>.

*** Комплексный подход основывается на результатах обобщения практики расследования 88 уголовных дел, возбужденных по незаконному пересечению Государственной границы Российской Федерации; анкетирования 64 следователей (дознателей) и 81 оперативного сотрудника органов Федеральной службы безопасности РФ, имеющих процессуальную и оперативную практику на морском участке границы; на обобщении практики расследования 63 уголовных дел, возбужденных по незаконной добыче (вылову) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ, ч. 2 ст. 253 УК РФ), и 11 уголовных дел, возбужденных в морском пункте пропуска (ст. 200.1–200.3 УК РФ).

1. В случае, когда лицо, задержанное за нарушение Государственной границы Российской Федерации на морском участке, отрицает факт пересечения границы, заявляя на этапе досудебного и судебного расследования, что «пересечения государственной границы не допускать»*. При таких обстоятельствах осмотрные действия на судне необходимы для обнаружения, фиксации и, при необходимости, изъятия источников информации, отображающих процесс следования и хозяйственной деятельности судна. Так, осмотру и изъятию были подвергнуты судовая документация и технические средства контроля, так как эти предметы и документы содержали необходимые для расследования сведения и были использованы для назначения навигационной судебной экспертизы. Экспертное заключение стало существенным доказательством по делу и опровергло заявление защиты об отсутствии факта пересечения границы.

Напротив, в следственной ситуации, характерной для морского пункта пропуска, осмотрные действия на месте происшествия (на судне) не являются основными ввиду того, что предметом доказывания является факт подделки документа, удостоверяющего личность (разрешения на пересечение, факт запрета на въезд, выезд), а установление места и времени пересечения границы в результате следственного осмотра судовой документации могут быть заменены данными, полученными из других источников, например, путем запроса данных о пересечении судном государственной границы у береговых постов технического наблюдения, кораблей или авиации Федеральной службы безопасности РФ, портовых организаций; путем осуществления прокладки маршрута следования по карте, снятия данных с технических средств контроля. А. В. Горяинов резонно отмечает, что «при расследовании незаконного пересечения Государственной границы, совершенного в пункте пропуска, в подавляющем большинстве случаев дознавателями производится осмотр предметов <...>. В первую очередь речь идет о документах, удостоверяющих личность» [5, с. 116].

Результаты анализа уголовно-процессуальной деятельности свидетельствуют: осмотр носит непринудительный характер, не требует разрешения судовладельца, судовой команды или суда на его проведение (за исключением случаев, затрагивающих принцип неприкосновенности жилища по месту временного пребывания (каюта судна имеет такой статус наряду с номером в гостинице или иным помещением, в котором человек находится временно)) [13, с. 13–15]. Отметим, что такая неприкосновенность не является безусловной и может быть преодолена на основании ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Необходимость следственного осмотра кают при расследовании незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке может возникать в следственной ситуации, когда нарушитель укрывался в тайнике (переборке) каюты при пособничестве членов экипажа.

В соответствии с правоприменительной практикой следственному осмотру судна всегда предшествует служебная деятельность в виде осмотра морского судна. Так, следственному осмотру судна-нарушителя должны предшествовать его остановка и осмотр, по результатам которого в соответствии с требованиями административного регламента [1] составляется протокол осмотра невоенного судна.

Помимо этого, в 91 % от числа изученных уголовных дел любому виду следственного осмотра в рамках административного производства предшествуют мероприятия: согласно ст. 27.8 КоАП РФ, составление протокола осмотра невоенного судна, принадлежащего юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю; в соответствии с 28.2 КоАП РФ оформление протокола об административном правонарушении; составление акта об обнаружении имущества при отсутствии владельца и (или) о возвращении в среду обитания безвозмездно изъятых водных биологических ресурсов. Описанные действия характерны для следственных ситуаций, предусмотренных ст. 256, 253, 258.1 УК РФ, поэтому наиболее подробно рассматриваются исследователями незаконной добычи водных биологических ресурсов (далее – ВБР). Однако наличие признаков состава незаконного пересечения государственной

* Уголовное дело № 22–491/2015 // Архив Южно-Сахалинского городского суда за 2015 г.

границы всегда определяется наличием противоправного умысла. Умысел пересечения, как правило, выражен в противоправных мотиве и цели, которые нельзя осуществить без пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке. Наиболее распространенные цели и мотивы связаны с незаконным рыболовством, поэтому для обеспечения полноты и объективности исследования обстоятельств дела, на основании ст. 153 УПК РФ, расследование уголовного дела по ст. 322 УК РФ соединяют в одно производство с расследованием уголовных дел, связанных с незаконным рыболовством. При таких обстоятельствах для обнаружения признаков, свидетельствующих о цели и мотиве незаконного пересечения границы, необходимо осуществить поиск водных биологических ресурсов (остатков) и средств их добычи, хотя это напрямую и не связано с доказыванием преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, что детерминирует расширение спектра осматриваемых объектов на судне-нарушителе.

В ходе указанных непроцессуальных процедур осуществляются поиск и фиксация признаков правонарушения, предусмотренных КоАП РФ и служебными инструкциями. Указанные действия, проводимые до возбуждения уголовного дела, содержательно схожи со следственным осмотром, так как имеют общие цели и предмет доказывания.

Материалы изученных уголовных дел показывают, что следственные осмотры по рассматриваемым делам проводятся дознавателем лично или по поручению о производстве отдельных следственных действий, как правило, без участия специалистов, не содержат существенных нарушений требования УПК РФ, которые могут повлечь признание доказательств, полученных в ходе осмотра, недопустимыми. Однако ввиду ранее проведенных аналогичных непроцессуальных действий следственные осмотры носят формально-описательный характер. Протоколы осмотра места происшествия хотя и более детально описывают обстановку на месте происшествия, содержат ориентирующие на местности фото- и видеотаблицы, но в результате проведения обозначенных следственных действий не было выявлено ни одного случая обнаружения новых следов противоправной деятельности, более того, что выявлены в рамках административно-процессуального производства и служебной деятельности.

Так, в одном из изученных протоколов осмотра места происшествия* указаны не все элементы промыслового оборудования, в частности, отсутствует описание морозильных трюмов и оборудованного места для обработки рыбы на осматриваемом судне. Данное обстоятельство свидетельствует о способности данного судна хранить и перегружать водные биологические ресурсы, следовательно, нельзя достоверно утверждать, что незаконное пересечение государственной границы на морском участке осуществлено только с целью добычи водных биологических ресурсов и только одним судном. Данное обстоятельство детерминирует необходимость выдвижения и проверки версии о наличии двух судов-нарушителей и о возможности перегруза, транспортировки водных биологических ресурсов. С этой целью необходимо проведение тщательного осмотра ранее не осматриваемых объектов судна-нарушителя, чего сделано не было.

Описанный и реально существующий на практике ретроспективный подход к проведению следственного осмотра, когда ранее найденные признаки преступления (правонарушения) в результате следственного осмотра приобретают процессуальную форму, а поиск новых признаков преступления не осуществляется, подменяет эпистемологическую сущность следственного осмотра, что требует переосмысления.

В современной теории криминалистики устоялось мнение о необходимости деления следственной ситуации на различные компоненты [3, с. 17]. При этом перечень указанных компонентов должен обладать признаками как всеобщности, характерными для данного вида преступления, так и признаками индивидуальности конкретного дела, поэтому необходимо

* Уголовное дело № 1–62–2012 // Архив Петропавловск-Камчатского городского суда за 2012 г.

учитывать все элементы, влияющие на следственную ситуацию и осознавать это при производстве следственного осмотра.

Содержание любой следственной ситуации обусловлено следующими факторами: «а) относящимися к расследуемому событию, определяющими степень достоверности и полноту информационной модели расследуемого события к моменту оценки следственной ситуации; б) характеризующими саму систему расследования, его процессуальное, тактическое состояние, психологические взаимоотношения участников предварительного расследования и т. д.; в) относящимися к внешней среде, в которой ведется расследование, определяющими так называемую следственную обстановку» [4, с. 98].

Основываясь на трехкомпонентном характере любой из возможных ситуаций, предшествующих следственному осмотру по делам, связанным с незаконным пересечением государственной границы на морском участке, отметим, что на подготовительном этапе необходимо учесть компоненты, формирующие особенности конкретного дела, а именно:

1. Исходя из имеющихся данных, определить один из трех типов следственной ситуации, характерных для конкретного события, какие данные можно получить в ходе проведения того или иного вида следственного осмотра, какие противоречия имеются в типовой следственной ситуации.

2. Процессуально-тактический и организационно-управленческий аспекты [4, с. 100], выраженные в оценке содержания, объема, полноты и качества проведенных ранее действий в рамках служебной деятельности (например, акт специальной проверки документа, акт осмотра судна), оперативно-розыскной деятельности (обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств), административного производства (документы, предусмотренные ч. 2 ст. 28.1.1, ч. 2 ст. 28.7, ч. 8 ст. 27.2, ст. 27.3 КоАП РФ).

3. Характер личности нарушителей, незаконно пересекающих Государственную границу Российской Федерации на морском участке; взаимодействие указанных участников уголовного процесса между собой.

Помимо самого обвиняемого (подозреваемого), следователю необходимо учитывать иных участников процесса, например, личность, психологические и интеллектуальные, морально-деловые качества аффилированных участников преступной деятельности (судовладельца, работодателя, держателя квот) и их отношение к расследуемому событию, к правоохранительным органам, к самому процессу расследования. Проведенные исследования показывают, что работодатель во многом определяет модель поведения всех членов судовой команды, в том числе подозреваемого (обвиняемого). Это обуславливает и тактику проведения всех следственных действий.

При таких обстоятельствах рабочий этап следственного осмотра по делам, связанным с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации на морском участке, представляет собой непосредственное изучение места происшествия для системного получения информации. При этом, как отмечает подавляющее большинство авторов [2; 6; 8; 11], осмотр производится дедукционным способом – от общего к частному.

Помимо этого отметим, что на основании ст. 170 и ч. 6. ст. 177 УПК РФ, в следственном осмотре участвуют понятые, капитан и (или) старший помощник осматриваемого судна в качестве представителя юридического лица по умолчанию, если не были заявлены ходатайства о присутствии другого представителя.

Осмотр места происшествия заключается в поэтапном обследовании помещений судна, в зависимости от наличия признаков предикатного состава преступления. Ввиду длительного характера проведения данного вида мероприятия, следственный осмотр рекомендовано начинать утром.

Отметим, что документы являются носителями следов совершения и сокрытия преступления, поэтому осмотровые действия на судне необходимо начинать с изъятия всей судовой,

промысловой, регистрационной документации (если по каким-то причинам она не была изъята ранее) либо с копирования страниц указанных документов, которые необходимо заверить подписью и печатью капитана судна.

В наиболее обобщенном виде осмотру места происшествия, а в некоторых случаях – изъятию, как правило, подлежат следующие судовые, промысловые и регистрационные документы: свидетельство (временное свидетельство) о праве плавания под флагом; пассажирское свидетельство (для пассажирского судна); схема расположения на судне трюмов и грузовых твиндеков, заверенная судовладельцем, с указанием их размеров и объемов для определения количества улова водных биоресурсов объемно-весовым способом; свидетельство о праве собственности на судно; судовая роль; разрешение на судовую радиостанцию и радиожурнал (если судно имеет судовую радиостанцию); свидетельство соответствия ТСК; судовой журнал; машинный журнал (для судов с механическим двигателем); санитарный журнал; судовое санитарное свидетельство о праве плавания; разрешение на добычу ВБР; ССД (судовые суточные донесения); консоаменты о перевозке различных грузов; журнал операций со сточными водами; журнал радиограмм.

Отдельные документы из перечня могут отсутствовать на некоторых судах (кораблях, маломерных плавательных средствах) в принципе, поэтому для изъятия документов, проходящих по конкретному делу, необходимо привлечение сведущих лиц в области судовождения.

Кроме того, на судах с «удобным флагом» имеют место случаи, когда лицо, под управлением которого находилось судно, желая ввести в заблуждение членов следственно-оперативной группы, осуществляющих осмотр места происшествия и требующих обязательного участия в мероприятии представителя судовладельца, заявляет о том, что не является капитаном. В таком случае осмотру, изъятию и последующему приобщению к материалам уголовного дела подлежат документы, в том числе выданные иностранным государством: удостоверение личности лица командного состава морского торгового флота (*Mari namer cante internacional carne de oficial*); свидетельство о предоставлении документов для прохождения курсов лицами командного и рядового плавсостава (*Certificad odere frend odecur sosparaoficales y marineros*)*.

После осмотра документов необходимо осмотреть наличие на судне ВБР либо их следов, орудий лова либо следов флоры и фауны на этих орудиях, контрабандных товаров или иных объектов, которые могли бы свидетельствовать о наличии признаков субъективной стороны преступления, побудивших пересечь Государственную границу Российской Федерации на морском участке. Отметим, что в подавляющем большинстве случаев пересечение нацелено именно на незаконную добычу ВБР.

При таких обстоятельствах осмотр необходимо проводить по порядку, «соответствующему технологии добычи биоресурсов, выявляя при этом следовую картину происшедшего процесса вылова биоресурсов и все имеющееся промысловое оборудование» [12, с. 97–99]. Первоначально осмотр должен быть направлен на выявление биоресурсов и их фрагментов, добытых после пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке, а также объектов донной флоры на промысловом оборудовании. Далее осмотру подвергается оборудование для хранения и транспортировки ВБР. По окончании описания признаков предикатного состава преступления в протоколе осмотра должны быть четко зафиксированы:

- способность осматриваемого судна с имеющимся на борту промысловым оборудованием и орудиями лова использоваться для добычи, транспортировки, хранения ВБР;
- факт обнаружения в ходе осмотра ВБР (иных товаров), в каком объеме и количестве;
- способность осматриваемого судна использоваться для транспортировки, переработки ВБР (иных товаров);

* Уголовные дела № 1–292/2015 и № 1–30/2016 // Архив Корсаковского городского суда Сахалинской области за 2015–2016 гг.

- наличие на судне, его частях и механизмах, на промышленном оборудовании следов флоры и фауны, свидетельствующих о добыче, хранении, и транспортировке ВБР и иных товаров;
- возможность использования осматриваемого судна для добычи ВБР, транспортировки ВБР, транспортировки других товаров (являющихся предметом контрабанды).

Далее в протоколе осмотра необходимо описать состояние средств обеспечения мореплавания судна, исправности технических средств контроля и связи. Следователю (дознавателю) при осмотре необходимо учесть, что в 90 % случаев в данной следственной ситуации подозреваемый (обвиняемый) ссылается на пересечение государственной границы в рамках транзитного (мирного) прохода, а нарушение правил прохода объясняется действиями чрезвычайных обстоятельств, неисправностью различных судовых частей и механизмов. Поэтому в протоколе осмотра должно быть четко зафиксировано наличие и работоспособность технического и материального оборудования судна, необходимого для обеспечения мореплавания (навигационное оборудование, средства связи, основные и вспомогательные двигатели, якорное устройство).

Более тщательному осмотру подлежат узлы и механизмы судна, которые, по заявлению защиты, были не исправны в момент пересечения государственной границы на морском участке (73 % от общего количества уголовных дел). Некоторые из агрегатов после осмотра и первичной оценки специалиста их работоспособности могут быть изъяты для проведения судебной экспертизы. При изъятии частей и механизмов необходимо учитывать мнение сведущих лиц, приглашенных для осмотра, а также мнение должностных лиц судна, отвечающих за его живучесть и безопасность, относительно возможности поддерживать жизнеспособность судна после изъятия частей и механизмов.

Таким образом, следственный осмотр, осуществляемый по делам, связанным с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации на морском участке, в настоящий момент является первичным следственным действием, однако на морском участке может быть и вторичным, что, в отличие от других преступлений и преступлений того же вида, но совершаемых на сухопутном участке границы, возможно за счет обязательного проведения мероприятий служебного, административного и оперативно-розыскного характера до производства следственного осмотра. Поэтому трехкомпонентный ситуационный характер любой из возможных ситуаций, предшествующих следственному осмотру по делам, связанным с незаконным пересечением государственной границы на морском участке, детерминирует производство следственного осмотра после более углубленного этапа подготовки.

Осмотр места происшествия, независимо от его вида, не должен производиться в месте пересечения границы – в морской среде.

Следственный осмотр должен осуществляться не только для поиска признаков незаконного пересечения государственной границы, но и для поиска признаков предикатных составов преступлений, которые сподвигли нарушителя на неправомерное пересечение границы. Это докажет субъективную сторону преступления – наличие противоправных цели и мотива для пересечения государственной границы на морском участке – и потребует использования специальных знаний.

Проводимые следственные осмотры по делам рассматриваемой категории, в отличие от большинства других преступлений, не требуют применения универсальных криминалистических или узкоспециализированных экспертных знаний. С учетом перечисленных особенностей для проведения следственного осмотра по рассматриваемой категории дел,

достаточно применения специальных знаний военнослужащих-специалистов*, что позволяет определиться с квалификацией противоправного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке, снизить процессуальные издержки и сроки проверки сообщения о преступлении, решить необходимые для данного этапа расследования научно-технические вопросы.

Литература

1. Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по осуществлению государственного контроля в сфере охраны морских биологических ресурсов: приказ ФСБ России от 25 декабря 2012 г. № 675 (ред. от 15.09.2015) // Российская газета. 2013. 5 июня.
2. Величкин Я. С. Современное состояние и перспективы развития методики расследования незаконных пересечений Государственной границы РФ: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
3. Возгрин И. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в системе частных методик расследования // Следственная ситуация. М., 1985.
4. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. Н. П. Яблокова. М.; Калининград, 1997.
5. Горяинов А. В. Методика расследования незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
6. Густов Г. А. Исследование места происшествия // Вопросы совершенствования предварительного следствия: сб. ст. / отв. ред. А. П. Филиппов. Л., 1971.
7. Ефремов Д. В. Криминалистическая характеристика незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке // Библиотека криминалиста. 2018. № 3.
8. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008.
9. Лапшин Г. М. Методика расследования незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.
10. Михайлов А. В. Тактика следственного осмотра по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
11. Селиванов Н. А. Математические выводы в собирании и исследовании доказательств. М.: Юрид. лит., 1974.
12. Токарев М. Н. Некоторые проблемные вопросы участия специалиста на этапе проверки сообщения о преступлении // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 1 (38).
13. Шошин А. А. О некоторых правилах проведения следственных действий, связанных с ограничением права на неприкосновенность жилища // Российский следователь. 2016. № 2.

* Сотрудники пограничного контроля, окончившие специализированные высшие учебные заведения и (или) курсы переподготовки, а также имеющие опыт службы в сфере пропуска через государственную границу, являются носителями специальных знаний в области исследования документов. Данные исследования по своему содержанию близки к технико-криминалистической экспертизе документов, которая в 59 % случаев назначается после возбуждения уголовного дела по ст. 322 УК РФ.

Сотрудники отделов режимно-контрольных мероприятий, имеющие разные уровни биолого-ихтиологического образования или окончившие курсы переподготовки по этому профилю, а также имеющие опыт трудовой деятельности в этой сфере, являются носителями специальных знаний в области ихтиологии и рыболовства. Исследования, проводимые этими сотрудниками, характерны для 70 % случаев от общего количества уголовных дел, они схожи по содержанию с биологической (ихтиологической) экспертизой, назначаемой после возбуждения уголовного дела по ст. 322 УК РФ. Использование специальных знаний этих лиц необходимо для определения признаков, свидетельствующих о способе подготовки, совершения и сокрытия незаконного пересечения границы.

Учитывая тот факт, что незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации в пределах морского участка Дальневосточного федерального округа часто связано с рыболовством, использование специальных знаний в этой области обусловлено необходимостью обнаружения признаков, свидетельствующих о цели и мотивах пересечения (субъективной стороны преступления). Сотрудники береговой охраны (окончившие высшие морские учебные заведения, как правило, по специальности «судовождение», а также имеющие опыт службы на пограничных кораблях и работы на рыбопромысловых судах) являются специалистами в области навигации. Исследования, проведенные сотрудником береговой охраны, сопоставимы с исследованиями в рамках навигационной экспертизы.

Каждое из названных применений специальных знаний в форме исследования нацелено на установление события преступления, связанного с незаконным пересечением государственной границы на морском участке.

УДК 343.983

ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФОТОИЗОБРАЖЕНИЙ, ИЗГОТАВЛИВАЕМЫХ НА ДОКУМЕНТЫ, УДОСТОВЕРЯЮЩИЕ ЛИЧНОСТЬ

Евгений Васильевич Давыдов, доцент кафедры Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Владимир Федорович Финогенов, доцент кафедры Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: dawydov@yandex.ru

finogenovv@yandex.ru

В статье на основе проведенного авторами исследования установлены основные проблемы производства портретных экспертиз по фотографиям, изготовленным на документы, удостоверяющие личность. Рассмотрены вопросы нормативной регламентации процесса изготовления фотографий на документы данного вида. Сформулированы рекомендации, направленные на решение данного вопроса, включающие в себя комплекс методических и организационных мероприятий, реализация которых позволит более качественно проводить судебно-портретные экспертизы и исследования.

Ключевые слова: судебно-портретная экспертиза; требования, предъявляемые к фотографиям на документы, удостоверяющие личность; признаки внешнего облика человека.

PROBLEMS OF EXPERT RESEARCH OF PHOTO IMAGES MADE ON IDENTITY DOCUMENTS

Evgeny Vasilievich Davydov, department associate professor of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Vladimir Fedorovich Finogenov, department associate professor of the Saratov State Law Academy, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

In the article on the basis of the study conducted by the authors, the main problems of the production of portrait examinations on photographs made on identity documents are established. The issues of regulatory regulation of the process of making photos for documents of this type are considered. Recommendations are formulated aimed at solving this issue, including a set of methodological and organizational measures, the implementation of which will allow more qualitative forensic portrait examinations and research.

Keywords: forensic portrait examination; requirements for photographs on identity documents; signs of human appearance.

Факты использования документов с умышленно измененными реквизитами, в том числе удостоверяющих личность, в уголовном законодательстве Российской Федерации и ряде других стран квалифицируются как самостоятельные преступления. Нередко такие документы используются для подготовки и совершения наиболее опасных противоправных действий. Так, например, в США преступники для совершения террористических актов 11 сентября 2001 г. использовали поддельные водительские удостоверения [5, с. 16].

Документы, удостоверяющие личность, – это группа официальных документов, составленных в предусмотренной законом форме и удостоверяющих конкретный юридический факт [7, с. 12]. К ним в нашей стране относятся: свидетельство о рождении, паспорт гражданина РФ, военный билет, водительское удостоверение. Особое место среди этих документов отво-

дится паспорту гражданина Российской Федерации. В этом документе содержится наиболее полная информация о его владельце.

Документы, удостоверяющие личность, предоставляют их владельцам определенные права. Так, например обладатель паспорта гражданина Российской Федерации имеет право:

- на идентификацию личности во всех организациях и учреждениях [1];
- избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления;
- реализовывать себя в социальной сфере (трудоустройство, обучение в высших учебных заведениях и др.);
- осуществлять сделки по купле и продаже недвижимости;
- открывать лицевой банковский счет и др.

Учитывая важность паспорта как основного документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации [2], авторы статьи провели криминалистическое исследование его реквизитов.

Паспорт гражданина Российской Федерации имеет право получить лицо в возрасте 14 лет. В период со дня рождения и до 14 лет основным документом, удостоверяющим личность гражданина РФ, является свидетельство о рождении.

Бланки на особо важные документы, такие как паспорт гражданина Российской Федерации, свидетельство о рождении, военный билет, изготавливаются по единому образцу на предприятиях Главного управления производства государственных знаков, монет и орденов Министерства финансов России (Гознак) и являются документами строгой отчетности.

Описание современного образца паспорта утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации [3].

Для защиты паспорта гражданина Российской Федерации от подделок он содержит строго определенные реквизиты. Реквизиты документов – это содержание его обязательных данных, установленных положением об этом документе. Они размещаются на бланке документа последовательно и в строго определенных местах. К реквизитам документа относятся: оттиски печатей и штампов, фотоснимки, рукописные и печатные записи, подписи и т. д.

В настоящее время на экспертные исследования все чаще стали поступать фотоснимки, выполненные цифровым способом с применением ретуши [6, с. 36; 7, с. 68]. Поэтому вопросы изучения и исследования цифровой ретуши на таких объектах и ее влияние на изменение элементов и признаков внешнего облика лица человека в настоящее время являются актуальными.

Проведенный авторами в период с 2014 по 2019 г. анализ заключений экспертов-практиков, специализирующихся в области судебно-портретных исследований, и результатов их анкетирования показал, что значительные трудности возникают у них по определению фактов применения цифровой ретуши на исследуемых фотоизображениях.

В современной практике производства судебно-портретных экспертиз более 75 % исследуемых объектов – фотоснимки для документов, удостоверяющих личность, выполненные цифровым способом. Учитывая это обстоятельство, авторами статьи были проведены экспериментальные исследования, направленные на установление признаков применения цифровой ретуши и способов ее выявления на фотоснимках для таких документов. С этой целью было проведено тщательное исследование изготовленных в фотостудиях 360 цифровых файлов, предназначенных для фотографий на документы лиц женского и мужского пола, а также распечатанных с них на матовую и глянцевую фотобумагу 720 фотоснимков.

Фотография является одним из важнейших реквизитов паспорта его владельца. К качеству фотокарточки на паспорт предъявляются определенные требования. Они регламентированы рядом нормативных правовых актов [4].

Фотографии на паспорт изготавливаются по строго установленным правилам, которые предписывают соблюдать ракурс объекта съемки, применяемое освещение лица фотографиру-

емого, его размеры и т. д. Соблюдение этих правил должно гарантировать достоверность и точность отображения на фото всех элементов и признаков внешности фотографируемого лица.

Личная фотография для паспорта гражданина Российской Федерации должна соответствовать следующим требованиям:

1. Фотография может быть в черно-белом или цветном исполнении.

2. Фотография должна соответствовать возрасту гражданина на момент подачи заявления о выдаче (замене) паспорта, размером 35 x 45 мм. Размер изображения овала лица на фотографии должен занимать не менее 70–80 % вертикального размера снимка. Размер изображения головы на фотографии должен составлять по высоте от 30 до 32 мм, по ширине – от 18 до 22 мм. Изображение на фотографии размещается таким образом, чтобы свободное верхнее поле над головой составляло 5 (+/- 1) мм.

3. Изображение лица должно быть четким, строго в анфас. Без головного убора. Гражданам России, религиозные убеждения которых не допускают показываться им перед посторонними без головных уборов (хиджаба), фотографии разрешаются в головных уборах. В этом случае головной убор в обязательном порядке не должен скрывать овал лица человека. Кроме того, не допускается фотографировать граждан, если их волосы прикрывают отдельные элементы внешнего облика человека.

4. Глаза должны быть открыты, рот закрыт, выражение лица (мимика) не должна искажать его черты, т. е. быть спокойной.

5. Гражданин, постоянно носящий очки, должен быть сфотографирован строго в очках, при этом глаза должны быть четко видны через линзы очков (очки должны быть нетонированные).

6. Фотографии могут быть выполнены только с технической ретушью негатива, недопустимо искажение характерных особенностей лица. Изображение должно быть четким, среднего контраста, с мягким светотеневым рисунком, задний фон – светлее изображения лица, ровный, без полос, пятен и изображения посторонних предметов.

На фотографии не допускаются изломы, царапины, повреждения эмульсионного слоя, затеки, пятна, различного рода вуали, следы позитивной ретуши, в том числе химической, и другие технические дефекты.

Таким образом, точное соблюдение всех правил фотосъемки при изготовлении фотографии на паспорт позволит получить полную и достоверную информацию о внешнем облике фотографируемого лица.

Однако результат анализа заключений экспертов по судебной-портретной экспертизе показывает, что в 36 % случаев некоторые из установленных требований к фотографиям на документы фотоаппаратами фотостудий не выполняются. Например, при фотографировании на паспорт не соблюдается ракурс съемки лица. Вместо прямого (анфасного) положения головы допускаются наклоны ее вперед, назад и повороты в пределах от 4 до 8,5 градусов. Фотоизображения признаков внешности лица не достаточно резкие, с высокой или низкой контрастностью. Указанные фотографические факторы изменяют достоверность отображения элементов и признаков внешности лица, затрудняют исследование его мелких элементов (особенностей).

На качество получения фотоизображения лица могут отрицательно влиять, т. е. искажать его признаки внешности, дешевая, с низкой разрешающей способностью цифровая фотоаппаратура, применяемая в фотостудиях. Снижается объективизация экспертного исследования фотографий отдельной категории граждан, которые имеют право фотографироваться на документы в головных уборах по религиозным убеждениям. На таких фотоснимках не отображаются наиболее значимые для идентификации элементы и признаки внешности (волосы, верхняя часть контура лица, контур линии роста волос на лбу, при наличии – лобные морщины, родинки, шрамы, ушные раковины, их элементы и признаки).

Существенно затрудняют исследования признаков внешности на фотографиях на паспорт и защитные ее элементы, расположенные на поверхности ламинирующей пленки. Для защиты документа от полной или частичной подделки вся его 3-я страница вместе с фотографией подвергается ламинированию специальной пленкой, на которой нанесены голографические изображения в виде герба России – двуглавого орла и многогранника (специальной розетки), в центре которого расположены буквы «РФ». Данные элементы защиты – голограммы – могут находиться поверх фотографии, что затрудняет анализ анатомических признаков изображенного на ней лица и может влиять на достоверность выводов.

Нередко фотографируемые используют макияж и отдельные элементы татуажа, при этом с помощью тонального мусса или компактного тонального крема маскируют не только мелкие дефекты кожи (прыщи, мелкие морщинки и т. п.), но и довольно крупные изъяны на коже (рубцы, шрамы, пигментные пятна и т. п.). С помощью удлиняющей и объемной туши «наращивают» ресницы и увеличивают их густоту. Все это приводит к трудностям криминалистической оценки морфологических признаков.

В результате проведенного авторами анализа исследования цифровых фотографий в паспортах граждан РФ и файлах с изображением указанных лиц установлено, что они подвергались в основном художественной ретуши. Например, по просьбе заказчиков в фотостудиях специалисты-фотографы с помощью компьютерных редакторов вносили изменения в отдельные элементы лица либо убирали полностью (устранение веснушек, бородавок, шрамов, морщин, кожных складок и других элементов внешности).

Ретушируются не только дефекты кожи, которые носят временный характер (например, прыщи, синяки), но и отдельные элементы головы и лица. В частности, вносятся изменения в волосяной покров головы, устраняется ямка на подбородке, нависание верхнего века, заменяются разрез глаз, форма ушных раковин и др.

Таким образом, происходят изменения признаков внешности лица человека, запечатленного на цифровых фотоизображениях, в то время как в фотографиях на паспорт гражданина РФ искажение характерных особенностей лица не допустимо. Это, бесспорно, затрудняет производство портретных исследований [6, с. 56].

Наиболее часто подвергались ретуши следующие элементы:

- лоб (удаление морщин, прыщей, шрамов, родинок и др.);
- щёки (удаление прыщей, бородавок, пигментных пятен, шрамов и др.);
- глаза (изменение цвета, размерных характеристик контура глаз, удаление морщин вокруг глаз, мешков под глазами и т. п.);
- верхнее веко (устранение нависания);
- скулы (изменения размерных характеристик);
- брови (прорисовывание контура, цвет и др.);
- контуры губ (удаление простудных высыпаний и дефектов, прорисовывание контуров);
- подбородок (изменение размерных характеристик подбородка и контура);
- ушные раковины (изменение оттопыренности, размерных характеристик).

В отдельных случаях изменялись пропорции элементов и контуры отдельных элементов, например ушных раковин, подбородка, бровей, скул.

Результаты проведенного авторами исследования фотографий на паспорт и их файлов в целом показали, что художественной ретуши подвергались элементы и признаки лица в 87 % случаев. При этом в 56 % случаев с помощью цифровой ретуши изменялись характеристики основных элементов и признаков внешности изображенных на фотоснимках лиц. В целом количественные показатели результатов исследования соответствуют данным проведенного авторами опроса и анкетирования фотографов фотостудий. По их мнению, ретуширование цифровых изображений проводится в 92 % случаев. В том числе в 25 % случаев по просьбе клиентов с помощью цифровой ретуши производятся значительные изменения элементов

и признаков внешнего облика человека. При этом большая часть фотографов студий предупреждают клиентов о негативных последствиях выполнения такой просьбы – возможном возврате представленных ими фотографий сотрудниками паспортной службы.

Перечисленные выше факторы, а именно: наличие головного убора, прикрывающего отдельные элементы лица (например, ушные раковины), посторонних элементов (голограмм) поверх фотографии, ретуши отдельных элементов и признаков изображения лица фотографируемого – отрицательно влияют на полноту и достоверность отобразившейся на фотографии информации и таким образом создают определенные проблемы при производстве судебно-портретных экспертиз.

Для решения указанных проблем предлагаем ряд мер организационного и методического характера:

1. В целях повышения полноты и качества информации о внешнем облике лица, отобразившегося на фотографии на паспорт, на государственном уровне усилить ответственность работников фотоателье по соблюдению регламента фотографирования. При этом следует предъявлять жесткие требования к применяемым техническим средствам фиксации внешнего облика (только специальное цифровое фотооборудование), а также к качеству самих фотографий.

2. Следует обратиться к практике фотографирования лиц на документы, удостоверяющие личность, принятой в СССР, а именно: фотографирование лиц мужского и женского пола осуществлять без головных уборов, с полным отображением на фотографии всех элементов и признаков внешности лица человека.

3. Полностью исключить применение цифровой художественной ретуши фотоизображения лица.

4. Внести изменения в регламент изготовления бланков паспорта гражданина РФ относительно элементов защиты (голограмм) на ламинирующей пленке в местах расположения фотографии владельца паспорта.

5. Использование макияжа лица разрешать только в тех случаях, когда он не искажает элементы и признаки внешности, не маскирует их идентификационные особенности.

6. Совершенствовать экспертные методики исследования цифровых фотоизображений лица и частей тела человека с учетом требований современной экспертной практики и последних достижений науки и техники.

Решение поставленных задач позволит повысить эффективность производства портретной экспертизы.

Литература

1. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 16.12.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации: указ Президента РФ от 13 марта 1997 г. № 232. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 8 июля 1997 г. № 828 (ред. от 20.11.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации: приказ МВД России от 13 ноября 2017 г. № 851. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Бахвалов Т. Темные времена, или «Гуд бай, приватность!» // Компьютерра. 2002. № 20.
6. Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф. Криминалистическая оценка признаков внешности лиц, запечатленных на фотоизображениях, подвергшихся цифровой ретуши // Судебная экспертиза. 2015. № 2 (42).
7. Криминалистическое исследование документов, удостоверяющих личность, и дипломов: учеб.-метод. пособие / В. Ф. Финогенов [и др.]. Саратов: Саратовский юрид. ин-т МВД России, 2004.

УДК 343.98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В НЕПРОЦЕССУАЛЬНОМ ОТОЖДЕСТВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Евгений Александрович Моляров, адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: LekS603@mail.ru

Автором статьи исследованы особенности использования систем видеонаблюдения в непроцессуальном отождествлении личности. Системы видеонаблюдения рассмотрены в двух аспектах: как источник идентификационной информации, используемой в отождествлении личности, и как средство (инструмент) непроцессуального отождествления личности. Предложены меры, направленные на повышение качества непроцессуального отождествления личности, – совершенствование организации формирования и ведения оперативно-розыскных учетов ОВД, нормативное закрепление конкретных требований к техническим характеристикам систем видеонаблюдения, имеющим значение для получения качественной видеоинформации в процессе раскрытия преступления.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативная идентификация; отождествление личности; системы видеонаблюдения; видеоидентификация.

THE USE OF VIDEO SURVEILLANCE SYSTEMS BY OPERATIONAL UNITS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN NON-PROCEDURAL IDENTIFICATION

Evgeny Aleksandrovich Molyarov, post graduate of the Barnaul Law Institute of the Internal Affairs of Russia

The author of the article investigated the features of using video surveillance systems in non-procedural identification of a person. Video surveillance systems are considered in two aspects, as a source of identification information used in the identification of a person and as a means (tool) of non-procedural identification of a person. The author has proposed measures aimed at improving the quality of non-procedural identification of the person – improving the organization of the formation and conduct of operational-search data banks by internal affairs bodies, the normative fixing of specific requirements for the technical characteristics of video surveillance systems, which are important for obtaining high-quality video information in the process of solving a crime.

Keywords: operational-search activity; operational identification; identification of a person; video surveillance systems; video identification.

Современный период характеризуется динамичным развитием информационных технологий и их активным внедрением во все сферы жизнедеятельности общества, включая правоохранительную деятельность. К числу интенсивно развивающихся средств противодействия преступности следует отнести системы видеонаблюдения. Благодаря массовому установлению камер видеонаблюдения в общественных местах, становится возможным удаленное визуальное наблюдение за ходом событий на все больших территориях. С ростом количества камер видеонаблюдения соответственно уменьшаются объемы «слепых» зон, в которых человек

может оставаться в режиме «инкогнито», а его действия могут быть незамеченными. Это создает эффект присутствия, который способствует предупреждению преступлений. Что касается уже совершенных преступлений, то системы видеонаблюдения служат своего рода инструментарием установления и изобличения преступников, поскольку технические возможности позволяют не только зафиксировать событие преступления, но и отождествить лицо, его совершившее. Рекомендации по использованию систем видеонаблюдения для непроцессуального отождествления личности при раскрытии отдельных видов преступлений должны включаться в содержание частных оперативно-розыскных методик [10, с. 13–17].

Под отождествлением личности мы понимаем оперативно-розыскное мероприятие (далее – ОРМ), которое предусмотрено ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») и представляет собой установление лиц, причастных к преступной деятельности либо находящихся в розыске, путем непроцессуального опознания личности по внешности, походке и другим приметам [9, с. 43]. Посредством проведения данного ОРМ могут добываться идентификационные данные об отождествляемом лице (ФИО, дата и место рождения и др.), а также устанавливаться связь данного лица с событием преступления.

Отождествление личности, осуществляемое с использованием современных технологий видеонаблюдения, пока еще целенаправленно не исследовалось в оперативно-розыскной науке, несмотря на то, что оно достаточно активно используется в оперативно-розыскной практике. Об этом свидетельствуют статистические данные МВД России, согласно которым путем использования систем видеонаблюдения в 2018 г. в Алтайском крае было раскрыто 161 преступление, в Хабаровском крае – 78 преступлений, в Краснодарском крае – 78, в Омской области – 14, в Республике Саха (Якутия) – 27 преступлений. Самая крупная система видеонаблюдения в нашей стране находится в г. Москве, где в 2018 г. с помощью видеонаблюдения было раскрыто около 3,5 тыс. преступлений. В ходе проведенного нами анкетирования сотрудников оперативных подразделений установлено, что 78 % респондентов проводили ОРМ «Отождествление личности» по видеозаписи, а 16 % респондентов указали, что данное ОРМ они проводили с использованием систем видеонаблюдения, входящих в аппаратно-программный комплекс (далее – АПК) «Безопасный город». Учитывая вышеизложенное, исследование возможностей использования систем видеонаблюдения в непроцессуальном отождествлении личности, которые способствуют повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений, является актуальным.

Полагаем, что системы видеонаблюдения, используемые сотрудниками оперативных подразделений при проведении непроцессуального отождествления личности, необходимо рассматривать в двух аспектах: во-первых, как источник идентификационной информации о лицах, которые представляют оперативный интерес и которых необходимо установить, а во-вторых, как средство (инструмент) непроцессуального отождествления личности.

Рассматривая системы видеонаблюдения как источник идентификационных признаков лиц, представляющих оперативный интерес, отметим, что система видеонаблюдения – это совокупность программных и аппаратных средств, которая помимо прочего включает в себя устройства записи и хранения видеоизображения, поступающего с камер видеонаблюдения. Таким образом, системы видеонаблюдения имеют функцию хранения визуальной информации, поступившей через объективы камер видеонаблюдения. Соответственно, системы видеонаблюдения способны зафиксировать и сохранить информацию, относящуюся к событию преступления, включая идентификационные признаки лиц, имеющих отношение к совершенному преступлению. Информация об идентификационных признаках внешности человека, сохранившаяся в системах видеонаблюдения, может быть использована с целью их отождествления.

Системы видеонаблюдения способны зафиксировать и сохранить следующие идентификационные признаки внешности человека:

– общефизические – признаки, характеризующие человека как биосоциальное существо, к которым относятся пол, возраст, антропологический тип человека (европеоид, азиат и т. д.), физическое состояние (больной, здоровый) [16, с. 99].

– анатомические – признаки наружного строения тела человека и его частей и покровов (телосложение, особенности строения конечностей, головы, лицевой области) [16, с. 100].

– функциональные (динамические) – признаки, проявляющиеся в жизнедеятельности человеческого организма, обеспечивающие общение человека с окружающей средой, к которым относятся поза, осанка, походка, мимика, жестикауляция и т. д. [15, с. 100].

Характеристиками систем видеонаблюдения, которые необходимо учитывать при решении идентификационных задач в ходе раскрытия преступлений, являются качество видеоизображения, а также срок хранения изображения.

Качество видеоизображения – это оценочная характеристика, которая отражает степень детализации видеоизображения. Качество видеоизображения измеряется совокупностью значений разрешения, глубины цвета, скорости видеопотока и др. Отметим, что данная характеристика является ахиллесовой пятой систем видеонаблюдения, которая существенно ограничивает возможности по решению идентификационных задач. По результатам проведенных отдельных исследований в 2015 г. А. М. Зинин и Н. Н. Ильин сделали вывод, что видеоаппаратура не рассчитана на запечатление лица человека в деталях и полученные с ее помощью изображения для идентификации по признакам внешности обычно непригодны. Связано это с тем, что видеоизображения могут недостаточно детализированно отображать внешний облик человека, а именно недостаточно детализированно отображаются играющие основную роль при отождествлении личности по признакам внешности лицевой части средние и мелкие элементы лица – глаза, брови, нос, рот, зубы, волосы и другие [13, с. 38; 14, с. 23]. Следует согласиться с тем, что указанное обстоятельство является существенным недостатком, тем не менее, на видеозаписи даже с низкой детализацией могут отображаться такие идентификационные признаки, как пол, возраст, телосложение, рост, наличие волосяного покрова на голове, одежда, особенности походки и другие. Эти признаки могут быть достаточны для опознания с определенной степенью вероятности, что в целом может способствовать раскрытию совершенного преступления. Полагаем также, что прогрессивное развитие технологий видеонаблюдения со временем исчерпает проблему, связанную с качеством видеоизображений. Уверенность в этом придает и проводимая государством политика по обеспечению общественной безопасности и правопорядка, которая предусматривает реализацию мер по широкому внедрению в эксплуатацию систем видеонаблюдения в общественных местах с возможностью идентификации и распознавания лиц на основе передовых технических разработок. Провозглашенная политика уже сегодня находит свое отражение в утвержденных Правительством РФ требованиях к техническим параметрам систем видеонаблюдения, входящих в АПК «Безопасный город» и в системы обеспечения безопасности объектов транспортной инфраструктуры [2; 3; 4].

Еще одной важной характеристикой систем видеонаблюдения, имеющей отношение к непроцессуальному отождествлению личности, является срок хранения видеоизображения. Срок хранения видеоизображений, полученных с камер видеонаблюдения, зависит от конфигурации видеосистемы и обычно варьируется от 1 дня до 1 месяца. Таким образом, при получении информации о преступлении, событие которого могло попасть в объективы видеокамер, сотрудникам оперативных подразделений необходимо ставить в качестве приоритетных задач определение мест, с которых ведется видеонаблюдение, установление владельца системы видеонаблюдения, изъятие записей с камер видеонаблюдения за интересующий период времени для дальнейшего изучения и использования.

В ходе анализа материалов уголовных дел выявлено, что видеоизображение лица, в опознании которого возникла необходимость, может использоваться при непроцессуальном отождествлении личности следующими способами:

– предъявление видеозаписи (либо фотоснимка из видеозаписи) для опознания лицу, ранее контактировавшему с человеком, опознать которого необходимо;

– биометрическая идентификация, а именно информационный поиск лица по криминалистическим и оперативно-розыскным учетам по признакам внешности, отраженным на добытой видеозаписи. Данный способ может осуществляться посредством информационно-поисковых систем (например, АИПС «Портрет-Поиск», АПК «СОВА»).

Рассмотрим несколько примеров реализации вышеуказанных способов непроцессуального опознания лиц по видеоизображению.

Так, в г. Сыктывкаре (Республика Коми) гр-н М. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 161 УК РФ (грабеж). Находясь в помещении магазина, он открыто похитил бутылку коньяка стоимостью 628 руб. В процессе раскрытия указанного преступления было проведено ОРМ «отождествление личности», в ходе которого очевидцу преступления – гр-ну А. было предъявлено видеоизображение гр-на М. с камеры видеонаблюдения, установленной в помещении магазина. По данному видеоизображению гр-н А. опознал гр-на М. как преступника*.

Характерным примером использования биометрической идентификации для установления лица, совершившего преступление, является уголовное дело, рассмотренное в 2019 г. Симоновским районным судом г. Москвы. Из приговора следует, что гр-н П. совершил преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (покушение на кражу), путем попытки снятия денежных средств с чужой банковской карты в магазине «Азбука вкуса». Хищение не было доведено до конца ввиду неверно введенного пин-кода банковской карты. В ходе расследования преступления сотрудниками полиции были изучены записи видеонаблюдения, посредством которых обнаружено предполагаемое лицо, осуществившее незаконную попытку снятия денежных средств с банковской карты. Видеоизображение указанного лица было передано в подразделение оперативно-розыскной информации МВД РФ для его идентификации. В результате проведенного ОРМ «Отождествление личности» путем биометрической идентификации была установлена личность гр-на П., совершившего преступление**.

Следует подчеркнуть, что результаты отождествления личности рассмотренными способами обеспечиваются качеством видеозаписи, от которой зависит уровень детализации отображенных на ней признаков внешности опознаваемого, а также полнотой баз данных криминалистических и оперативно-розыскных учетов. Признавая значимость идентификации преступника в раскрытии и расследовании преступлений, мы считаем целесообразным принятие ряда мер, направленных на повышение эффективности использования камер видеонаблюдения в непроцессуальной идентификации личности.

В частности, требуется законодательное закрепление конкретных требований к техническим компонентам видеонаблюдения на объектах, имеющих высокую степень угрозы совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Правительством РФ в настоящее время делаются определенные шаги к реализации подобных мер. Так, в июне 2019 г. Минэкономразвития России внес на рассмотрение проект постановления Правительства Российской Федерации, который предусматривает оснащение системой видеонаблюдения определенных объектов (территорий) предпринимательской деятельности в интересах антитеррористической защиты [5]. Однако в указанном проекте не содержится каких-либо технических требований к системе видеонаблюдения, что, по нашему мнению, является недостатком – отсутствие таких требований не может гарантировать установку оборудования, которое пригодно для идентификации лиц по видеоизображению.

* Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 23 мая 2019 г. по делу № 1–630/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

** Приговор Симоновского районного суда г. Москвы от 15 июля 2019 г. по делу № 1–200/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Немного лучше обстоит дело с нормативно-правовым регулированием системы безопасности на объектах проведения официальных спортивных соревнований. Части 9 и 10 ст. 37 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [4] предъявляют определенное требование к системам видеонаблюдения, устанавливаемым на указанных объектах, в частности, системы видеонаблюдения должны позволять производить идентификацию физических лиц. Однако наличие такой обтекаемой формулировки, по нашему мнению, не является достаточным для эффективного решения задачи по обеспечению безопасности общества и правопорядка, так как конкретные технические требования к видеоизображению в законе не прописаны. Каких-либо подзаконных актов по этому вопросу мы не обнаружили.

Наиболее удачно ряд условий к техническим характеристикам систем видеонаблюдения сформулированы во Временных единых требованиях к техническим параметрам сегментов аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» [7]. Указанным документом предусмотрены конкретные технические характеристики к видеоизображению, регистрируемому системой видеонаблюдения: разрешение регистрируемого изображения, глубина резкого отображаемого пространства, динамический диапазон интенсивности изображения в области лица, дисторсия и т. п. Кроме того, имеются требования к архивированию результатов работы систем видеонаблюдения, среди которых требование к глубине видеопотока, которая должна составлять не менее 30 суток. Подобные требования реально смогут обеспечить наивысшую эффективность использования систем видеонаблюдения в выявлении и раскрытии преступлений, обнаружении лиц, находящихся в розыске. Аналогичные требования целесообразно предъявлять и для других систем видеонаблюдения, специально предназначенных для обеспечения общественной безопасности и правопорядка.

Представляется, что для повышения эффективности использования камер видеонаблюдения в непроцессуальной идентификации личности целесообразно принятие ряда мер по совершенствованию правовой основы обработки (в том числе сбора) биометрических персональных данных о гражданах для решения задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Напомним, что именно посредством обработки (сбора) биометрических данных реализуется ранее указанный способ непроцессуального отождествления личности, заключающийся в информационном поиске лица по признакам внешности, отраженным на добытой видеозаписи. С позиции конституционного законодательства обработка (сбор) биометрических данных в ОРД без согласия гражданина является ограничением прав человека, включая право на неприкосновенность частной жизни, на личную тайну (ст. 23 Конституции РФ), а также право на недопустимость использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия (ст. 24 Конституции РФ). Однако, по нашему мнению, ограничение указанных конституционных прав граждан в рассматриваемой ситуации допустимо на основании положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, так как вызвано необходимостью обеспечения защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. При этом условия (правила) подобных ограничений, как нам видится, должны быть четко регламентированы законом.

Общие правила обработки (сбора) биометрических данных содержатся в положениях Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», в соответствии с которым биометрические данные являются отдельным видом персональных данных о гражданах и имеют особый правовой режим. В соответствии с ч. 2 ст. 11 указанного закона обработка (сбор) биометрических данных лиц в случаях, предусмотренных законодательством об ОРД, может осуществляться без их согласия, но в ФЗ «Об ОРД» каких-либо упоминаний об обработке (сборе) таких данных не имеется. Таким образом, конкретные условия обработки (сбора) биометрических данных в рамках ОРД не сформулированы. Для устранения законодательного пробела, по нашему мнению, представляется рациональным внесение изменений в ФЗ «Об ОРД», которые бы прямо предусматривали возможность получения (добывания)

и использования биометрических данных граждан в ходе проведения ОРМ для решения задач ОРД.

Еще одним пробелом нормативно-правового регулирования сбора и обработки биометрической информации о гражданах является отсутствие соответствующих нормативных актов на уровне МВД России, регламентирующих единый порядок сбора биометрической информации (лицевая область головы, телосложение, походка и др.), добытой в ходе ОРМ с целью формирования или пополнения соответствующих централизованных оперативно-розыскных учетов, используемых для решения задач ОРД, в том числе для непроцессуального отождествления лиц, представляющих оперативный интерес. В настоящее время данная проблема решается самостоятельно отдельными территориальными органами МВД России регионального уровня путем издания приказов, распоряжений и указаний. Такой подход к организации сбора и обработки биометрической информации влечет за собой снижение эффективности формирования баз данных, применяемых при отождествлении лиц с использованием оперативно-розыскных учетов, и, как следствие, приводит к недостаточной результативности осуществляемых идентификационных мероприятий. Так, в ходе проведенного нами интервьюирования сотрудники подразделений ОРИ оценили пополнение и обновление баз данных, используемых для непроцессуального отождествления лиц, как неудовлетворительное. На данную проблему ранее указывали А. Ю. Арефьев и А. Ю. Архипов [6, с. 165–171]. Таким образом, разработка вышеуказанного нормативно-правового акта на уровне МВД России будет способствовать улучшению качества информационного обеспечения ОРД и повышению эффективности идентификации лиц, представляющих оперативный интерес.

Как было указано ранее, система видеонаблюдения может быть рассмотрена не только как источник идентификационной информации, но и как средство (инструмент) непроцессуального отождествления личности. Данный аспект использования систем видеонаблюдения в непроцессуальном отождествлении личности в рамках оперативно-розыскной науки практически не исследовался, так как речь идет об относительно новой технологии, а именно о видеоидентификации, которая подразумевает автоматизированную идентификацию физических лиц, являющихся объектами видеонаблюдения при их перемещении через заданные контрольные зоны [4]. Так, системы видеонаблюдения позволяют отождествлять граждан по лицу, телосложению, росту и походке [17, с. 87–90].

Данная технология быстрыми темпами распространяется во всем мире. К странам, занимающим лидирующие позиции в области применения видеоидентификации, относятся Китай, США, Великобритания, Япония. Например, в Китае в начале 2018 г. количество камер видеонаблюдения составляло свыше 170 млн к концу 2020 г. число камер с функцией идентификации личности планируется довести до 400 млн [8, с. 111–116]. В США распознавание лиц по видеоизображению в целях обеспечения безопасности применяется, в частности, в школах и летних лагерях*. Системы видеонаблюдения с функцией идентификации в указанных странах активно используются и правоохранительными органами.

В нашей стране технологии видеоидентификации также динамично развиваются. Особенно высокие темпы развития отмечаются в Московской области. Так, по данным ГУОООП МВД России, по состоянию на 2016 г. в Московской области установлена 21 камера видеонаблюдения с функцией идентификации [11, с. 139–142]. В Москве в настоящее время насчитывается около 3 тыс. таких камер. АПК «Безопасный город» с входящими в его состав камерами видеонаблюдения с функцией распознавания лиц активно используется сотрудниками ОВД в раскрытии преступлений. Например, по г. Москве с января по октябрь 2019 г. с помощью систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц было раскрыто 3249 преступле-

* Facial recognition tech comes to schools and summer camps // The wall street journal. URL: <https://www.wsj.com/articles/facial-recognition-goes-to-camp-11564479008> (дата обращения: 06.12.2019).

ний*. Данные системы отчасти автоматизировали процесс поиска преступников, который ранее осуществлялся путем инструктажа личного состава ОВД по приметам разыскиваемых с дальнейшим патрулированием мест их вероятного появления. Это существенно снизило нагрузку на личный состав правоохранительных органов**.

В качестве отдельного преимущества видеоидентификации отметим, что данная технология позволяет одновременно с распознаванием лица получать информацию о текущем местоположении опознанного преступника, что обусловлено определенной дислокацией камер видеонаблюдения, в обзор которых попадает искомым объект.

Однако есть и обратная сторона массового внедрения в общественную жизнь рассматриваемых технологий, а именно: внедрение систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц вне ОРД таит в себе угрозу злоупотреблений использованием функционала данных систем, которые могут привести к нарушениям конституционных прав граждан. Учитывая положения ст. 23 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, под указанными злоупотреблениями мы понимаем применение данных систем в таких направлениях, которые не связаны с защитой конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, безопасности государства, либо применение таких систем в указанных направлениях, но с причинением вреда объектам наблюдения, который неоправдан важностью защищаемого интереса. Данная проблема усугубляется наличием множества пробелов в нормативном регулировании использования систем видеонаблюдения в общественных местах.

Указанные обстоятельства являются предметом дискуссий в международном сообществе. Основное беспокойство вызывает возможность необоснованной массовой слежки за гражданами. Например, в Калифорнии (штат США) это обстоятельство послужило причиной запрета массового использования видеоидентификации государственными органами. В связи с этим некоторыми странами (Китай, страны Евросоюза) принимаются меры по разработке и внедрению стандартов видеонаблюдения с использованием технологии распознавания лиц***. Мы полагаем, что разработка и принятие подобных стандартов необходимы и в нашей стране. Такие стандарты должны содержать конкретный перечень направлений использования систем видеонаблюдения, а также такие правила хранения и обработки видеoinформации, которые будут гарантировать недопустимость использования видеонаблюдения, нарушающего конституционные права и свободы граждан.

Рассматривая перспективы развития технологии видеоидентификации в ОРД, обратим внимание на наличие нескольких видов алгоритмов видеоидентификации человека по его лицу, которые могут быть использованы в расследовании и раскрытии преступлений, в частности алгоритмы 2d- и 3d-распознавания. Основная разница между двумя алгоритмами распознавания состоит в том, что алгоритмы 2d-распознавания используют в ходе сравнения (сличения) «плоские» изображения опознаваемого и искомого объектов («текстуры» лицевой области человека), а программные алгоритмы 3d-распознавания при сравнении (сличении) в качестве указанных объектов используют не только «текстуры» лица, но и «объемные» модели (форму) лицевой области человека. Реализация 3d-распознавания требует использования более высокотехнологичного оборудования, способного построить цифровую трехмерную модель лица человека, которая будет использоваться для идентификации. Для этого необходимо установление нескольких синхронизированных между собой камер видеонаблюдения, расположенных на определенном расстоянии друг от друга (применение метода «стереозрения»), либо установление дополнительной «сенсорной системы», проецирующей внешний свет на

* URL: <https://tass.ru/moskva/7076636> (дата обращения: 06.12.2019).

** Там же.

*** Китай научит мир слежке // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4180978> (дата обращения: 06.12.2019).

поверхность объекта, посредством которого происходит сканирование его формы (применение метода лазерного сканирования либо структурированной световой коррекции) [7, с. 64].

Преимуществом 3d-распознавания является более высокая точность идентификации человека. В ходе проведенного С. В. Щербичем исследования установлено, что вероятность отождествления при использовании технологий 2d-распознавания снижается почти вдвое, если опознаваемый повернул свое лицо в сторону от объектива камеры видеонаблюдения на 15 градусов. Если человек повернет лицо в сторону от камеры видеонаблюдения на 30 градусов, то вероятность его идентификации составит всего 10 %, в то время как вероятность идентификации с помощью 3d-алгоритма в этих же условиях снижается лишь на 5 % [17, с. 87–90]. Превосходство алгоритмов 3d-распознавания очевидно. Данные технологии достаточно успешно реализуются и в нашей стране, например, разработчиком и производителем систем видеонаблюдения и видеоаналитики «Вокорд». Разработки данной компании внедряются и в АПК «Безопасный город» [12, с. 35–45].

На основании вышеизложенного мы полагаем, что уже сейчас актуально внедрение технологий 3d-распознавания в оперативно-розыскную деятельность ОВД, что подразумевает соответствующее материально-техническое обеспечение, а также формирование и ведение банков данных 3d-моделей лиц. Реализация данных технологий в ОРД позволит более эффективно использовать системы видеонаблюдения в «оперативной идентификации» лиц, причастных к преступлениям, и в целом повысит уровень обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Подводя итоги исследования, можно констатировать следующее.

1. В ходе непроцессуального отождествления личности системы видеонаблюдения используются оперативными подразделениями как источник идентификационной информации об опознаваемом лице и как средство (инструмент) непроцессуального отождествления личности, предполагающее видеоидентификацию.

2. Повышение эффективности использования камер видеонаблюдения в ОРД возможно при некоторых условиях: во-первых, это разработка и принятие единых стандартов использования систем видеонаблюдения в общественных местах; во-вторых, совершенствование правовой основы обработки биометрических персональных данных в ОРД; в-третьих, кардинальное изменение подходов к формированию и качеству оперативно-розыскных учетов ОВД, используемых для отождествления лиц; в-четвертых, ужесточение нормативных требований к техническим параметрам систем видеонаблюдения, специально предназначенных для обеспечения общественной безопасности и правопорядка; в-пятых, внедрение в ОВД новых перспективных технологий видеоидентификации.

Литература

1. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 21.07.2014). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении требований к функциональным свойствам технических средств обеспечения транспортной безопасности и Правил обязательной сертификации технических средств обеспечения транспортной безопасности: постановление Правительства РФ от 26 сентября 2016 г. № 969. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»: утверждена распоряжением Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 2446-р (ред. от 05.04.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Временные единые требования к техническим параметрам сегментов аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»: утверждены МЧС России 29 декабря 2014 г. № 14–7–5552. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) принимающей деятельности и формы паспорта безопасности объекта (территории) предпринимательской деятельности: проект Постановления Правительства Российской Федерации. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npr=92209> (дата обращения: 01.11.2019).

6. Арефьев А. Ю., Архипов А. Ю. Проблемы организационно-правового функционирования банков данных фотовидеоинформации в решении задач оперативно-розыскной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 5–6.
7. Бацева Д. А., Белов Ю. С. Активные технологии моделирования головы человека // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 3.
8. Буткевич С. А. Система социального кредита в Китайской Народной Республике в зеркале криминологии // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1.
9. Вагин О. А., Исиченко А. П., Четчин А. Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М.: Деловой двор, 2009.
10. Давыдов С. И. О реализации ситуационного подхода в разработке методик раскрытия преступлений // Оперативник (сыщик). 2014. № 2 (39).
11. Елисеев А. В., Агафонов С. И. К вопросу о правоохранительном сегменте АПК «Безопасный город» // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7.
12. Заварикин Д. Н., Кадейшвили А. А., Коробкова С. В. и др. Биометрические технологии компании «ВОКОРД» // Вестник Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. Сер. Приборостроение. 2011. № 8.
13. Зинин А. М. Внешность человека в криминалистике и судебной экспертизе: монография. М.: Юрлитинформ, 2015.
14. Ильин Н. Н. Теоретические и практические основы следственной идентификации человека по видеоизображениям: монография. М.: Юрлитинформ, 2016.
15. Криминалистика: учебник / В. А. Жбанкова [и др.]. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2012.
16. Криминалистические средства и методы собирания доказательств: учеб. пособие / Е. П. Ищенко [и др.]. М.: Проспект, 2016.
17. Щербич С. В. Биометрические технологии в системах видеофиксации преступлений и правонарушений // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 2 (5).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.22

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ТРЕБОВАНИЯ О ПРИЗНАНИИ ВЕЩНОГО ПРАВА ИЛИ ОБРЕМЕНЕНИЯ ОТСУТСТВУЮЩИМ

Владимир Анатольевич Болдырев, профессор кафедры Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, доцент

E-mail: vabold@mail.ru

Приводятся различные доктринальные подходы к требованию о признании вещного права или обременения отсутствующим. Автор доказывает, что вывод высших органов отечественного правосудия о том, что иск о признании права или обременения отсутствующим является негаторным, взвешен, справедлив, соответствует буквальному тексту закона и его духу. Конструируя норму о негаторном иске, разработчики законодательного акта не оперировали терминами «пользование» и «распоряжение», то есть не сочли необходимым указать, что основанием заявления требования об устранении нарушения вещного права, не связанного с лишением владения, могут быть препятствия к пользованию или распоряжению. Данное обстоятельство не случайно, ибо современность показывает, что грань между пользованием и распоряжением очень тонка.

Ключевые слова: право собственности; способ защиты; признание права отсутствующим; негаторный иск; негативное признание; иск о признании; вещное право; обременение.

LEGAL NATURE OF THE REQUIREMENT TO RECOGNIZE A REAL RIGHT OR ENCUMBRANCE AS ABSENT

Vladimir Anatolevich Boldyrev, professor of the Department of the Perm State National Research University, Doctor of Law, Associate Professor

Various doctrinal approaches to the requirement of recognition of property law or encumbrance as absent are given. The author proves that the conclusion of the supreme bodies of domestic justice that the claim for recognition of the right or encumbrance as absent is negative-balanced, fair, consistent with the literal text of the law and its spirit. When constructing norm about the negatory lawsuit, the drafters of the legislative act did not use the terms «use» and «disposition», that is, they did not consider it necessary to indicate that the basis for the statement of claim to eliminate a violation of property law not related to deprivation of possession could be

obstacles to use or disposal. This circumstance is not accidental, because modernity shows that the line between use and disposition of property is very thin.

Keywords: property right; method of protection; recognition of right absence; negative claim; negative recognition; recognition lawsuit; property law; encumbrance.

Попытки вписать признание права или обременения отсутствующим в число давно известных способов защиты субъективных гражданских прав предпринимались в современной российской цивилистике целым рядом авторов. На первоначальном этапе такое положение дел обусловлено действием двух факторов.

Во-первых, тем обстоятельством, что признание права или обременения отсутствующим не было названо в законе в принципе и, соответственно, соблазн отнести его к определенному виду «легальных» способов защиты гражданских прав было трудно преодолеть вследствие производности или, по крайней мере, прямой зависимости цивилистической науки от нормативного материала. Понятно, что, поскольку к настоящему времени признание права собственности отсутствующим прямо названо в специальных нормах действующего законодательства, значимость первого фактора, задающего вектор поиска природы рассматриваемого явления, сейчас не столь велика.

Во-вторых, стремление определить природу иска о признании права или обременения отсутствующим оказалось напрямую связано с проблемой сугубо практического характера – применимым к соответствующим требованиям сроком исковой давности. «Неопределенность правовой природы признания зарегистрированного права (обременения) отсутствующим как способа защиты гражданских прав негативно отражается на процедуре защиты зарегистрированных прав на недвижимое имущество в целом, в том числе в связи с применением (неприменением) сроков исковой давности, поставленным в зависимость от факта владения спорным имуществом», – отмечает И. М. Морева [10, с. 72]. Действительно, отнесение рассматриваемого иска к числу негативных исков автоматически означало невозможность применения к соответствующим требованиям срока исковой давности.

Подход к решению проблемы был официально предложен Высшим арбитражным судом Российской Федерации в довольно категоричной форме: «Иск о признании права отсутствующим арбитражным судом удовлетворен, поскольку истец является владеющим собственником недвижимости, право которого зарегистрировано в ЕГРП. Исковая давность на требование владеющего и реестрового собственника не распространяется, так как оно является разновидностью негативного иска (ст. 208 ГК РФ)» [4].

После упразднения высшего органа экономического правосудия накопленный опыт оценки названных требований как негативных получил закрепление в акте официального толкования права: «Исковая давность не распространяется на требования, прямо предусмотренные статьей 208 ГК РФ. К их числу относятся требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, если эти нарушения не были соединены с лишением владения, в том числе требования о признании права (обременения) отсутствующим» [3].

Следует отметить, что предложенный подход подвергался критике в теоретических изысканиях, в частности в кандидатской диссертации К. Р. Файзрахманова: «Признание вещного права отсутствующим входит в систему вещно-правовых средств защиты гражданских прав. При этом критически следует оценивать преобладающий в науке и судебной практике подход к квалификации исследуемого средства в качестве негативного, а равно предложение считать его полноценным самостоятельным способом защиты» [17, с. 10]. Автор отмечает: «...Одно из ключевых различий между негативным притязанием и признанием права или обременения отсутствующим обнаруживается на уровне правовых целей. Если в первом случае потенциал правовой защиты направлен на устранение делящихся неправомерных фактических действий,

то во втором – связан с устранением правовой неопределенности в принадлежности титула или свойств объекта имущественных прав» [18, с. 117].

С чем можно безоговорочно согласиться в суждениях К. Р. Фазрахманова, так это с тем, что «рассматриваемое средство тесно связано с межотраслевым институтом государственной регистрации прав на недвижимое имущество, являясь механизмом судебного опровержения зарегистрированного права» [16, с. 160].

В конечном итоге К. Р. Файзрахманов приходит к выводу о «единой природе положительного и отрицательного признания вещных прав» [18, с. 120]. Данный вывод, по его мнению, относится не только к теоретической, но и практической стороне проблемы: «В процессе правоприменения заявленное требование о признании вещного права отсутствующим (правовое средство) следует квалифицировать в качестве разновидности признания права как способа защиты» [17, с. 26].

На той же принципиальной позиции стоит Н. Н. Далбаева: «Представляется, что признание права или обременения отсутствующим не обладает степенью нетождественности, требующей его закрепления на уровне самостоятельного способа защиты гражданских прав. Во всяком случае, сторонниками признания данного способа защиты гражданских прав самостоятельным не обнаружены принципиально новые качества, не позволяющие рассматривать его в качестве разновидности признания вещного права» [5, с. 17].

В похожем ключе мыслит Е. С. Леонова: «Отсутствие нормы, закрепленной на законодательном уровне об иске о признании права отсутствующим, приводит к его квалификации в качестве разновидности негативного иска. В целях совершенствования правового регулирования целесообразно внести изменения в положения о вещном праве в части отнесения отрицательного иска о признании к разновидности положительного иска о признании вещного права» [9, с. 53].

Ссылаясь на официальные разъяснения, Ю. М. Савченко отмечает, что «судебной практикой установлена возможность существования отрицательного иска о признании, а именно о признании права отсутствующим» [14, с. 261].

Традиционным для юридической науки является деление исков на иски о признании и о присуждении. Спорным является выделение так называемых преобразовательных (конститутивных) исков, под которыми понимаются иски о прекращении, об изменении, а в некоторых случаях и о возникновении нового материального правоотношения.

Относительно последних С. Н. Хорунжий пишет: «Решение суда является юридическим средством защиты прав лица, а вступление его в законную силу – условием восстановления нарушенных прав и реализации преобразовательных полномочий лица, обратившегося в суд. Данный способ защиты субъективного гражданского права полностью укладывается в рамки решений, выносимых по результатам рассмотрения исков о признании и о присуждении» [19, с. 92].

Казалось бы, отнесение требований о признании права отсутствующим к числу исков о признании не вызывает никаких сомнений, следовательно, осуществленное выше упоминание преобразовательных исков лишено какого бы то ни было смысла. Однако в исках о признании права собственности отсутствующим, если он касается части объекта рукотворной или нерукотворной недвижимости, имеются явные черты преобразовательных исков, поскольку в результате их удовлетворения часто происходит «распадение» одного объекта гражданских прав на несколько, а значит и трансформация вещных отношений.

Позиция, согласно которой иск о признании права отсутствующим является негативным, подвергается критике Т. П. Подшиваловым: «Такое мнение кажется нам крайне нелогичным, поскольку негативный иск направлен на устранение фактических преград к нормальному пользованию недвижимой вещью. Наличие регистрационной записи за другим лицом является юридической помехой, которая никак не затрудняет пользование недвижимостью.

Подобная запись создает препятствие к реализации правомочия распоряжения, которое заключается в возможности определять судьбу вещи» [12, с. 77].

А. С. Тубольцев, соглашаясь с возможностью оценки анализируемых требований как негативных, поясняет: 1) «иск о признании права отсутствующим, предъявленный владеющим собственником, направленный на исключение соответствующей записи из ЕГРП, является разновидностью негативного иска»; 2) «иск о признании права отсутствующим является отличным от иска о признании права и виндикационного иска»; 3) «в случаях, когда иск о признании права отсутствующим предъявляется не владеющим спорным объектом недвижимости лицом, право собственности которого на данный объект недвижимости к тому же не зарегистрировано, такой иск является не относящимся к перечисленным в ст. 12 ГК РФ, самостоятельным способом защиты» [15, с. 45].

С негативной природой иска о признании права отсутствующим соглашается Т. О. Докучаева [6, с. 127].

Дальше идет В. А. Петрушкин, отмечающий применение на практике способов защиты гражданских прав, «которые, по сути, диаметрально противоположны способам, закрепленным в законе» [11, с. 138]. Он считает и иски о признании права, и иски о признании права (обременения) отсутствующим разновидностью негативных требований [11, с. 137]. Подчеркнем, что позитивный иск о признании права также относится данным автором к числу негативных.

Интересную и вместе с тем не только гибкую, но и несколько неопределенную позицию занимает А. Д. Корецкий: «Указания пленумов на возможность предъявления иска о признании права отсутствующим, если данное право зарегистрировано в ЕГРП и у истца отсутствует возможность защитить свои интересы путем предъявления исков о признании права или истребовании имущества из чужого незаконного владения, в совокупности с отсутствием в ст. 235 ГК РФ упоминания о возможности прекращения права собственности на основании одного только судебного решения свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что рассматриваемый способ защиты является частной формой восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и именно в этом качестве подлежит применению в отношениях, связанных с защитой вещных прав» [7, с. 8].

Действительно, в ст. 12 ГК РФ говорится, что защита гражданских прав осуществляется путем «восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения». На наш взгляд, в данной формулировке скрыто три способа защиты гражданских прав: 1) путем восстановления положения, существовавшего до нарушения права; 2) пресечения действий, нарушающих право; 3) пресечения действий, создающих угрозу нарушения права.

В первых двух случаях законодатель сознательно предоставил суду возможность принять такие меры, которые по обстоятельствам дела необходимы и которые невозможно с точностью указать в законе ввиду сложности и многообразности отношений, регулируемых гражданским правом. Рассматривая ситуацию удовлетворения негативного иска при выявлении нарушений, не связанных с лишением владения, можно с уверенностью сказать, что юрисдикционный орган в большей части случаев восстанавливает положение, существовавшее до нарушения права. Однако не к каждому случаю восстановления положения, существовавшего до нарушения права, может быть применена специальная норма ст. 208 ГК РФ, в силу которой исковая давность не распространяется на «требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения не были соединены с лишением владения (статья 304)». Именно поэтому умозрительная оценка признания права или обременения отсутствующим как разновидности восстановления положения, существовавшего до нарушения права, есть, по сути, не решение проблемы, а уход от такого решения.

Довольно лаконична и при этом не совсем понятна позиция Т. Ю. Кочетковой: «...Иск о признании права собственности касается всех вещей, а иск о признании права отсутствую-

ющим – недвижимого имущества. При таких обстоятельствах иск о признании права отсутствующим является самостоятельным способом защиты и разновидностью иска о признании права собственности. Если же быть точным и дабы избежать путаницы, то мы назвали бы его иском о признании зарегистрированного права отсутствующим» [8, с. 188]. Возникает вопрос: как самостоятельный способ защиты гражданских прав может быть разновидностью иска о признании права? Как нам представляется, автору следовало сделать выбор между двумя отраженными суждениями.

Полагаем, что вывод высших органов отечественного правосудия о том, что иск о признании права или обременения отсутствующим является негаторным, взвешен, справедлив, соответствует буквальному тексту закона и его духу.

Обращение к буквальному смыслу ст. 304 ГК РФ дает все основания сделать оценку требования о признании права или обременения отсутствующим как полностью подходящее под действие соответствующей нормы: «Собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения».

Конструируя норму, разработчики законодательного акта не оперировали терминами «пользование» и «распоряжение», то есть не сочли необходимым указать, что основанием заявления требования об устранении нарушения вещного права, не связанного с лишением владения, могут быть препятствия к пользованию или распоряжению. Данное обстоятельство не случайно, ибо современность показывает, что грань между использованием и распоряжением очень тонка.

К слову сказать, вопрос об установлении факта владения нерукотворной недвижимостью истцом решается на практике также не просто и неоднозначно. В связи с этим И. В. Попов, анализируя условия предъявления отрицательного иска о признании, отмечает: «... Если лицо не приступило к фактическому освоению земельного участка, не огородило его или иным образом не обозначило свое владение, то оно фактически не владеет этим земельным участком. Собственник владеет таким земельным участком, поскольку только он вправе в любой удобный для себя момент приступить к его освоению. Никакое иное лицо не имеет законных оснований для использования этого земельного участка. ... Кроме того, отсутствие хозяйственной деятельности на земельном участке либо свободный доступ к нему не означает владения земельным участком кем-либо другим» [13, с. 144].

Соглашаясь с выводом И. В. Попова, отметим, что в случаях предъявления публично-правовым образованием иска о признании права собственности отсутствующим, говорить о владении имуществом Российской Федерацией, ее субъектом или муниципальным образованием оказывается довольно сложно. Такое владение является следствием государственного суверенитета, и опровергаться оно должно ответчиком, который вправе представить доказательства собственного фактического господства над вещью.

Ранее упомянутое возражение противников позиции негаторной природы анализируемого иска, согласно которой препятствия к реализации вещного права при заявлении негаторного иска должны носить фактический характер, не принимается нами по причине умозрительного извлечения данного тезиса из права античного периода. Сегодня пользование вещью для определенных целей нередко требует выполнения целого ряда формальностей. Например, само по себе наличие нежилого помещения на праве собственности не дает его обладателю возможности осуществлять розничную продажу спиртных напитков – для этого требуется лицензия [2]. Равным образом обладание земельным участком, разрешенное использование которого позволяет осуществлять застройку, в подавляющем большинстве случаев не гарантирует возможность строительства в обход формальностей, предусмотренных градостроительным законодательством, в частности, минуя выдачу разрешений на строительство [1].

Следует понимать, что использование в актах правоприменения и официального толкования термина «негаторный иск» является приемом юридической техники, направленным

на сокращение объема текста и одновременно на формирование понятийного аппарата с современным смысловым наполнением, несколько отличным от древнеримского. Для тех, кто болеет за чистоту терминологического аппарата и историческую достоверность, можно было бы сказать и так: требования о признании права или обременения отсутствующим попадают под действие нормы ст. 304 ГК РФ, и, как следствие, в силу ст. 208 ГК РФ к ним не применяются сроки исковой давности.

Таким образом, оценка иска о признании права или обременения отсутствующим как негаторного (в современном значении данного термина) окончательно снимает с повестки дня вопрос о применении, а точнее, неприменении к соответствующим требованиям срока исковой давности.

Литература

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.
2. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.
3. О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.
4. Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15 января 2013 г. № 153 // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2013. № 4.
5. Далбаева Н. Н. Признание права отсутствующим в системе способов защиты гражданских прав // Пролог: журнал о праве. 2017. № 2.
6. Докучаева Т. О. Признание права отсутствующим как негаторный способ защиты права собственности // Вестник Международного юридического института. 2018. № 3 (66).
7. Корецкий А. Д. Признание права собственности отсутствующим как способ защиты гражданских прав // Актуальные проблемы частного правового регулирования общественных отношений: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д: Ростовский юрид. ин-т МВД России, 2016.
8. Кочеткова Т. Ю. Иск о признании права собственности отсутствующим как пример самосовершенствования и унификации судебной практики // Общество, право, личность. Методологические и прикладные проблемы: генезис, современность и будущее: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. И. А. Маньковский. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2017.
9. Леонова Е. С. Защита прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 13 (54).
10. Морева И. М. Правовая природа признания зарегистрированного права отсутствующим // Lex Russica. 2016. № 9 (118).
11. Петрушкин В. А. Иск о признании права (обременения) отсутствующим в системе способов защиты прав на недвижимость // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 4.
12. Подшивалов Т. П. Правовая природа иска об оспаривании зарегистрированного права на недвижимость // Журнал российского права. 2014. № 5 (209).
13. Попов И. В. О сфере применения иска и условиях удовлетворения требования о признании права или обременения отсутствующим // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 2.
14. Савченко Ю. М. Классификация способов защиты права собственности в судебном порядке // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Право. 2014. № 4.
15. Тубольцев А. С. Правовая природа иска о признании права отсутствующим // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 15.
16. Файзрахманов К. Р. Правовые цели иска о признании права или обременения отсутствующим: опыт инструментального подхода // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4.
17. Файзрахманов К. Р. Признание вещного права отсутствующим как правовое средство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016.
18. Файзрахманов К. Р. Признание права или обременения отсутствующим в системе способов защиты вещных прав // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4 (65).
19. Хорунжий С. Н. Виды исков как основание выделения конститутивных решений суда // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2007. № 2.

УДК 346.6

О ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Наталья Ароновна Богуславская, доцент кафедры Хабаровского государственного университета экономики и права, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: natabogus@mail.ru

В статье предложено определение финансовой поддержки, рассмотрена классификация мер финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, дан анализ статистической информации. Выявлены проблемы, возникающие при выделении бюджетных денежных средств в виде финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства, и предложены пути совершенствования.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства; государственные и муниципальные преференции и гарантии; финансовая поддержка; субсидии; бюджетные инвестиции.

ON FINANCIAL SUPPORT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES: SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION

Natalya Aronovna Boguslavskaya, department associate professor of the Khabarovsk State University of Economy and Law, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

In the article the definition of financial support is offered, the classification of measures of financial support of subjects of small and medium-sized businesses is considered, the analysis of statistical information is given. The problems arising at allocation of budgetary funds in the form of financial support to subjects of small and medium-sized business are revealed, and ways of improvement are offered.

Keywords: small and medium-sized businesses; state and municipal preferences and guarantees; financial support; subsidies; budget investments.

Осуществление предпринимательской деятельности субъектами малого и среднего предпринимательства в различных отраслях во многом зависит от условий и требований, предъявляемых к такой деятельности со стороны органов государственной власти федерального и регионального уровня, а также органов местного самоуправления.

Анализ статистических данных, размещенных на сайте Федеральной налоговой службы РФ, показывает, что происходит уменьшение доли зарегистрированных субъектов малого и среднего предпринимательства. Для сравнения: на ноябрь 2018 г. численность таких субъектов составляла 6001 091 единиц, а к ноябрю 2019 г. их число сократилось более чем на 107,9 тыс. единиц.

В Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства зарегистрировано всего 5893 148 таких субъектов, при этом основная доля приходится на Центральный федеральный округ (1807 661, что составляет 30,67 % от общего числа зарегистрированных) и Приволжский федеральный округ (1055 224, или 17,91 % от общего числа зарегистрированных), самые низкие показатели по зарегистрированным субъектам имеет Дальневосточный федеральный округ (311015, или 5,28 % от общего числа) и Северо-Кавказский федераль-

ный округ (199429, или 3,38 % от общего числа)*. Расчет доли юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые отнесены к микро-, малым и средним предприятиям, по отношению к общему числу зарегистрированных показывает, что доля юридических лиц по Российской Федерации в целом составляет 42,52 %, индивидуальных предпринимателей – 57,48 % (при этом, например, в Дальневосточном федеральном округе доля юридических лиц – 39,42 %, доля индивидуальных предпринимателей – 60,58 %). Очевидно, что препятствиями осуществления предпринимательской деятельности в Дальневосточном федеральном округе являются: высокие тарифы на электроэнергию; недостаточность собственных финансовых ресурсов для развития бизнеса в данном округе; малая доля субъектов от общего числа, которые получают финансовую поддержку (например, согласно данным Гарантийного фонда Хабаровского края, всего получили гарантийную поддержку в Хабаровском крае 682 единицы**); высокая стоимость кредитов; неразвитость инфраструктуры, в том числе длительная и дорогостоящая процедура подключения объектов капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения; недостаточность средств региональных и местных бюджетов для оказания финансовой поддержки и другие обстоятельства. Как справедливо отмечают некоторые авторы, учитывая скудность финансовой базы регионов и, тем более, муниципалитетов, в абсолютном большинстве случаев их программные мероприятия должны предполагать федеральное софинансирование [9, с. 145].

Кроме того, рассматривая соотношение доли микро-, малых и средних предприятий по отношению к общему числу субъектов предпринимательства, можно сделать вывод, что такие субъекты предпочитают чаще всего использовать такую форму организации деятельности, как микропредприятия. Об этом свидетельствуют данные об их количестве (95,89 % по отношению к общему числу зарегистрированных). Редко используют субъекты малого и среднего предпринимательства такие формы организации деятельности, как малые предприятия (3,82 % по отношению к общему числу зарегистрированных) и средние предприятия (0,29 % по отношению к общему числу зарегистрированных).

Частично исправить ситуацию может финансовая поддержка, которая должна стимулировать развитие субъектов малого и среднего предпринимательства, создавать условия для конкурентной среды и способствовать обеспечению занятости населения.

Финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, согласно Федеральному закону от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон № 209-ФЗ), рассматривается как одна из форм поддержки, наряду с имущественной, информационной, консультационной и иной поддержкой [2].

В статье 3 вышеназванного закона рассматривается категория «поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства», но не раскрывается понятие финансовой поддержки.

С учетом анализа действующего законодательства можно рассматривать финансовую поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства как деятельность органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, уполномоченных законодательством организаций, связанную с предоставлением напрямую и (или) опосредованно из федерального, регионального, местного бюджетов субсидий, бюджетных инвестиций, государственных и муниципальных гарантий в порядке и пределах, предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации.

Статья 17 названного закона предусматривает различные варианты такой поддержки, однако подробно не раскрывает ее условия, являясь, по сути, рамочной статьей. Поэтому на

* Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в реестре субъектов малого и среднего предпринимательства (данные по состоянию на 10 ноября 2019 г.). URL: <https://ofd.nalog.ru>

** Официальный сайт Гарантийного фонда Хабаровского края (данные по состоянию на 1 октября 2019 г.). URL: garantfond27.ru

практике приходится обращаться к широкому перечню нормативных правовых актов, которые регулируют данный вопрос, что создает дополнительные трудности для субъектов – получателей финансовой поддержки. К тому же условия предоставления такой поддержки не отличаются единообразием и стабильностью.

Классификация финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства позволяет выявить различия, обусловленные уровнем, порядком финансирования, формами поддержки:

– в зависимости от уровня финансирования: из федерального, регионального и местного бюджетов;

– в зависимости от порядка финансирования: напрямую из одного бюджета или опосредованно (например, из бюджета предоставляются субсидии кредитным организациям, микрофинансовым организациям, фондам, которые, в свою очередь, предоставляют в дальнейшем меры финансовой поддержки); путем финансирования из одного бюджета или софинансирования программ из нескольких видов бюджетов;

– в зависимости от формы, в рамках которой осуществляется предоставление финансовой поддержки: субсидия, бюджетные инвестиции, государственные и муниципальные гарантии. В распоряжении Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р предусмотрена более широкая трактовка форм финансовой поддержки, помимо вышеперечисленных, к ним отнесены также микрозаймы, кредиты на льготных условиях, поручительства [7]. Финансовая поддержка в виде микрозаймов, кредитов осуществляется путем выделения субсидий микрофинансовым организациям, коммерческим банкам, которые, в свою очередь, предоставляют микрозаймы, кредиты на льготных условиях субъектам малого и среднего предпринимательства. Региональные гарантийные организации могут также использовать поручительство как способ обеспечения исполнения обязательств.

Таким образом, условно формы финансовой поддержки можно поделить на невозвратные (например, субсидия) и возвратные (например, кредит). Кроме того, финансовая поддержка может быть прямая (например, субсидия, государственная и муниципальная гарантия) и косвенная (например, путем установления специальных налоговых режимов для субъектов малого и среднего предпринимательства);

– в зависимости от получателей финансовой поддержки – организации и индивидуальные предприниматели, которых, в свою очередь, необходимо подразделить на микропредприятия, малые и средние предприятия;

– в зависимости от органов и организаций, предоставляющих финансовую поддержку: органы государственной власти РФ, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления и организации, не являющиеся органами власти.

Участниками таких отношений могут являться организации, не являющиеся органами власти, например, АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», ее дочерние общества, АО «Российский экспортный центр» и другие субъекты. Также следует отметить, что определенные организации могут наделяться функциями агентов, например, агентом Правительства РФ является АО «Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства» [3, п. 5 ст. 18].

Финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства должна осуществляться в определенных формах. Остановимся на данном аспекте более подробно.

Бюджетный кодекс РФ (ст. 78) (далее – БК РФ) закрепляет такую форму финансовой поддержки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, как субсидия [1].

Субсидии следует классифицировать по следующим основаниям:

– в зависимости от условий предоставления – безвозмездный и безвозмездный характер предоставления (субсидия является разновидностью межбюджетного трансферта, при этом носит безвозвратный характер при отсутствии нарушений со стороны получателя средств);

– в зависимости от целей предоставления – возмещение недополученных доходов; возмещение затрат в связи с производством (реализацией) товаров, выполнением работ, оказанием услуг. Дальнейшая детализация может осуществляться по субъектам и видам предпринимательской деятельности. Так, например, в Хабаровском крае установлены приоритетные направления деятельности, по которым осуществляются в том числе и меры финансовой поддержки: инновационная деятельность; производство продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления, развитие промыслов; производство и переработка сельскохозяйственной продукции и ряд других [8].

Следует отметить, что федеральное законодательство устанавливает ограничения в отношении субъектов и видов деятельности, по которым не может осуществляться финансовая поддержка. Они установлены в п. 3, 4 ст. 14 Закона № 209-ФЗ применительно к кредитным организациям, страховым организациям, за некоторыми исключениями, инвестиционным фондам, негосударственным пенсионным фондам, профессиональным участникам рынка ценных бумаг, ломбардам, участникам соглашений о разделе продукции, субъектам, осуществляющим предпринимательскую деятельность в сфере игорного бизнеса, нерезидентам по валютному законодательству РФ, организациям и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим производство и (или) реализацию подакцизных товаров; добычу и (или) реализацию полезных ископаемых, за исключением общераспространенных. При этом в п. 1 ст. 78 БК РФ изложена специальная норма, устанавливающая изъятия из ограничений, предусмотренных п. 4 Закона № 209-ФЗ, в частности, ограничения по предоставлению субсидий не распространяются на реализацию отдельных подакцизных товаров: автомобилей легковых и мотоциклов, винодельческих продуктов, произведенных из выращенного на территории РФ винограда (в редакции, вступающей в силу с 1 января 2020 г., алкогольной продукции, предназначенной для экспортных поставок, винограда, винодельческой продукции, произведенной из указанного винограда);

– в зависимости от уровня финансирования – из федерального, регионального, местного бюджетов;

– в зависимости от нормативно-правового регулирования: финансовая поддержка, предусмотренная федеральными законами, подзаконными актами федерального уровня; законами субъектов РФ и подзаконными актами субъектов РФ; подзаконными актами органов местного самоуправления.

На федеральном уровне Постановлением Правительства РФ от 6 сентября 2016 г. № 887 установлены требования к нормативным правовым актам, регулирующим предоставление субсидий юридическим лицам (за исключением государственных (муниципальных) учреждений), индивидуальным предпринимателям – производителям товаров, работ, услуг [4]. В настоящем постановлении указываются требования к структуре актов, на основании которых должна предоставляться субсидия. Представляется, что принятие данного акта способствует унификации структуры таких актов. Однако следует учитывать, что, хотя содержание акта должно соответствовать определенным требованиям по структуре, но условия, порядок контроля отличаются в зависимости от вида субсидии, которая предоставляется субъектам малого и среднего предпринимательства.

На региональном и муниципальном уровне принимаются акты с учетом требований федерального законодательства.

Одним из обязательных условий, которые отражаются в нормативных правовых актах, регулирующих предоставление субсидии, в договорах о предоставлении субсидии, является согласие получателя субсидии на осуществление финансового контроля.

Практика показывает, что имеются нарушения законодательства как со стороны субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей субсидий, так и со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления.

Наиболее часто со стороны получателей субсидий встречаются следующие нарушения: предоставление недостоверных сведений, документов; невыполнение требований законодательства по исполнению обязательств, установленных в соглашениях, в соответствии с которыми получатель имеет право на возмещение расходов; предоставление к возмещению расходов, которые получатель не имеет права требовать к возмещению.

Со стороны органов власти нарушения могут быть обусловлены недостаточным количеством квалифицированных кадров, которые могли бы сделать достоверные выводы о нарушениях или об отсутствии нарушений со стороны получателей субсидии; не всегда удается провести комплексный анализ документации, часто контролю подвергается одна из сторон деятельности получателя субсидии, при этом другие стороны его деятельности выпадают из объекта контроля (например, не всегда подвергаются анализу условия гражданско-правовых договоров, на основании которых возмещается субсидия), следовательно, такой анализ может носить формальный характер; наличие конфликта интересов, связанного с личной заинтересованностью должностного лица, что, в свою очередь, влияет на принятие решения о предоставлении субсидии; не всегда четко прописаны права и обязанности органов, которые предоставляют финансовую поддержку, что осложняет привлечение должностных лиц к ответственности за нарушение требований действующего законодательства по предоставлению финансовой поддержки.

В целях предупреждения, выявления таких нарушений, необходимо повышение квалификации должностными лицами органов власти; оперативное реагирование на нарушения путем вынесения предписаний и контроль за исполнением предписаний в срок (к сожалению, на практике не всегда имеет место); четкое разграничение прав и обязанностей должностных лиц по принятию решений о предоставлении субсидии и контролю за использованием субсидий; своевременное принятие мер, направленных на возврат субсидии, в случае выявления нарушений.

В целях защиты интересов получателей субсидий необходимо применять все механизмы юридической защиты прав, в том числе путем оспаривания решений, действий (бездействия) органов власти. При этом необходимо, чтобы при применении судами действующего законодательства учитывались обстоятельства, которые указывают на добросовестность стороны – получателя субсидии или злоупотребление правом.

Помимо субсидий к формам финансовой поддержки можно отнести бюджетные инвестиции. Порядок предоставления бюджетных инвестиций в отношении юридических лиц (за исключением государственных, муниципальных учреждений, государственных, муниципальных унитарных предприятий) установлен в ст. 80 БК РФ. Их предоставление осуществляется: путем приобретения публичным образованием доли в уставном (складочном) капитале; предоставления инвестиций в объекты капитального строительства, находящиеся в собственности юридических лиц, и (или) приобретения объектов недвижимого имущества юридическими лицами за счет средств соответствующего бюджета.

Бюджетные инвестиции можно классифицировать в зависимости:

- от субъектов, которые приобретают долю в уставном (складочном) капитале, – Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования (следовательно, возникает государственная, муниципальная собственность на долю в уставном (складочном) капитале);
- от субъектов, которые принимают решения о предоставлении бюджетных инвестиций, – органы государственной власти РФ, субъектов РФ, муниципальных образований и субъекты, не являющиеся органами государственной власти (например, на федеральном уровне – государственные корпорации «Росатом» и «Роскосмос»);
- от уровня финансирования – за счет средств федерального, регионального, местного бюджетов, в том числе путем софинансирования из нескольких видов бюджетов;

– от нормативных правовых актов, регулирующих порядок предоставления бюджетных инвестиций: в соответствии нормативными правовыми актами РФ [5; 6], субъектов РФ, муниципальных образований;

– в зависимости от открытости (гласности) информации – получение сведений в открытом доступе о получателях бюджетных инвестиций; ограничение в доступе к информации, которая является секретной [3, п. 1 ст. 9].

Также к формам финансовой поддержки относятся государственные, муниципальные гарантии, общие требования к которым установлены как ФЗ о поддержке, так и в БК РФ (ст. 115).

Для эффективного их применения в практической деятельности и понимания их многообразия, государственные и муниципальные гарантии следует классифицировать по следующим основаниям:

– в зависимости от субъектов, предоставивших гарантию, – государственная гарантия РФ, государственная гарантия субъекта РФ, муниципальная гарантия (от их имени действуют органы власти); в определенных случаях также действуют от имени публичных образований агенты, не являющиеся органами власти;

– в зависимости от того, когда возникает обязательство, – обеспечение гарантией возникших или будущих обязательств;

– в зависимости от вида ответственности гаранта – субсидиарная или солидарная ответственность по обеспеченному публичным образованием обязательству принципала;

– в зависимости от возможности отзыва – безотзывная или отзывная гарантия;

– в зависимости от наличия или отсутствия регрессных требований гаранта к принципалу;

– в зависимости от срока действия гарантии;

– в зависимости от нормативного правового регулирования – в соответствии нормативными правовыми актами РФ, субъектов РФ, муниципальных образований;

– в зависимости от вида бюджета, за счет которого предоставляется гарантия, – федерального, регионального, местного.

При этом использование такой формы несет в себе риски для публичных образований, которые заключаются в следующем: отсутствие должного контроля со стороны бенефициара по исполнению обязательств принципалом; предоставление государственных (муниципальных) гарантий по убыточным проектам; увеличение государственного (муниципального) долга за счет предоставления гарантий.

Наиболее распространенными нарушениями со стороны субъектов малого и среднего предпринимательства по государственным (муниципальным) гарантиям (далее – принципалы) являются: неисполнение обязательств по проекту, под который выдана гарантия, и отсутствие ответственности принципала за такие действия; наличие задолженности по возмещению сумм, уплаченных гарантом бенефициару по гарантии (регрессные требования гаранта к принципалу).

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что в Российской Федерации реализуются меры финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Однако анализ действующего законодательства показал, что субъектам малого и среднего предпринимательства сложно разобраться в значительном массиве нормативных правовых актов, устанавливающих такие меры, кроме того, в таких актах содержится большой перечень условий, без соблюдения которых невозможно получить финансовую поддержку, что приводит к ограничению ее использования. Все это позволяет говорить о необходимости упрощения процедур предоставления финансовой поддержки (сокращение сроков рассмотрения заявок на получение поддержки; сокращение условий, в соответствии с которыми предоставляется финансовая поддержка; переход на электронные формы документооборота); устранения пробелов по порядку осуществления контроля со стороны органов власти при предоставлении финансовой поддержки (установление четких сроков проведения проверок, прав и обязанно-

стей должностных лиц по проведению проверок); повышения ответственности должностных лиц за принятые решения по предоставлению финансовой поддержки.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
3. О федеральном бюджете на 2019 и на плановый период 2020 и 2021 годов: федеральный закон от 29 ноября 2018 г. № 389-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Об общих требованиях к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление субсидий юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям), индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг: постановление Правительства РФ от 6 сентября 2016 г. № 887 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 37. Ст. 5506.
5. Об утверждении Правил принятия решения о предоставлении бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся государственными или муниципальными учреждениями и государственными или муниципальными унитарными предприятиями, в объекты капитального строительства за счет средств федерального бюджета: постановление Правительства РФ от 24 октября 2013 г. № 941. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. О порядке принятия решения о предоставлении бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся государственными или муниципальными учреждениями и государственными или муниципальными унитарными предприятиями, в целях предоставления взноса в уставные (складочные) капиталы дочерних обществ указанных юридических лиц на осуществление капитальных вложений в объекты капитального строительства, находящиеся в собственности таких дочерних обществ, и (или) на приобретение такими дочерними обществами объектов недвижимого имущества за счет средств федерального бюджета: постановление Правительства РФ от 29 декабря 2017 г. № 1692. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (вместе с Планом мероприятий (дорожной картой) по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года): распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении государственной целевой программы Хабаровского края «Развитие малого и среднего предпринимательства в Хабаровском крае»: постановление Правительства Хабаровского края от 17 апреля 2012 г. № 124-пр // Собрание законодательства Хабаровского края. 2012. № 4 (117) (ч. II).
9. Рахматуллин И. М. Некоторые аспекты правового регулирования поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в России // Молодой ученый. 2019. № 9 (247).

УДК 332.122

ОФФШОРНАЯ ЗОНА КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ТЕРРИТОРИИ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ РЕЖИМОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ольга Андреевна Зыкова, соискатель Новосибирского национального исследовательского государственного университета

E-mail: bubenova90@mail.ru

Автор проводит детальный анализ доктринальных источников, в рамках которых исследователи допускают мысль относительно идентичности таких понятий, как «свободная экономическая зона» и «оффшорная зона», однако после формулирования отличительных признаков приходит к выводу об ошибочности такого мнения. Также в статье упоминается об отдельном институте бизнеса – о территории со специальным режимом предпринимательской деятельности. Рассмотрев все его особенности, автор заключает, что оффшорные зоны являются одним из подинститутов данного явления.

Ключевые слова: особые экономические зоны; зоны территориального развития; территории опережающего социально-экономического развития; оффшорные зоны; отток капитала; инвестирование.

OFFSHORE ZONE AS ONE OF THE TYPES OF TERRITORY WITH A SPECIAL REGIME OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Olga Andreevna Zykova, applicant of the Novosibirsk National Research State University

The author conducts a detailed analysis of doctrinal sources, in which the researchers allow the idea of the identity of such concepts as «free economic zone» and «offshore zone», but after formulating the distinctive features comes to the conclusion that this opinion is erroneous. The article also mentions a separate business Institute—a territory with a special business regime. Having considered all its features, the author concludes that offshore zones are one of the substitutions of this phenomenon.

Keywords: special economic zones; territorial development zones; territories of advanced social and economic development; offshore zones; capital outflow; investment.

Тематика взаимосвязи таких явлений, как оффшорная зона и свободная экономическая зона, актуальна уже в течение достаточно долгого периода времени, и до сегодняшнего дня не представляется возможным утверждать о наличии единого мнения относительно соотношения правовой природы подобных территориальных образований. Следует отметить, что большинство доктринальных рассуждений построено на равнозначности понятий «свободная экономическая зона» (далее – СЭЗ) и «особая экономическая зона» (далее – ОЭЗ). Поскольку основной задачей данной статьи выступает рассмотрение корреляции между понятиями оффшорной зоны и СЭЗ, то мы также будем понимать термины СЭЗ и ОЭЗ как синонимы.

В большинстве научных источников понятие и сущность оффшорной зоны и СЭЗ детально раскрываются и определяется их соотношение. Вместе с тем необходимо отметить, что основная часть рассмотренных нами исследовательских работ была опубликована более десяти лет назад, за это время произошли законодательные изменения, что, безусловно, побуждает к переосмыслению ранее выдвинутых теоретических умозаключений.

Так, например, по мнению В. А. Ларионовой, оффшорная зона является разновидностью СЭЗ [10, с. 70], при этом на нее не распространяется сила таможенного, налогового, валютного и банковского законодательства в классическом понимании. Однако в легальной дефиниции термина «оффшорная зона», прописанной в ст. 84.1 Федерального закона «Об акционерных обществах» [1], под оффшорной зоной понимается государство или территория, предоставляющие льготный налоговый режим и (или) не предусматривающие раскрытие и предоставление информации при проведении финансовых операций. В данном определении указывается одна из отличительных характеристик оффшорных юрисдикций – льготный налоговый режим, который, как считает В. А. Ларионова, отсутствует в рамках СЭЗ. В силу того, что она указывает на условную равнозначность двух явлений, можно признать, что подобный итог рассуждений идет вразрез с принятым позже нормативным актом. Но поскольку умозаключения данного автора были представлены значительно раньше, чем принятие изменений в ФЗ «Об акционерных обществах», то можно утверждать, что работа В. А. Ларионовой не подлежит детальному рассмотрению и строгой критике.

В «Большом юридическом словаре» под редакцией А. Я. Сухарева термины СЭЗ и «оффшорная зона» имеют одинаковый смысл. Сущность этих явлений раскрывается следующим образом: СЭЗ (оффшорная зона) – это совершенно любая территория в рамках отдельного государства, предоставляющая для предпринимательского сектора преференциальные условия

ведения бизнеса в виде таможенных, валютных, налоговых, визовых льгот [6]. Аналогичного подхода придерживаются также другие авторы [23].

Вместе с тем не следует забывать, что в легальном определении термина «оффшорная зона» присутствует также указание на наличие дополнительной привилегии для юридических лиц – резидентов данной территории – в виде конфиденциальности относительно финансовой деятельности компании. В рамках СЭЗ подобное условие анонимности отсутствует. Данное обстоятельство наглядно демонстрирует наличие противоречия между определениями, представленными в юридических словарях [6; 23], и нормативными источниками, раскрывающими понятие термина «оффшорная зона», которые, опять же, появились гораздо позже.

Рассмотрев позицию об идентичности оффшорной зоны и СЭЗ, следует также обратить внимание на точку зрения о различии вышеуказанных территорий. В качестве примера приведем исследовательскую работу С. И. Бахтина «Правовое регулирование предпринимательской деятельности в свободных экономических зонах России и оффшорных зонах». Изначально он указывает на тождественность этих понятий, а затем все же допускает некие разграничения между ними, в частности: а) СЭЗ – явление взаимовыгодное и для государства, и для сектора бизнеса (прирост инвестиций, а также рост экономического оборота с одновременной минимизацией налоговых обязательств), оффшорная зона – угроза для экономики государства, чьи резиденты регистрируют юридические лица за его пределами (на территории оффшорных юрисдикций), создавая при этом отток капитала из своей страны; б) зарегистрированное в рамках СЭЗ юридическое лицо фактически осуществляет свою деятельность в ее же пределах, а компании, юридический адрес которых расположен в оффшорной зоне, реальное функционирование ведут за ее границами; в) СЭЗ – прозрачность финансовых операций, информации о бенефициарах юридических лиц – резидентов СЭЗ; оффшорная зона – полная конфиденциальность относительно деятельности компаний [2, с. 9–10].

Нельзя также оставить без внимания рассуждения М. М. Богуславского. Прежде всего следует отметить, что автор вовсе отказался от использования такой лингвистической конструкции, как «оффшорная зона», заменив ее на выражение «налоговая гавань» [5, с. 70–76]. Рассматривая позицию ведущего ученого в области международного частного права о соотношении двух типов территориальных образований, представляется возможным выделить отличительные характеристики СЭЗ, содержащиеся в данном им определении. Таковыми являются: а) обособленность территории; б) предпринимательская деятельность осуществляется на преференциальных условиях; в) регистрация юридических лиц в рамках СЭЗ допустима исключительно для нерезидентов Российской Федерации (что, несомненно, противоречит ст. 9 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»). По М. М. Богуславскому, «налоговая гавань» – это зарубежная территория, в пределах которой формируется (регистрируется) новый субъект предпринимательской деятельности, обладающий самостоятельной правоспособностью и дееспособностью [5, с. 156–179].

Как видим, М. М. Богуславский совсем не обращает внимания на лояльность условий реализации бизнеса в рамках оффшорной зоны, а подчеркивает лишь заграничный характер юридических лиц, зарегистрированных на ее территории. Представляется, что автор вообще не считает нужным соотносить каким-либо образом два названных вида зон и поэтому указывает на их автономность.

Идентичной концепции, характеризующейся неоднозначностью, придерживаются Б. М. Смитиенко [17], С. А. Рыбаков, Н. А. Орлова [16]. Они дают следующие определения терминам СЭЗ и «оффшорная зона»:

а) СЭЗ – часть территории (экономического пространства) государства с особым, льготным режимом хозяйственной, внешнеторговой, инвестиционной деятельности;

б) оффшорная зона – финансовый центр, созданный в государстве для привлечения иностранного капитала путем предоставления льгот.

В представленных дефинициях, несомненно, присутствует указание на единую для обоих типов зон черту – преференциальные условия ведения предпринимательской деятельности в виде льгот. Но, несмотря на данное обстоятельство, названные авторы все же не отождествляют данные понятия [14, с. 76–78].

Таким образом, опираясь на умозаключения вышеназванных специалистов в области права, представляется возможным сделать вывод, что СЭЗ и оффшорные зоны относятся к совершенно разным институтам международного права.

Такие авторы, как Н. Г. Швыдак, И. Н. Лебединец, Н. А. Черкасов, В. М. Шумилов, А. П. Белов, А. В. Брызгалин, С. И. Бахтин предлагают развернутую характеристику как СЭЗ, так и оффшорной зоны [12, с. 42–44]. При этом Н. Г. Швыдак [20], И. Н. Лебединец [11], Н. А. Черкасов [19], В. М. Шумилов [21] более детально анализируют режим предпринимательской деятельности в рамках СЭЗ, выделяя следующие отличительные условия для ведения бизнеса:

- 1) таможенный режим на льготных условиях;
- 2) отсутствие строгих условий и правил в части наличия квот и лицензий в экспортно-импортных отношениях;
- 3) свободные бартерные и посреднические операции;
- 4) освобождение от ряда налоговых обязательств;
- 5) лояльные условия в части налоговых кредитов;
- 6) юридические лица, обладающие иностранными инвестициями, проходят упрощенную процедуру регистрации;
- 7) привлечение капитала в виде иностранных инвестиций.

По мнению А. П. Белова [4], А. В. Брызгалина [7], С. И. Бахтина [2], оффшорные зоны обладают аналогичными характеристиками, но при этом имеют также и специфические (исключительные) преимущества, а именно:

- 1) наличие возможности у оффшорной компании вкладывать денежные средства в ценные бумаги;
- 2) свободные валютные операции, не обремененные контролем;
- 3) отмена налоговых обязательств в части налогов на продажу и добавленную стоимость;
- 4) свободный поток дивидендов в страну инвестора после их конверсии в валюту;
- 5) строгий принцип анонимности относительно бенефициарных владельцев компании;
- 6) конфиденциальность информации относительно финансовой деятельности компании;
- 7) фактическое ведение деятельности осуществляется за пределами оффшорной зоны.

Подводя итог, резюмируем, что основная часть исследователей воздержались от проведения сравнительного анализа и соотнесения СЭЗ и оффшорных зон, указывая таким образом на то, что эти два вида территориальных образований автономны и независимы друг от друга. Именно поэтому справедливо будет утверждать, что СЭЗ и оффшорная зона – явления не тождественные, это самостоятельные по своей сущности институты, подлежащие индивидуальному, частному нормативно-правовому регулированию.

Поскольку на вопрос относительно включения рассматриваемых зон в отдельную группу (объединение) не был найден ответ выше, резонным будет обратиться к научным трудам таких авторов, как А. В. Белицкая [3], И. А. Черешнева [18], С. В. Кузнецов [9], В. Д. Мельгунов [13], С. Б. Элибиев [22], С. Г. Верещагин [8], поскольку они все без исключения в своих исследованиях выделяют обособленный, наиболее крупный институт предпринимательства и обозначают его как «территория со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности». Это обособленная границами территория, в пределах которой существует установленная система реализации предпринимательской деятельности, состоящая

из комплекса юридических средств и методов, и которая направлена на формирование наиболее выгодных условий ведения бизнеса в целях привлечения дополнительных инвестиций в экономику страны.

При этом авторы не останавливаются на сепарации подобного вида территории и выделяют различные подвиды обособленных зон, которые, в свою очередь, являются разновидностью территорий со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности. К таковым относятся: СЭЗ, зоны территориального развития (ЗТР), территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) [15, с. 20–24]. Подобные инструменты государственной политики, направленные на приток иностранного капитала, обладают следующими общими отличительными характеристиками: а) определенная границами территория; б) особый режим осуществления предпринимательской деятельности, содержание и суть которого отличаются в зависимости от вида территорий (по количеству льгот и мерам господдержки) [3, с. 34–35].

Полагаем логичным также рассмотрение вопроса о соотношении оффшорной зоны с территорией со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности. Как уже упоминалось выше, под оффшорной зоной следует понимать обособленную территорию, предусматривающую преференциальный режим осуществления предпринимательской деятельности (налоговые, валютные, таможенные и иные льготы, высокий уровень конфиденциальности и упрощенный порядок регистрации) хозяйствующих субъектов, которые фактически действуют на территории другого государства. Исходя из данной дефиниции, оффшорная зона характеризуется следующими элементами: а) обособленность территории; б) наличие особого режима осуществления предпринимательской деятельности.

Таким образом, представляется возможным отметить явные совпадения данных параметров с референциями, изложенными исследователями в отношении территории со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности, которая олицетворяет собой институт предпринимательства, содержащий в себе подинституты в виде СЭЗ, ЗТР, ТОСЭР. Оффшорные зоны аналогично являются одним из подинститутов территории со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности наравне с иными инструментами государственной политики.

Литература

1. Об акционерных обществах: федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
2. Бахтин С. И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в свободных экономических зонах России и оффшорных зонах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
3. Белицкая А. В. Правовое регулирование реализации инвестиционных проектов на территориях со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 2.
4. Белов А. П. Международное предпринимательское право: практ. пособие. М., 2001.
5. Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. 5-е изд. М.: Юрист, 2004.
6. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2009.
7. Брызгалин А. В. Оффшорные механизмы в международном налогообложении: основные положения // Законодательство и экономика. 1998. № 1.
8. Верещагин С. Г. Управление свободными и особыми экономическими зонами // Административное и муниципальное право. 2008. № 7.
9. Кузнецов С. В. Банки развития: международный опыт правового регулирования: монография. М.: Юстицинформ, 2018.
10. Ларионова В. А. Финансово-правовой механизм оффшорных зон // Право и экономика. 2007. № 11.
11. Лебединец И. Н. Международно-правовые гарантии иностранных инвестиций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
12. Лисица В. Н. Особые экономические зоны в Российской Федерации: монография. Новосибирск: РИФ-Новосибирск, 2010.
13. Мельгунов В. Д. Административно-правовое регулирование и административно-правовые режимы в сфере предпринимательской деятельности: монография. М.: Волтерс Клаувер, 2008.

14. Павлов П. В. Административно-правовое регулирование режима особых экономических зон в России // Административное и муниципальное право. 2010. № 12.
15. Петраков А. Ю. Правовой режим осуществления предпринимательской деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации // Юрист. 2017. № 13.
16. Рыбаков С. А., Орлова Н. А. Особые экономические зоны в России: налоговые льготы и преимущества: монография. М.: Вершина, 2006.
17. Смитиенко Б. М., Ковальчук А. К. Современная международная торговая система и Россия: монография. М.: Инфра-М, 2004.
18. Черешнева И. А. Территории со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности: опыт Китая // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6 (91).
19. Черкасов Н. А. Свободные экономические зоны и зоны свободного предпринимательства в стратегии интеграции стран – участниц СНГ // Журнал российского права. 1999. № 9.
20. Швыдак Н. Г. Правовое регулирование хозяйственной деятельности в свободных экономических зонах // Право и экономика. 1994. № 17/18.
21. Шумилов В. М. Международно-правовое регулирование международных экономических отношений (вопросы теории и практики) // Государство и право. 2000. № 7.
22. Элибиев С. Б. Территории со специальным режимом предпринимательской деятельности как инструмент реализации промышленной политики в регионе // Вестник экспертного совета. 2016. № 2 (5).
23. Яковлев В. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М.: Инфра-М, 1997.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакционную коллегию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

Текст представленной работы должен содержать: введение (вводную часть), основную часть и заключение (заключительная часть). Объем каждой из частей и их соотношение определяются автором, исходя из особенностей статьи.

Вводная часть работы, как правило, служит для обоснования автором целесообразности и/или актуальности темы (научной разработки, проблемы, вопроса или задачи). В ней же формулируется основной замысел или причина, побудившая автора к проведению углубленного исследования темы и поиску решения проблемного вопроса (ситуации).

Основная часть служит для раскрытия содержательных и/или доказательных аспектов рассматриваемой темы (проблемы, вопроса или задачи) исследования. Здесь необходимо подробно изложить суть проблемы, провести ее анализ, обосновать решения и конкретные приемы (способы, методы), предлагаемые автором, отразить результаты, полученные путем анализа и синтеза, а также привести достаточные основания и доказательства, подтверждающие их достоверность.

В заключении (заключительной части) автором формулируются обобщенные выводы, основные рекомендации или предложения; приводятся иные итоги проведенного исследования; прогнозы и/или перспективы развития темы, а также возможности и сферы их использования; могут указываться направления дальнейших исследований и разработок автора.

2. При приеме статьи с автором (авторами) заключается лицензионный договор (размещен по адресу: <https://media.mvd.ru/files/application/1584044>) о предоставлении издательству Дальневосточного юридического института МВД России прав на использование материалов (неисключительная лицензия), в том числе права на обработку персональных данных автора (авторов).

3. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %. В случае обнаружения ранее опубликованной (обнародованной) работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30 % по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия Вестника оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

4. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru).

5. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

7. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейного библиографического списка. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Пристатейный список литературы размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованные при написании статьи литературные и другие источники. При этом список библиографических ссылок вначале содержит перечень использованных официальных документов, расположенных по юридической силе, затем – перечень печатных источников (книги, статьи в журналах и газетах и т. д.), а в конце списка литературы приводятся ссылки на интернет-ресурсы. В пределах каждой такой подгруппы библиографические записи сортируются по алфавиту. Пристатейный нумерованный список литературы следует оформлять в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008.

8. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

9. Статья должна иметь шифр УДК.

10. Технические требования к статьям:

– набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

– библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

– название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

11. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

12. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

13. Плата за опубликование статей не взимается.

14. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.

Адрес редакции:

680020, Хабаровск, пер. Казарменный, 15,

Дальневосточный юридический институт МВД России,

редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник ДВЮИ МВД России».